Н с 3114

ЗИНАИДА ОРДЖОНИКИДЗЕ

ПУТЬ БОЛЬШЕВИКА

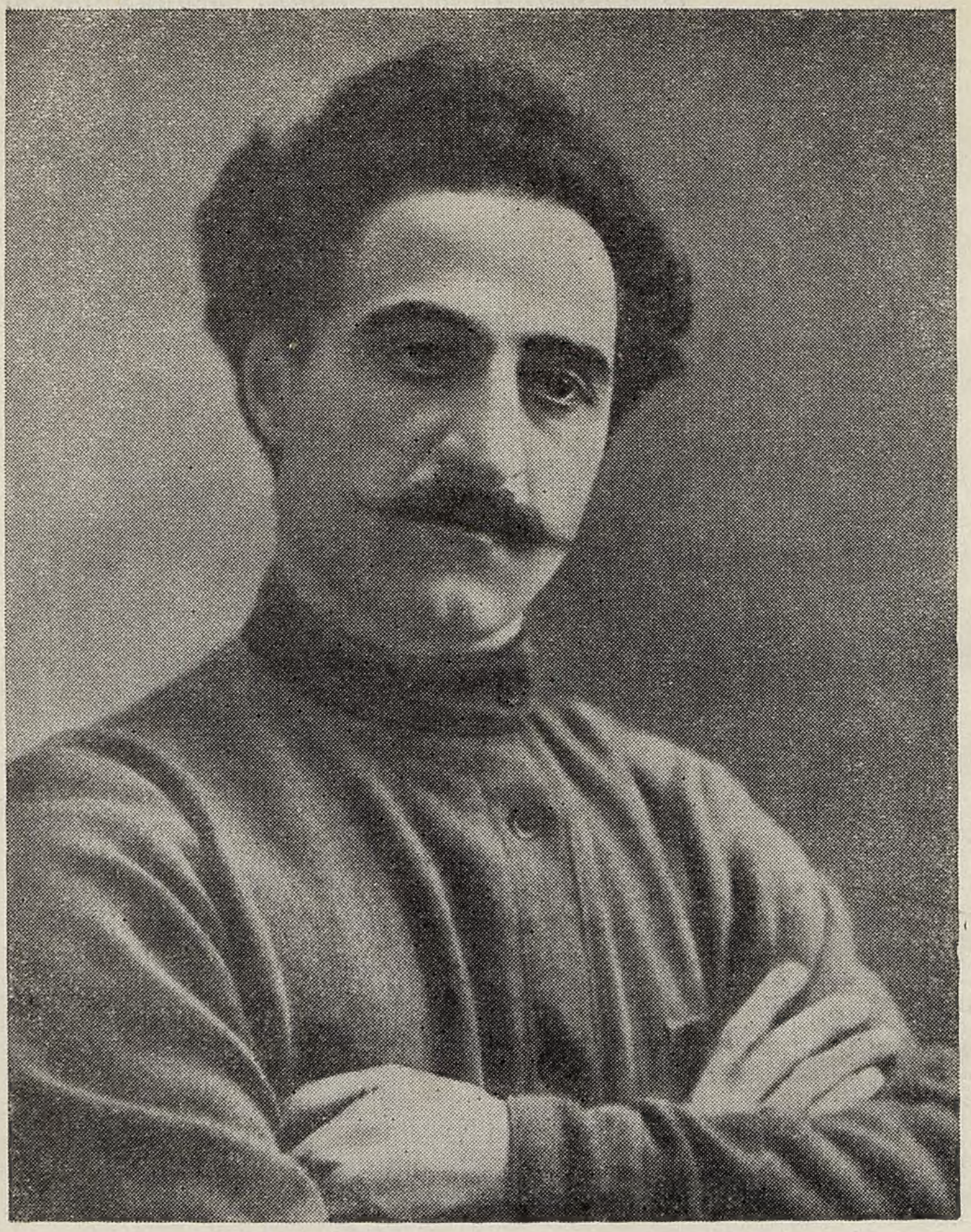
ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ТЕХНИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1939

ПРОВЕРКА
1950

Научная библиотека СПбГУ
1001837476

9 MAR 1939

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!



ГРИГОРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ
ОРДЖОНИКИДЗЕ
1886—1937

ЗИНАИДА ОРДЖОНИКИДЗЕ

Н I 3114

ПУТЬ БОЛЬШЕВИКА

СТРАНИЦЫ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
О СЕРГО ОРДЖОНИКИДЗЕ

1939 № 32997

ПРОВЕРКА 2007 г.

Научная Библиотека им. Горького при ЛГУ

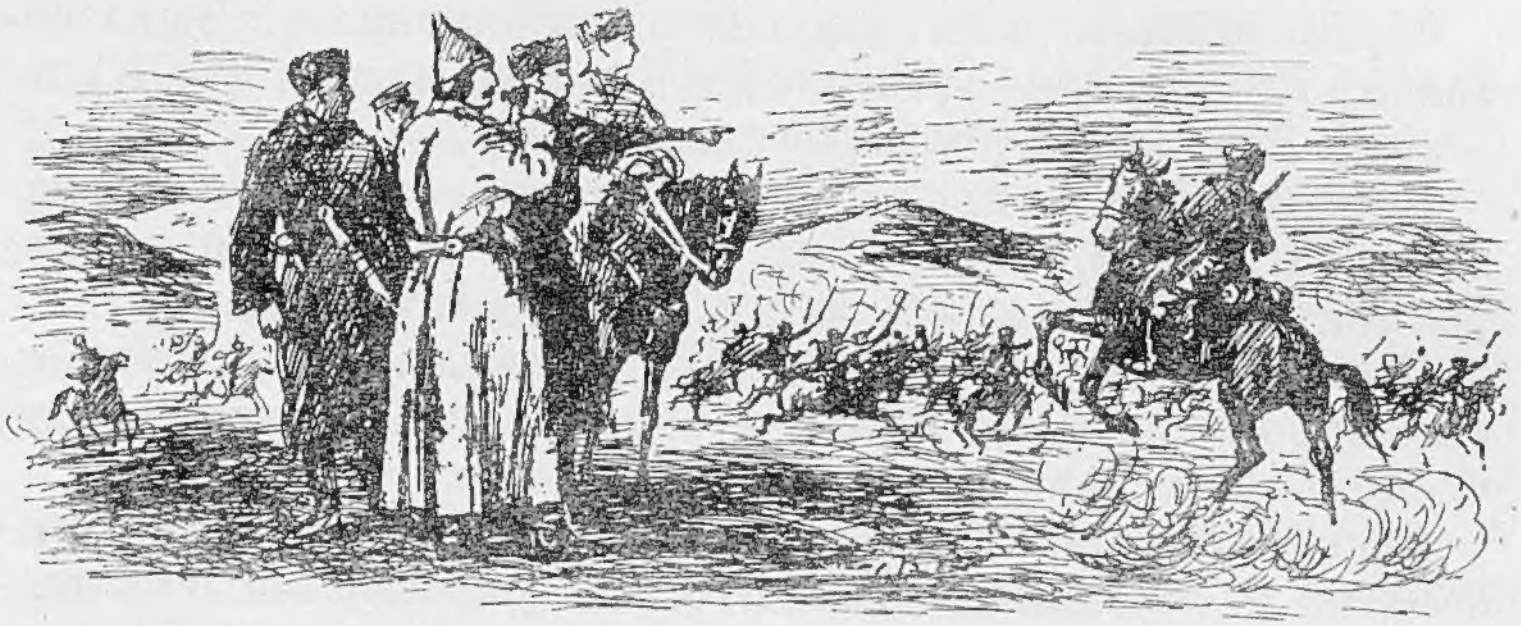
ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1939

А Н Н О Т А Ц И Я

Книга Зинаиды Гавриловны Орджоникидзе «Путь большевика»—воспоминания об отдельных эпизодах жизни и борьбы великого революционера, соратника Ленина и Сталина, Григория Константиновича Орджоникидзе.

Воспоминания З. Г. Орджоникидзе охватывают период от 1912 до 1921 года—года окончания гражданской войны.

Литературная обработка
ВСЕВОЛОДА САБЛИНА



ОТ ПРАЖСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ДО ССЫЛКИ В ЯКУТИЮ

ерго Орджоникидзе провел около восьми лет в царских тюрьмах, на каторге, на этапах и в ссылке. Последний его арест произошел 27 апреля 1912 года.

Царские опричники давно разыскивали Серго. Он был членом большевистской партии с 1903 года и прошел большую школу революционной борьбы под руководством Ленина и Сталина.

После поражения революции 1905 года, когда со всей остротой встал вопрос о выращивании партийно-пропагандистских кадров из пролетарской среды, Ленин, бывший в эмиграции, создал в Лонжюмо, недалеко от Парижа, партийную школу. Здесь Серго слушал лекции Владимира Ильича по основным вопросам революционной теории и практики.

Вскоре Серго был вынужден прервать учебу: Владимир Ильич направил его в Россию с ответственнейшим поручением—начать подготовительную работу по созыву общероссийской конференции партии.

Серго объехал весь юг, север и Закавказье. Была создана Российская организационная комиссия (РОК) по созыву партийной конференции.

Конференция большевиков открылась в Праге 18 января 1912 года. Серго был делегатом Пражской конференции от Тифлисской партийной организации.

Всей работой конференции руководил Ленин. Сталин, находившийся в это время в ссылке, был заочно избран членом Центрального Комитета партии.

Разгромив ликвидаторство, Пражская конференция указала на необходимость дальнейшего укрепления подпольных организаций и сочетания методов легальной и нелегальной борьбы. Было принято решение об активном участии социал-демократов в выборах в IV Государственную думу.

На первом заседании конференции выступил Серго. Он сделал обширный доклад о работе Организационной комиссии, которая подготовляла созыв конференции. В резолюции, принятой по докладу Серго, говорится:

«Конференция считает своим долгом отметить громадную важность произведенной Российской организационной комиссией работы по сплочению всех российских партийных организаций».

Серго был избран членом Центрального Комитета. Было создано бюро Центрального Комитета для руководства всей партийной работой в России. В это бюро, возглавлявшееся товарищем Сталиным, вошел и Серго.

Вскоре по возвращении в Россию Серго был арестован.

До сих пор сохранился листок из блокнота, на котором Серго в годы гражданской войны беглым ровным почерком записал:

«Арестовали под Гудаутами 24 декабря 1905 года, освободили в апреле 1906 года.

Уехал в Германию в конце августа 1906 года и вернулся в начале 1907 года.

Был (арестован) 1 мая в Баку, выпущен 26 мая, вновь

был арестован там же в 1907 году, не то 1 октября, не то 1 ноября, и осужден в 1908 году в ссылку на поселение. В 1909 году был освобожден в Приангарском крае Енисейской губернии в июне в селе Потоскуй, сбежал из ссылки в том же году в августе и прибыл в Баку.

В связи с провалом уехал в Персию. Принимал участие в экспедиции Сардар-Мухи на Ардабил против контрреволюции. В конце 1910 года эмигрировал во Францию.

В 1912 году был арестован в Петрограде и просидел в Петрограде, Шлиссельбурге, Иркутске и Александровске до 1916 года. В 1916 году был освобожден в Якутске, в 1917 году вернулся в Питер».

В этих скупых строках заключена история многих лет борьбы. Шесть месяцев находился Серго в камере предварительного заключения в Петербурге. Вскоре Петербургский окружной суд приговорил его за прежний побег из ссылки и за большевистскую работу к трем годам каторги, а по отбытии ее—к вечной ссылке.

Закованного в кандалы Серго доставили в Шлиссельбургскую крепость. Три долгих года прошли в каменном мешке. Однако бодрость и всепобеждающий оптимизм не покидали Серго. Он работал над собой и читал, читал без конца. В толстой клеенчатой тетради, выданной Серго тюремным начальством, сохранились списки прочитанной им за этот период литературы. Здесь часто встречаются имена Чернышевского, Добролюбова и др. Большой конспект составлен им по истории средних веков.

Шлиссельбург для Серго был своеобразным университетом. Здесь, закованный в кандалы, отбывающий каторгу, он находил в себе силы для углубленного изучения марксизма, истории, философии, экономики и литературы.

В октябре 1915 года Серго был выслан по этапу в Восточную Сибирь. До весны 1916 года, пока не открылась навигация на Лене, Серго находился в заточении в Александровском централе. Из Иркутска Серго был направлен в далекий Якутск.

Партия ссыльных шла беспредельными бурятскими степями. Несколько подвод тащилось за ними. Конвойные офицеры грубыми окриками подгоняли отстающих. По безграничным просторам неслась песня ссыльных:

Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль,
Колодников звонкие цепи
Взметают дорожную пыль.

Идут с ними длинные тени,
Две клячи телегу везут,
Лениво сгибая колени,
Конвойные с ними идут...

Долог, труден этап. Он идет сперва степью, затем тайгой. Дорога вьется по крутым берегам Лены. Вокруг подымаются разрушенные временем дикие скалы.

Несколько дней ехал Серго в трюме баржи-паузка. Здесь не было даже самых элементарных удобств. В два яруса тянулись сплошные нары, на которых вповалку лежали и здоровые и больные. Воздух был душный, смрадный. Двери были наглухо закрыты. Выходить на палубу ссыльным было строго запрещено.

Начались теплые белые ночи. Солнце не скрывалось круглые сутки, и только в час-два ночи восток окрашивался в яркокрасные тона.

Чем ближе подходили к Якутску, тем добрее становились конвойные. Офицеры старались не показываться ссыльным на глаза. Только в самом городе начальник конвойной команды набросился на Серго с грубой бранью.

Местное начальство было недовольно присылкой к ним столь опасного «преступника». В «Статейном списке», составленном с.-петербургской губернской тюремной инспекцией, значилось, что «Григорий Константинович Ордионикидзе — каторжный, осужден уже третий раз». В графе «следует ли в оковах или без оков» было написано—«в ножных кандалах», а в графе «может ли следовать пешком» стояло лаконическое—«может». Далее

ПОЛИЦЕЙСКИЙ СНИМОК СЕРГО ОРДЖОНИКИДЗЕ (1912 г.)

значилось, что рост Серго—«2 аршина и 6 вершков, телосложение хорошее, глаза и волосы черные, цвет и вид кожи лица—белый».

Самое главное было в конце «Статейного списка»: «Признан виновным в первом побеге с места водворения вне Сибири и проживании по чужому паспорту», а посему лишен «всех прав состояния». В скобках были перечислены статьи из «Уложения о наказаниях».

Такая характеристика послужила поводом для якутского губернатора сбыть Серго подальше с глаз. В «Деле Якутского областного управления» появилась новая запись: «Прибыл в Якутскую область 14 июня 1916 года и распределен в Нюрьбинское сельское общество Вилюйского округа».

Нюрьба лежит в далекой тундре, за семьсот верст от Якутска. Это—ссылка в ссылке.

Якутск того времени был городом купцов-колонизаторов, дворянства и духовенства. Это были «отцы города». Однако немаловажную роль играли в Якутске и ссыльные. Здесь находились Григорий Иванович Петровский и Емельян Ярославский. Всех ссыльных здесь было около четырехсот человек. Ссыльные были объединены в кассу взаимопомощи. В действительности то была подпольная политическая организация.

Часто в доме Ярославского, который жил при городском музее в отдельном домике (товарищ Ярославский был директором якутского музея), собирались якобы на именины или на какой-либо другой праздник ссыльные большевики. Здесь устраивались доклады на различные политические и общеобразовательные темы, зачитывались рефераты, велись долгие беседы о войне, о приближающейся революции.

Ссыльные большевики сыграли не малую роль в отмене решения губернатора об отправке Серго в Нюрьбу.

4 июля 1916 года, под нажимом якутской организации ссыльных, заведующий городской больницей обратился

к «его превосходительству господину якутскому вице-губернатору»:

«Ввиду недостатка врачей и фельдшеров при Якутской областной больнице прошу ваше превосходительство назначить во вверенную мне больницу только что пришедшего с партией ссыльнопоселенца, медицинского фельдшера Орджоникидзе, отправляемого на-днях в Вилюйский округ».

Губернатор «милостиво» согласился на просьбу заведующего больницей. Якутскому исправнику был направлен циркуляр:

«Областное управление сообщает вашему высокоблагородию, что ссыльнопоселенец, прибывший с первой ленской партией, Григорий Орджоникидзе, назначенный первоначально в селение Нюрьбинское Вилюйского округа, г. губернатором переназначен в Мархийское сельское общество с разрешением временно проживать в г. Якутске».

Серго сразу же вошел в центр политической жизни якутских ссыльных. Серго рассказывал большевикам, уже давно оторванным от столицы и не знавшим партийных новостей, о победе над ликвидаторами, хотевшими уничтожить подполье, об окончательном организационном оформлении большевистской партии.

Он сделал специальный доклад, посвященный итогам Пражской конференции. Такой доклад делал он четыре года назад в Питере, незадолго до своего ареста.

Много тайных собраний провел Серго в Якутске, много раз делал доклады на различные политические темы. Особенно жгучим, волнующим вопросом был вопрос об отношении к войне. Большевики Ярославский и Петровский отстаивали пораженческую точку зрения. Серго без малейшего колебания встал на ленинскую позицию и повел жестокую борьбу с оборонцами.

Революционная работа Серго в ссылке не могла пройти незамеченной для местных властей. Осенью 1916 года Серго был переведен из Якутска в село Покровское.

СЕЛО ПОКРОВСКОЕ

В ту пору я была сельской учительницей, обучала русских и якутских ребят в приходской школе.

Село Покровское, в котором я тогда работала, находилось в девяноста верстах от Якутска. В селе всего около пятнадцати дворов. Постройки черные, бревенчатые. Место глухое, но очень живописное. Село стоит на высокой горе, внизу течет широкая, величавая Лена. Это крупнейшая сибирская река. Весной ее полые воды разливаются на двадцать верст, иногда затопляя Якутск, хотя город расположен в пятнадцати верстах от реки.

Вокруг Покровского шумит зеленая тайга. Место наше далекое, северное. Лето бывает коротким, хотя и очень пышным. Земля оттаивает только на один метр. Поэтому корни деревьев не уходят вглубь, а стелются почти по поверхности.

Вдоль Лены идет почтовый тракт. Крестьяне в те времена держали по две-три лошади и долгой якутской зимой «гоняли почту».

В течение девяти месяцев в году почтовые лошади были единственным средством сообщения с областным центром. Не удивительно, что корреспонденция часто терялась в пути, а столичные газеты приходили с опозданием на целый месяц.

В Покровском жило всего 15 крестьянских семейств, в которых ютились ссыльные, но, несмотря на это, селение считалось довольно значительным центром. Здесь была церковь, волостное управление, лавка купца Игумнова, церковно-приходская школа, больница, телеграфное отделение, почтовая станция, а летом и пристань.

Часто в Покровском устраивались ярмарки, куда съезжались коренные жители этих мест—якуты. Они приезжали на маленьких заросших густой шерстью лошадях.

Якутские селения (наслеги) начинались в двух—пяти верстах от Покровского. Жили якуты оседло, хотя летом

угоняли скот на левый берег Лены, где на островах и заливных лугах росла сочная трава.

Якуты жили бедно, в нищете и грязи. Но были среди якутов и свои князьки—тойоны, которые имели по сотне и больше голов скота. На них опирались царские жандармы и купцы.

Больница села Покровского обслуживала все окрестные наслеги на территории более пятисот верст. В ней работали женщина-врач, время от времени наезжавшая в селение, и фельдшер-якут, по фамилии Слепцов. Серго, еще в юные годы окончивший фельдшерскую школу, был послан в эту больницу.

★

Впервые я встретила Серго в пасмурный сентябрьский день 1916 года. Вместе с подругой мы шли по широкой улице села. Нам повстречался худой и стройный кавказец. Он был одет в поношенное осеннее пальто. Шел он без шапки, и ветер развевал его вьющиеся длинные волосы.

— Кто это?—обратилась я к подруге.

— Новый фельдшер...—Подруга помолчала.—Не то черкес, не то грузин.

Мы прошли мимо.

— Откуда он?—вновь спросила я.

Подруга пожала плечами:

— Не знаю...

Через несколько дней я встретила нового фельдшера на пристани у парохода.

В наших глухих местах пароход был единственным развлечением. Вместе с ним приходили свежие новости из России, приезжали новые люди... Трудно передать, с каким волнением ожидали в глухих сибирских селах после долгой зимы первого парохода. Это было для нас праздником. Весь народ валом валил на пристань.

Но сейчас была осень. Накрапывал мелкий дождик. Он навевал грусть. Я думала о том, что скоро наступит

зима и солнце почти совсем перестанет показываться из-за горизонта. Зимний день в Якутии равен четырем часам...

Вскоре я познакомилась с новым фельдшером. Моим ученикам нужно было привить оспу, и он пришел к нам.

Меня поразило, с каким вниманием и любовью была проведена Серго эта процедура. Ни один из моих ребят не проявил ни малейшего страха.

Затем я стала встречаться с фельдшером в семье одного местного жителя. У молодой женщины—Кати было много детей. Однажды у нее заболел десятилетний сын. Пригласили фельдшера. Когда он вошел в комнату, трое детей играли возле стола. Они с испугом взглянули на фельдшера. Его большие черные глаза, усы и откинутые назад волосы внушили им страх.

— Цыган!—закричали они и спрятались под стол.— Это цыган!

Фельдшер прошел в глубь комнаты, где лежал больной мальчик. Он заботливо осмотрел ребенка и прописал лекарство. Ничего страшного с мальчиком не было— обычная инфлуэнца.

Дети попрежнему со страхом поглядывали на «цыгана». Он подошел к ним и с шутками стал вытаскивать их из-под стола. Сначала ребятишки отбивались и пищали, но веселая, добрая улыбка фельдшера успокоила и ободрила малышей. Уже через пять минут фельдшер и дети были друзьями. Ребята сидели у него на коленях, а он щекотал их своими пушистыми усами и обучал грузинской скороговорке: «ква, ква, кончала; кончала да кончала; гогона да гогона».

— Дядя, а что это значит?—спрашивали у него дети, со смехом повторяя непонятные слова.

— Секрет.

— Ну, дяденька, миленький...

— Нет, не скажу.

Фельдшер очень любил детей, и дети платили ему тем же. Он стал самым дорогим гостем у Кати, и всегда с его приходом в доме начиналось общее оживление.

Часто бывало, что он привозил из далекого якутского селения больных ребятишек. С каким вниманием, с какой заботой лечил он их! Он сам обмывал их грязные тела, сам делал перевязки, сам кормил...

В доме Кати я узнала, что он—ссыльный и зовут его Григорием Константиновичем Орджоникидзе. Фамилия была настолько трудной, что мы запросто стали называть его «Грузей», а после—Серго.

Люди юга с трудом переносят резкую перемену климата. В суровой Якутии они часто болеют.

Однако Серго сравнительно легко переносил суровую якутскую зиму. Часто, несмотря на морозы в 60 градусов, он на паре лошадей с бубенцами ездил по окрестным селениям.

Мы беспокоились о Серго. Наряжали его в теплый черный тулуп, а сверху надевали доху. В этом наряде Серго выглядел очень смешно, потому что доха была короткой и из-под нее виднелись длинные полы тулупа.

Участок, который Серго приходилось объезжать, шел на север на 50 километров, на юг—приблизительно на 200 километров и на восток—на 250 километров. Его кибитка спускалась с гористого берега Лены, где лежит наше родное село Покровское, и надолго пропадала в тайге.

Серго с исключительной добросовестностью относился к работе. Амбулаторный прием он начинал рано, часов в шесть утра.

Заведующая больницей не раз с недоумением спрашивала Серго, почему он так рано начинает работу.

Он отвечал:

— Больных много, якуты приходят из окрестных селений. Не могу же я заставлять их ждать.

Якуты появились на территории современной Якутии в XIII—XIV веках и занялись охотой и рыболовством. В те отдаленные времена они жили еще в условиях патриархально-родового строя, но вскоре родовые отношения у них начали распадаться, развивался феодализм.

Тойоны, о которых я рассказывала выше, прежде были родовыми старшинами, а впоследствии превратились в настоящих князьков.

В начале XVII века в Якутии появились русские казаки. Далекая Якутия привлекала внимание Московского государства как источник пушнины для «охочих и промышленных людей».

Колонизаторы взимали с якутов «ясак» (налог), выколачивали «мягкую рухлядь» (пушнину). Торговля пушным зверем происходила путем обмена, чаще всего— на водку. Колониальный грабеж сопровождался самыми зверскими жестокостями со стороны казаков. В этом им помогали местные князьки—тойоны. Якутский народ жил под двойным гнетом.

Завоеватели вели торговлю рабами. Вплоть до начала XIX века Якутск был центром работорговли для всей Сибири.

Неудивительно поэтому, что до революции якуты вымирали. Среди них свирепствовали самые страшные болезни— сифилис, волчанка, трахома. Медицинскому работнику, да еще внимательному, чуткому, работы здесь было по горло.

Якуты очень любили Серго. Он был не только хорошим медиком, он вникал в быт своих пациентов, изучал экономические условия их существования.

Серго и Слепцов обратились к моей матери с просьбой взять их на пансион и с тех пор стали ежедневно бывать у нас в школе. Длинными зимними вечерами просиживали мы у стола. Тускло светила керосиновая лампа. Наши тени причудливо ползли по стенам. Серго рассказывал о далекой Москве, о Питере, о Кавказе, о русских рабочих и большевистской партии. Грузия вставала в его рассказах, как яркая страна вечного солнца.

— Эту страну поработили!—гневно говорил Серго.— Всю Россию! Всю нашу родину!..

Однажды мое начальство предложило мне произвести перепись школьной библиотеки. У меня было два шкафа

книг. Вместе с Серго мы взялись за эту работу. Он был очень веселым, жизнерадостным, энергичным. Любая работа спорилась в его руках.

Приближался январь, а вместе с ним—и зимние каникулы в школе.

Серго предложил мне:

— Поедемте вместе в Якутск?

Я согласилась.

В ясный морозный день я, тепло закутанная, вышла на крыльцо. В кибитке с колокольчиками меня уже ждал Серго.

Путь от Покровского до Якутска прошел весело и незаметно. Серго распевал песни, рассказывал мне о своем детстве.

Родился он в Кутаисской губернии, в селе Гореша. Отец его числился в сословии грузинских дворян, но на самом деле был обычным бедным крестьянином. У него было так мало земли, что запаса кукурузы едва хватало на восемь месяцев. Чтобы прокормить семью, отец Серго уходил каждую зиму на заработки. Он работал на марганцевых рудниках.

В 1905 году Серго окончил фельдшерскую школу и вернулся на родину, где началась его непримиримая борьба с меньшевиками. Он работал в качестве пропагандиста и агитатора, организовывал митинги-дискуссии с меньшевиками. Серго всегда имел при себе брошюру Сталина, которая называлась «Вскользь о партийных разногласиях».

Девятнадцатилетним юношей Серго стал общепризнанным руководителем партийной организации Абхазии. Однажды в Гудаутах, после того как был получен царский манифест 17 октября 1905 года, Серго организовал летучий митинг в центре города, на базарной площади. Он забрался на арбу и начал речь. Он говорил о том, что только свержение царя и уничтожение самодержавного строя могут дать подлинную свободу.

Первый арест Серго произошел в 1905 году, когда недалеко от Гудаут, в селе Бомбары, он выгружал транспорт оружия. Серго был схвачен царскими жандармами и заключен в сухумскую тюрьму. В середине 1906 года Серго был выпущен на поруки. В Тифлисе, в редакции газеты «Дро» («Время»), Серго впервые встретил своего учителя и друга—Сталина...

★

Поздно вечером мы приехали в Якутск. Это был довольно большой город, почти целиком состоявший из деревянных строений. На главной улице горело электричество.

Ночь под Новый—1917—год Серго провел у товарищей. Под видом праздника там происходило подпольное собрание большевиков. Посреди комнаты была устроена елка, на столах—вино, закуски.

Ем. Ярославский сделал доклад о текущем моменте и задачах партии. Он располагал бо́льшими, чем другие ссыльные, возможностями для подготовки к этому докладу, потому что работал в музее и мог, не навлекая подозрения, целыми днями сидеть над литературой. Сама музейная работа была связана с книгами и разными справочниками.

Ем. Ярославский дал анализ современного положения и сделал вывод о неизбежности революционного взрыва в стране.

Серго горячо поддержал эту мысль. Он говорил, что разруха в стране и затянувшаяся империалистская война должны неминуемо привести Россию к социальному перевороту.

— Свержение самодержавия!—горячась, кричал он.—Немедленное прекращение войны!..

Серго очень любил маленькую девочку Марианну—дочь Ярославского, постоянно баловал ее и любил разговаривать о том, как по возвращении на родину они вместе

будут бороться против царя, загнавшего их в ссылку, победят его и тогда начнется радостная, прекрасная жизнь.

В своих мечтах Серго доходил до экстаза. Он шумел, пел и обучал Марианну близким каждому революционеру лозунгам:

— Долой царя!

— Долой помещиков и фабрикантов!

— Долой войну!

Серго спрашивал Марианну:

— Мы победим? Да?

И в знак того, что победа неминуема, Серго учил девочку бросать на пол стаканы и вместе с ней заразительно смеялся.

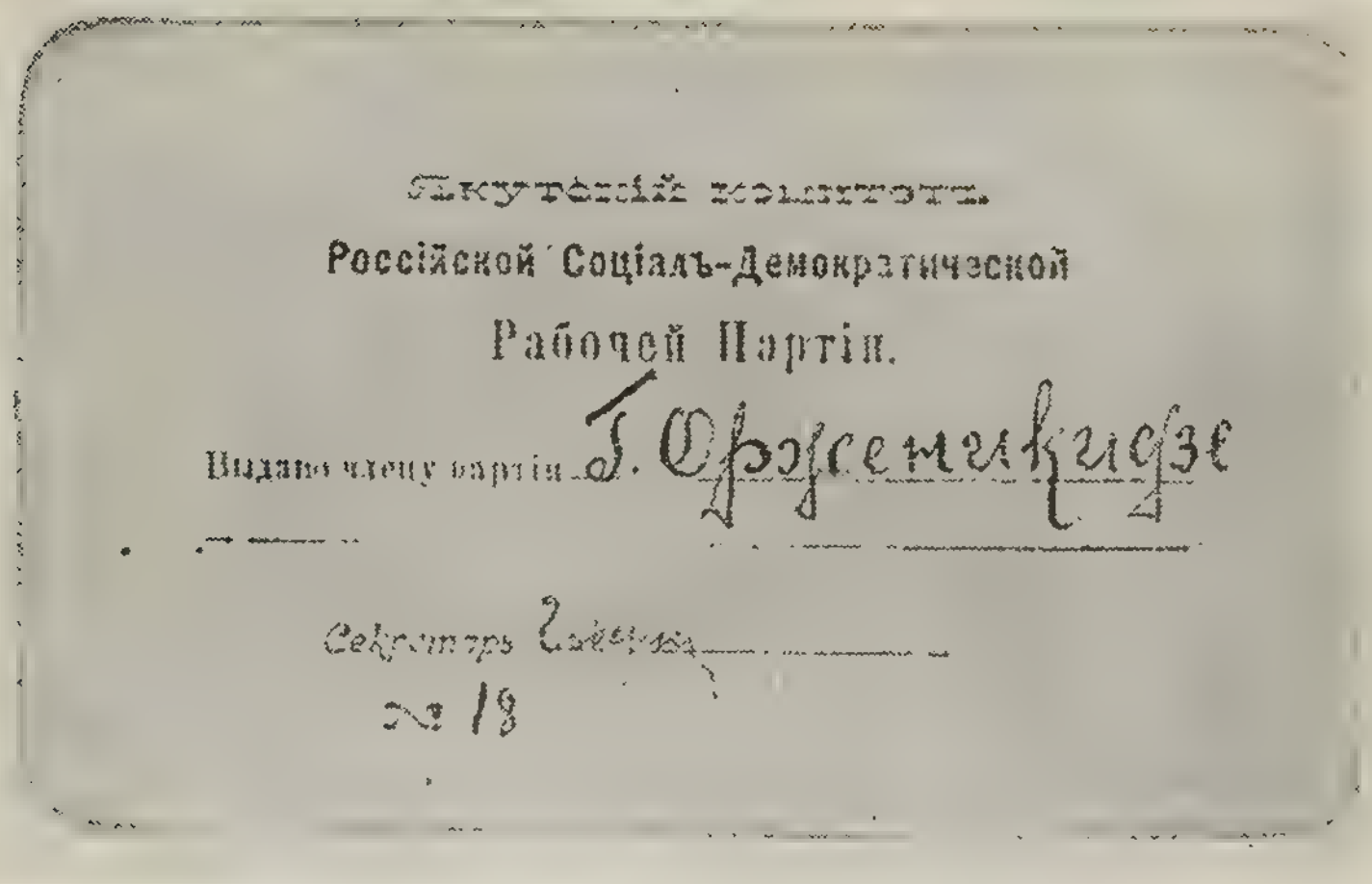
Вскоре вместе с Серго я вернулась из Якутска в Покровское. Зима была в полном разгаре. Было так холодно, что якуты приделывали к окнам большие зеленые льдины. Они сохраняли тепло, но зато в юрте наступал полный мрак.

В начале февраля Серго уехал на целую неделю за сто пятьдесят верст от Покровского—в селение Синск.

Неожиданно я получила краткую телеграмму: «Поздравляю». Я ничего не поняла. Вскоре я узнала, что грянула Февральская революция. Самодержавие было низвергнуто. Десяток тысяч верст отделяет Якутск от Петрограда, но, несмотря на это, ссыльные узнали о Февральской революции в день переворота. Это оказалось возможным, потому что у ссыльных большевиков была тесная связь с центром и оттуда пришла условная телеграмма: «Свидание с матерью разрешено».

Серго несказанно обрадовался и тут же помчался в Покровское. В своей кибитке с бубенцами он делал в день по сто верст. На вторые сутки после того, как я получила его поздравительную телеграмму, он появился в Покровском.

Сперва Серго заехал в лавку, которая стояла на краю села. Там всегда толпился народ. Серго шумел, громко говорил. Вскоре он подъехал к нашему дому и, как был


Якутскій комитетъ
Россійской Соціалъ-Демократической
Рабочей Партіи.
Выдано члену партіи Г. Орджоникидзе
Секретарь
№ 19

ЧЛЕНСКИЙ ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ, ВЫДАННЫЙ ОРДЖОНИКИДЗЕ В ЯКУТСКЕ В 1917 году

в дохе и тулупе, ворвался к нам в комнату. Лицо у него было возбужденное, радостное.

— Ура! Ура! Революция!..—кричал он.

Вслед за Серго в комнату вошел возница-якут. Он был одет в теплую шубу, на ногах у него были меховые торбоса—сапоги.

— Пельсер быт,—сказал он, часто моргая своими узкими глазами,—букатып прянь халбыт, итирик ду: ырета день тоюга быха солу.

По-русски это значило:

«Фельдшер наш совсем помешался или пьян: он всю дорогу кричал и пел».

Я со смехом перевела слова якута Серго. Он расхохотался:

— А я действительно был как сумасшедший. Мне всех хотелось целовать. Я готов был броситься на шею каждому встречному. Пожалуй, якут имел основания подумать, что я сошел с ума.

Серго предложил мне переехать в Якутск. Я не могла этого сделать, потому что наступила весна, а с нею—экзамены. Нужно было закончить занятия в школе.

Мы вышли на улицу. Серго заказал на почтовой станции перекладных лошадей и в тот же вечер уехал в Якутск.

ЯКУТСК

В Якутск Серго приехал в день торжественного заседания организовавшегося здесь «Комитета общественной безопасности». Г. И. Петровский, как бывший член IV Государственной думы, был назначен комиссаром Временного правительства.

Конечно, это была только формальная сторона вопроса, а по существу Г. И. Петровский был комиссаром, выбранным народным собранием якутского населения. Его выделила на эту работу партия, и перед партийной организацией он отчитывался в своих действиях.

Серго был введен от большевиков в состав членов «Комитета общественной безопасности». Помимо этого он был членом президиума Якутского совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, членом суда и пр. и пр.

В «Комитете общественной безопасности» большевики вели ожесточенную борьбу с меньшевиками и эсерами, с духовенством и торговцами, с царскими чиновниками и домовладельцами. Здесь шла непримиримая классовая борьба. В то время как большевики отстаивали лозунг о восьмичасовом рабочем дне, эсеры и домовладельцы были против этого. Даже в песнях сказалась разница: большевики пели бодрые гимны—«Интернационал» и «Варшавянку», меньшевики и эсеры тянули тоскливые народнические песни: «Стонет и тяжко вздыхает бедный наш русский народ» и т. п.

Ссыльные не могли выехать из Якутска из-за страшного весеннего бездорожья. Нужно было ждать лета. Серго не раз повторял, что оставшееся у большевиков время необходимо использовать для организации местного бедняцкого полупролетарского населения.

Эсеры под влиянием ссыльных кулаков-скопцов выдвинули лозунг организации союза сельских хозяев. В противовес им большевики боролись за организацию сельскохозяйственных рабочих, преимущественно якутов.

Серго сыграл крупную роль в борьбе с эсерами и меньшевиками, будучи членом первого Якутского комитета РСДРП (большевиков). В это время он был занят организацией медицинских работников, но не оставлял без внимания и организацию сельскохозяйственных рабочих. Среди ссыльных большевиков и местного населения Серго пользовался огромным авторитетом.

Продолжительную борьбу пришлось выдержать большевикам в селении Мархе. Там у кулаков-скопцов батрачили якуты. Они работали от зари до зари. В условиях коротких якутских ночей это значило, что им удавалось соснуть лишь два-три часа в сутки.

Якуты-батраки были крайне забиты. Они боялись своих хозяев—скопцов, дрожали перед полицейскими. Нужно было иметь большое упорство и настойчивость, чтобы революционные призывы дошли до их сердец. Но Серго в полной степени обладал этим упорством. Он руководил борьбой с эсеровским союзом сельских хозяев.

Одновременно Серго не оставлял своей фельдшерской работы. Городская больница, где он работал, находилась на окраине Якутска, напротив тюрьмы. Жил он тут же, в крошечной чисто выбеленной комнате. Обстановка была более чем скромная: стол, солдатская койка да табурет. Когда я заходила к Серго, он вынужден был садиться на подоконник.

Я попрежнему продолжала жить в Покровском. У меня была страдная пора—то и дело из Якутска стали наезжать ревизоры. Должно быть, пронюхали, что учительница приходской школы стала часто встречаться с ссыльными. Однажды ко мне приехал архиерей. Он остался очень недоволен тем, что мои ученики плохо кланялись и крестились. Он сделал мне строгое замечание и произвел соответствующую запись в журнале.

Серго часто присылал мне из Якутска письма. 17 марта я получила от него следующее письмо:

«...До двенадцати часов дня работаю в больнице, а остальное время посвящаю другой, любимой работе. Мы—политические ссыльные—думаем зафрахтовать отдельный пароход с баржей и уехать числа 17—20 мая...»

В конце письма была приписка: «Я так утомлен, что еле вожу пером».

Через две недели после этого Серго писал, что в Якутске открылся съезд, на котором ему необходимо присутствовать. Якутская организация большевиков уже давно наметила созыв съезда якутской бедноты. Подготовка к этому съезду заняла очень много времени.

Съезд якутов! Впервые в истории этого народа их созвали на съезд! Большое затруднение было в том, что доклад

нужно было сделать на якутском языке. Поднять якутские массы—означало привлечь на сторону большевиков самую многочисленную народность области.

Большевики раскрепощали якутскую бедноту. Они разрешили очень важный вопрос об аннулировании задолженности бедняков. Снимались с крестьян многолетние налоговые тяготы.

На съезде якутов были поставлены такие вопросы, как земельный, вопрос об отделении церкви от государства. Были приняты постановления об избирательном праве для мужчин и женщин с 18 лет. Церковь была отделена от государства и школа от церкви.

Однако практическое осуществление этого вызвало отчаянное сопротивление тойонов и их защитников—чиновников, эсеров и меньшевиков.

На одном из митингов царские чиновники стали кричать, что большевики подрывают основы государственности и порядка, установленного богом и царем.

Серго произнес на этом митинге пламенную речь против царских чиновников, эсеров и меньшевиков. Он говорил, что чиновники верой и правдой служат эксплоататорским классам и не хотят служить народу. Он изобличал их в тупости, в самых бесчестных поступках. Взяточничество—эта характерная черта чиновничьего царского аппарата—подверглось со стороны Серго уничтожающей критике.

С мест послышались крики:

— Не давайте ему говорить!

— Долой!

— Вон его!

Серго гневно крикнул:

— Все царские чиновники—взяточники!

Отчаянный шум поднялся в зале. Чиновники, эсеры и меньшевики полезли к трибуне: они стали требовать от председателя лишить Серго слова. Кто-то истерически крикнул:

— Он не умеет вести себя на собрании!

ГРИГОРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ОРДЖОНИКИДЗЕ (Якутск, 1917 г.)

Ему вторил писклявый голос:

— Таким людям не надо давать свободы!..

В ответ Серго крикнул:

— Среди вас ни одного честного нет!.. Кто не брал взятки—выходи сюда! Я утверждаю, все вы—взяточники.

Чиновники демонстративно вышли из зала: они понимали, что большевистский президиум не будет их поддерживать.

Серго писал мне в одном из писем:

«Чиновники нарисуют тебе твоего Серго в не очень-то приятном виде,—я их на одном собрании «Комитета общественной безопасности» обозвал шпионами и взяточниками. Они подняли шум, но ничего не вышло»...

После этого митинга эсеры потребовали, чтобы было собрано заседание особого присутствия, которое находилось при комиссаре Временного правительства. На этом заседании они поставили вопрос о смене комиссара. Большевистская организация пошла на это, потому что центр тяжести всей работы большевики перенесли в Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Все что было лучшего среди членов Совета, все наиболее революционное, было объединено вокруг большевистской фракции.

Перед Советом стоял вопрос об устранении от власти губернатора, полицмейстера, исправника и других чиновников, оставшихся здесь и после свержения царизма на своих местах. Большевики предлагали сместить губернатора и одновременно с этим захватить казармы. Эсеры были против этих революционных мер.

Большевики говорили:

— Революция есть революция!

Эсеры в ответ на это заявляли:

— А что если революция не победит? Нас тогда всех здесь перебьют, перережут, перевешают...

Большевистская организация выпустила листовки с обращением к солдатам. Эти листовки были отпечатаны

в типографии. Вскоре в казармах большевики объявили о свержении власти губернатора.

Губернатор и полицмейстер при поддержке городского головы и других местных реакционеров пытались снестись по этому вопросу с Иркутском и Временным правительством, просили прислать военные подкрепления против большевиков. Телеграммы стали известны большевикам, потому что на телеграфе работали сочувствующие нам телеграфные служащие. Тогда большевики предложили губернатору сложить свои полномочия. Не добившись ответа из Иркутска, он согласился сложить власть.

В клубе приказчиков собрался огромный митинг. Губернатор и полицмейстер явились сюда в полной форме, в орденах и с оружием, и торжественно заявили, что они приветствуют революцию и свержение самодержавия. В знак этого они «добровольно» сдают власть и оружие.

Другого им ничего не оставалось делать. Серго принял от губернатора шпагу, а от полицмейстера—шашку. Собрание неистово аплодировало этому разоружению и под звуки оркестра пело «Марсельезу».

Оставив в Якутске крепкую большевистскую организацию, Серго 23 мая вместе с другими бывшими ссыльными выехал на пароходе в Иркутск.

Накануне Серго сделал надпись в альбоме, который назывался: «Память о якутской политической ссылке».

«Прощай, страна изгнания, страна-родина. Да здравствует великая российская революция! Да здравствует всемирная революция! Да здравствует социальная революция!

Григорий Константинович Орджоникидзе (С е р г о)».

В ПИТЕР

Пароход проходил через наше село Покровское. Здесь была двухчасовая остановка.

Серго вместе с Г. И. Петровским, Ем. Ярославским и другими товарищами зашел за мной в школу.

Мать моя плакала. Она говорила:

— Дочь уезжает—камень в воду падает...

Но вот мы на пароходе. Я сразу очутилась в тесной семье товарищей Серго—ссыльных большевиков. Все они очень заботились обо мне, и я скоро совсем забыла тяжелые минуты прощания с родными.

Ехали мы на пароходе две недели. В столовой, в так называемой «рубке первого класса», шли бесконечные споры о характере революции, об отношении к Учредительному собранию, о съезде Советов и о многом другом. Особенно остро спорили по вопросу о политике Керенского и десяти министров-капиталистов.

— Россия уже свободна!—кричал меньшевик Охнянский. Нужно не разговоры разговаривать, а вести войну до победного конца!

Серго гневно спросил:

— Россия свободна? А помещики? А капиталисты?..

Охнянский усмехнулся:

— Ну, это не из той оперы...

— То есть? Я прошу говорить понятней,—сказал Серго.

— Понятней? Пожалуйста: большевики должны прекратить свои безответственные... да, да, безответственные...

Серго прищурился и перебил:

— О какой ответственности ты говоришь? О буржуазно-парламентарной? Так знай, что мы—большевики, а ты ведешь себя как самый презренный меньшевик...

Река кое-где уже обмелела, и нашему пароходу приходилось петлять от одного берега к другому. Где-то,—кажется, под Жигаловым, мы пересели на баржу, которую тянул маленький пароход.

Ехало нас на барже человек сто—все ссыльные и их семьи.

Молодой слесарь Андрей Агеев ехал вместе со своей женой Надей. Она была беременна. Во время путешествия у нее начались предродовые схватки. Ночью Надя начала стонать.

Я разбудила Серго. Он принялся будить спящих, достал какую-то парусину, должно быть старый парус, и сделал подобие ширмы. За этой ширмой положили Надю.

На наше счастье на горизонте показался пароход. Когда он приблизился, мы начали кричать, чтобы он остановился.

С парохода спросили, что́ нам нужно. Начались длинные переговоры. В конце концов капитан согласился взять несколько человек к себе на борт.

Агеев с женой, Серго и я перешли на пароход.

Там Наде сделалось значительно хуже. Видно, влияла качка.

Серго очень волновался. Он поминутно подбегал к Наде, старался, чем мог, облегчить ее положение.

На пароходе Надя благополучно родила.

— Мальчик?—с тревогой спросил Серго.

— Мальчик,—ответили ему.

Он высоко поднял ребенка над головой и объявил:

— Владимиром назовем! Владимиром! В честь Ленина!..

Пароходом мы плыли до пристани Качуг. Отсюда до Иркутска наш путь лежал степью. Места эти очень красивы: дорога вьется по ровному, гладкому полю, и только вдали виднеются суровые якутские скалы.

Вместе с Агеевым Серго на руках вынес с парохода ослабевшую Надю. За ними шла я с новорожденным.

На пристани Качуг мы просидели три дня. Не было лошадей, а до Иркутска еще нужно было ехать триста верст.

Наконец лошади были поданы. Мы стали усаживаться. Неожиданно Агеев сказал:

— Я еду с вами.

Серго заметил ему:

— Но ведь Надя слаба, не выдержит.

— Я положу Надю в сено,—ответил он.—Ведь бывают же случаи, когда женщины рожают в поле.

Эти слова возмутили Серго.

— Уезжай, если ты так торопишься! — сказал он Агееву.—Мы с Зиной останемся и поглядим за твоей женой.

Агеев смутился. Он не стал больше противоречить и остался в Качуге еще на три дня.

До Иркутска мы ехали быстро. Настроение у всех было бодрое, приподнятое. Степь тянулась беспредельно далеко; пестрые цветы делали ее похожей на великолепный яркий ковер. Нам встречались целые поля незабудок и других весенних цветов, которые чередовались с небольшими зеркально-чистыми озерцами. Эти озерца образовались во время таяния снегов. Ехали мы целым поездом—телега за телегой; копыта лошадей подымали столбы пыли.

Весь перегон до Иркутска продолжался три дня. Изредка мы останавливались в поле, разводили костры и отдыхали.

Приехав в Иркутск, мы остановились в помещении бывшей семинарии.

На вокзале мы видели длинные составы, битком набитые солдатами. Их отправляли на фронт.

Большевики развернули в Иркутске большую партийную работу. Они требовали прекращения войны, требовали привлечения к ответственности непосредственных виновников этой кровавой бойни.

В Иркутске нас встретили товарищи из местной партийной организации. Они просили Серго выступить перед иркутским трудовым населением. Был организован огромнейший митинг. В прениях выступали Серго, Г. И. Петровский, иркутские большевики и Охинский. Последний произнес гнуснейшую речь против большевиков. Во время речи Охинского Серго не сдержался, прервал меньшевистского оратора и, гневно глядя на Охинского, закричал:

— Ты—негодяй! Я пожимал тебе руку, полагая, что имею дело с честным человеком. Так знай, что сегодня я подал тебе руку в последний раз!

Дружные аплодисменты заглушили речь Серго. Охинянский был вынужден с позором уйти с трибуны, а Серго посылал ему вслед полные презрения слова:

— Меньшевик! Предатель! Продажная душа!

После этого собрания Серго часто ездил на митинги, которые устраивали местные организации в различных пунктах Иркутска. Помню, как Серго предостерегали от выступлений против войны:

— Вас могут убить, если будете выступать на широком собрании. Вас сочтут за шпиона, за подстрекателя против Временного правительства...

Серго, конечно, не обратил внимания на такие разговоры и в тот же день поехал на митинг в железнодорожные мастерские.

Из Иркутска мы выехали третьим классом. Впервые я видела поезд, и нечего говорить, что он произвел на меня очень сильное впечатление. Ссыльные большевики попрежнему ехали вместе. Нам удалось получить отдельный вагон.

НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1 июня 1917 года Серго вместе со мной приехал из Якутска в Питер. Только пять месяцев отделяло нас от Великой пролетарской революции.

Мы поселились в квартире Г. И. Петровского, и Серго сразу же с головой ушел в революционную работу. Он уходил из дому рано утром и возвращался поздно ночью. Прикреплен он был к одной из рабочих окраин города— к Невской заставе.

Часто вместе с Серго я ходила на рабочие собрания. Помню, как-то раз Серго не давали говорить. Какой-то меньшевик злобно кричал ему что-то в лицо. Но Серго заставил меньшевика замолчать и начал речь.

Серго разоблачал меньшевиков и эсеров. Он говорил, что они—прямые агенты и пособники буржуазии в рядах рабочего класса. Серго объяснил, что они борются против социализма—за капитализм, против диктатуры пролетариата—за диктатуру буржуазии, против мира—за империалистическую войну.

Такие бурные собрания Серго проводил ежедневно. Большевики в те времена брали трибуну с боем.

Серго проводил собрания и митинги на крупных предприятиях и в казармах. Он вел большую организационную работу по подготовке социалистической революции.

По предложению Ленина Серго был введен в Петроградский комитет большевиков и в исполнительный комитет Петроградского совета.

В этот период, когда в России властвовали Керенский и десять министров-капиталистов, в Питере было очень туго с продуктами. Целыми днями я простаивала в очередях, доставая хлеб, масло, яйца.

Как-то под вечер я возвращалась домой с продуктами. Серго вышел мне навстречу.

— У нас гости,—сказал он.

— Кто?—спросила я.

Серго улыбнулся и шепнул мне на ухо:

— Сталин и Джапаридзе.

Я очень много слышала от Серго о Сталине. Серго говорил, что Сталин—лучший ученик Владимира Ильича, один из создателей большевистской партии.

Еще в якутской ссылке Серго подробно рассказывал мне, как под руководством Сталина работал он в Закавказье в годы первой революции, как подготавливал он в 1912 году Пражскую конференцию. После конференции Серго ездил в Вологду, куда царские опричники выслали Сталина. Он весело вспоминал, как Сталин бежал из ссылки и вместе с ним побывал в Закавказье.

Серго, улыбаясь, провел меня в комнату и представил своим гостям.

Алеша Джапаридзе был видным закавказским большевиком. Он погиб в 1918 году от руки соглашателей и английских интервентов в числе 26 героических бакинских комиссаров.

Долго беседовали в тот вечер Сталин, Джапаридзе и Серго. Разговор шел на грузинском языке, и я ничего не могла понять.

Обстановка была очень тревожная. В июльские дни контрреволюция поднялась против надвигающейся революционной грозы. Была пущена гнуснейшая клевета на Ильича. Это был подлый маневр врагов, рассчитанный на внесение дезорганизации в ряды большевистской партии. Начались аресты, разгром большевистских газет. Буржуазия требовала суда над Лениным.

Многие изменники поддержали голос буржуазии. Троцкий, Каменев высказывались за немедленную явку Ильича на суд.

Сталин твердо встал на защиту интересов пролетарской революции. Он был против явки Ленина на суд озверевшей буржуазии и говорил:

— Нет гарантии, что его не растерзают.

Серго, как и всегда, был вместе со Сталиным. Под его руководством он вел энергичную борьбу за ленинские лозунги партии. Ленин на суд буржуазии не явился; он ушел в подполье и жил сперва в знаменитом шалаше на станции Разлив, а после—в Финляндии.

Перед большевистской партией стоял вопрос о созыве Шестого партийного съезда. Руководил подготовкой съезда Сталин. Серго по поручению Сталина должен был поехать к Владимиру Ильичу. Дело было настолько важное и экстренное, что он не успел даже предупредить меня о своей длительной отлучке.

Утром Серго сказал:

— Буду в пять. Вместе пойдем обедать.

Серго ушел; пробило пять часов, потом восемь, десять. В очереди я наслушалась жутких рассказов об аре-

стах, о том, что Ленин якобы уехал в пломбированном вагоне.

«Наверное, арестовали», с тоской думала я. Решила поехать на Невскую заставу. Оставив дома записку, что скоро вернусь, я направилась к трамвайной остановке.

До Невской заставы было шесть верст. Я побоялась, что разъедусь с Серго, и вновь вернулась домой.

Наступила ночь. Так и заснула, не дождавшись Серго.

Утром его опять не было дома. Я боялась выйти из квартиры, надеясь, что он вот-вот может вернуться. Но нужно было итти за продуктами.

В очереди вновь пришлось слушать бесконечные разговоры о репрессиях Керенского. Вернувшись домой, к величайшей своей радости, я увидела Серго. Он сидел в пальто возле стола. Костюм его был измят, к брюкам пристали сухие травинки.

— Где ты был?—спросила я у него.—Я уж думала, что ты арестован.

Серго спокойно ответил:

— Я был у Ленина.

Больше он ничего не стал мне говорить. Значительно позже, в 1926 году, Серго сам описал свою поездку к Ленину:

«... Сталин предложил мне поехать к Ленину, чтобы, с одной стороны, информировать Ленина, а с другой—получить от него директивы... Мне был дан адрес одного рабочего, жившего недалеко от Сестрорецка (не доезжая одну или две станции), и пароль. С большой осторожностью я взялся за это, боясь, как бы не подцепить шпика и не провалить местопребывания Владимира Ильича».

Серго прибыл на станцию ночью. Побродив немного, он нашел нужный ему дом. Самого рабочего не оказалось дома, и жена его послала своего девяти-десятилетнего сына проводить Серго. Они пошли к озеру, сели в лодку и, переправившись на другой берег, пошли по кустарнику. Серго решил, что Ленин живет на какой-

нибудь даче. Вдруг они остановились около сенокоса, где стоял небольшой стог сена. Мальчик окликнул кого-то по имени. Вышел какой-то человек, который оказался отцом этого мальчика. Серго поздоровался с ним, объяснил ему, в чем дело.

«Думаю, дальше поведет к Ленину,—вспоминает Серго.—В этот момент подходит ко мне человек, бритый, без бороды и усов. Подошел и поздоровался. Я ответил просто, сухо. Тогда он хлопает меня по плечу и говорит:

— Что, товарищ Серго, не узнаешь?

Оказалось, что со мной говорит товарищ Ленин. Я восторженно пожал ему руку. Пошли разговоры. Через несколько минут Ильич предложил мне поужинать с ним. Оказалось, что у него самого ничего нет: кусочек черного хлеба и селедка. Вот и весь ужин.

После этого «ужина» беседу перенесли в «аппартаменты» Ленина. Таковыми являлся стог сена, в который мы и влезли. Свежее сено пахло великолепно, было тепло. Долго я рассказывал, что̀ делалось в городе в его отсутствие, каково настроение рабочих, солдат, что̀ делается в нашей организации в Петроградском совете, в меньшевистском ЦИК и т. д. Владимир Ильич выслушал меня и, задав ряд вопросов, сказал:

— Меньшевистские советы дискредитировали себя. Недели две тому назад они могли взять власть без особого труда. Теперь они не органы власти. Власть у них отнята. Власть можно взять теперь путем вооруженного восстания; оно не заставит ждать себя долго. Восстание будет не позже сентября—октября.

Все это я слушал с напряженным вниманием. Впечатление было ошеломляющее. Нас только что расколотили, а он предсказывал через месяц-два победоносное восстание!»

Владимир Ильич приготовил ряд маленьких статей, письма к Сталину и другим товарищам. Серго взял их, попрощался и ушел.

Всероссійскій Съѣздъ Р. С.-Д. Р. П.

№ 32.

Организація Петербургъ 2

Фамилія Серго

Секретарь Елена Стасова

МАНДАТ ТОВАРИЩА ОРДЖОНИКИДЗЕ—ДЕЛЕГАТА
VI СЪЕЗДА ПАРТИИ

... Шестой съезд большевистской партии был съездом подготовки Октябрьского штурма. Политический доклад делал Сталин. Содокладчиком по вопросу явки Ленина на суд был Серго. Он говорил:

— Им важно выхватить как можно больше вождей из рядов революционной партии. Мы ни в коем случае не должны выдавать товарища Ленина.

Съезд присоединился к предложению Сталина и Серго. Гениальная голова пролетарской революции была сохранена.

Вскоре после проведения выборов в Петроградскую городскую думу, в конце августа 1917 года, Серго был направлен в Тифлис. Я поехала вместе с ним.

Когда мы подъезжали к Баку, пришло известие, что главнокомандующий всеми войсками Временного правительства ген. Корнилов решил захватить всю власть в свои руки и объявить в России военную диктатуру. Крупная буржуазия и помещики уже давно мечтали о новом «Бонапарте». И вот 26 августа ген. Корнилов обратился ко всей стране с призывом поддержать его и помочь захватить власть. Диктаторские стремления матерого монархиста встретили дружный и единодушный отпор всего пролетариата и крестьянства. Правительство Керенского было вынуждено под давлением народных масс, возглавляемых партией большевиков, выступить против Корнилова.

Серго, узнав об этом контрреволюционном выступлении, решил задержаться на некоторое время в Баку. Он выступил на большом митинге, который собрался на Вокзальной площади, и, разоблачая монархиста Корнилова, требовал всей власти Советам.

Вскоре мы прибыли в Тифлис. В Грузии в те дни большевики вели жестокую борьбу с грузинскими меньшевиками, возглавлявшими контрреволюционный националистический блок. Серго принял в этой борьбе самое живое участие.

Вместе с Се́рго мы посетили его родину—село Гореша.

Недолго пробыл здесь Серго. Партийная работа требовала его пребывания в Тифлисе, и он вскоре направился туда. Я осталась в семье его родственников. Через некоторое время Серго вернулся из Тифлиса и объявил, что срочные дела требуют его немедленного отъезда в Питер.

За день до отъезда Серго был в селении Бориты Амушукетского общества. Это селение находится в трех километрах от Гореша.

В Боритах Серго зашел в сельский исполнительный комитет и увидел, что в качестве секретаря исполкома сидит бывший старшина и полицейский шпик—некий Владимир Сахуадзе. Серго давно знал этого опричника: еще в 1907 году, когда Серго был арестован в Баку, старшина Сахуадзе был запрошен жандармским ротмистром Зайцевым—нет ли против Серго каких-либо предосудительных материалов. Сахуадзе дал пространный ответ, указав, что в 1905 году Серго выступал в Гореша на публичных собраниях с речами против правительства, что он был арестован в Гудаутах по делу выгрузки оружия для абхазских партизан, бежал из тюрьмы и разыскивается в настоящее время полицией.

Возмущенный, Серго написал заявление комиссару Шорапанского уезда:

«Вполне понимая пути устранения таких лиц—апелляция к массам, но не имея для этого времени,—выезжаю в Россию,—я обращаюсь к Вам с просьбой принять меры для устранения его от занимаемой должности. Отзыв его (т. е. Сахуадзе) обо мне в настоящее время находится в Тифлисской судебной палате, судился я в 1908 г. 27 апреля в г. Баку».

Серго уехал в Петроград, а я одна осталась в Гореша. Из Армавира Серго прислал мне письмо:

«Едем, но страшная теснота... Чувствую себя не очень

важно, хотя я совершенно здоров. Как только приеду, немедленно переведу деньги, и ты немедленно выезжай».

За два дня до начала Великой пролетарской революции Серго писал мне из Курска:

«Завтра утром буду в Москве, послезавтра—в Питере и приступаю к делу. Сегодня я в ударе: целый день громил в вагоне одного меньшевика. Чувствую себя превосходно. Умылся в первый раз после Кутаиса».

Восемь дней после этого я не имела от Серго никаких известий. Это очень волновало меня. Из Питера доходили слухи о каких-то событиях. Поговаривали, что власть перешла в руки большевиков, что во главе восставших стоят Ленин и Сталин...

ВЕЛИКАЯ ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

25 октября 1917 года Серго приехал в Петроград. С вокзала он направился в Смольный—штаб вооруженного восстания.

В Смольном Серго встретил Сталина. Иосиф Виссарионович рассказал ему об исторических событиях, которым суждено было потрясти весь мир.

В этот день пришло известие, что на Петроград движется батальон самокатчиков, которые, по распоряжению сбежавшего из Питера Керенского, были вызваны, чтобы задушить Великую революцию. Долго не раздумывая, Серго на автомобиле выехал навстречу батальону. Недалеко от Петрограда он встретил самокатчиков и потребовал провести его в батальонный комитет.

В комитете Серго заявил, что нужно немедленно собрать митинг. В течение нескольких минут огромная толпа самокатчиков окружила Серго. Он забрался на автомобиль и оттуда начал речь, призывая самокатчиков встать на сторону Второго съезда Советов и не подчиняться распоряжениям Керенского. Митинг был очень бурный. Офи-

церы много раз прерывали речь Серго, пытались спровоцировать его на скандал и пр. Серго говорил около полутора часов.

— Неужели вы хотите быть предателями родины и свободы?—гневно спрашивал он.

Когда Серго окончил свое выступление, в автомобиль—на эту своеобразную трибуну—влез огромного роста самокатчик. Его сапоги, галифе, куртка и шлем—все было из черной кожи. Он положил большую сильную руку на плечо Серго и начал говорить:

— Представитель Военно-революционного комитета прав: мы не можем быть предателями. Наш третий самокатный батальон всегда был революционным. На чьих вагонах была сделана надпись «Вся власть Советам»? На наших! Офицеры требовали стереть ее, угрожали арестом, но мы не подчинились. Теперь мы должны смахнуть офицеров и итти в Питер, чтобы с оружием в руках защищать завоевания революции.

На митинге была принята большевистская резолюция, после чего самокатчики, по предложению Серго, произвели выборы делегатов на Второй съезд Советов. Вскоре делегаты сели в два броневтомобиля и поехали в Питер.

Когда Серго входил в Актовый зал Смольного, Ленин заканчивал речь словами:

— Да здравствует социалистическая революция!

Серго вместе с самокатчиками протискался к трибуне. Один из них выступил на съезде с приветствием и был восторженно встречен делегатами. Броневые автомобили, которые привезли с собою самокатчики, поступили в распоряжение Военно-революционного комитета.

Ночью 26 октября Второй съезд Советов принял исторические декреты о мире и о земле.

В те дни, когда в Питере Советская власть уже укрепилась, в Москве шли еще упорные и жестокие бои на улицах. Неспокойно было и под Петроградом. Керенский успел убежать из Зимнего дворца и, прибыв в район

Северного фронта, двинул части 3-го корпуса под командованием ген. Краснова на Петроград.

На следующий день после выступления Краснова и Керенского на Петроград, в ночь на 29 октября (12 ноября) 1917 года, в самом Питере начался мятеж юнкеров, поднятый контрреволюционной организацией, которая называлась «Комитетом спасения родины и революции».

Серго, по поручению Ильича, принял активное участие в ликвидации этого мятежа. Юнкера захватили в Михайловском манеже три броневика и заняли телефонную станцию. Но уже утром после боя моряки и красногвардейцы взяли Владимирское военное училище, очистили от юнкеров телефонную станцию и Павловское училище. Авантюра юнкеров была ликвидирована и в других частях города.

29 октября, сейчас же после подавления восстания юнкеров, Ленин посылает под руководством Серго группу товарищей в Красное Село, на фронт против войск Керенского—Краснова. Для его группы, направляющейся в распоряжение революционного штаба, отводится специально приготовленный для этого случая паровоз.

Серго получил от Ленина и Сталина директиву—разъяснить солдатам, кто такие большевики, рассказать им о решениях Второго съезда и не допустить выступления обманутых солдат на стороне контрреволюции. Эту директиву Серго выполнил с точностью. Посланные им большевистские агитаторы разъясняли солдатам, куда и зачем их гонят, и солдаты из «надежной» для Временного правительства части становились большевистскими и выступали с оружием в руках за власть Советов.

По призыву партии поднялся весь рабочий Питер. На орудийных и патронных заводах с лихорадочной поспешностью изготовлялись снаряды и патроны. Тысячи молодых рабочих записывались в Красную гвардию и уходили на фронт. Город опоясывался проволочными заграждениями, строились баррикады, рылись окопы.

Красногвардейцы и матросы дрались с необычайным героизмом. Серго воодушевлял их личным примером. По телефону он доносил Ленину и Сталину о положении на фронте, просил патронов, снарядов и—главное—артиллерии.

Появление артиллерии упрочило наши позиции.

30 октября Краснов под Пулковым был выбит из своих позиций и должен был отступить сначала в Царское Село, а потом в Гатчину. Серго следующим образом описывал мне в письме это событие:

«Мы здесь переживаем величайшие дни мировой истории. Борьба идет самая беспощадная. В двадцати верстах от Петрограда—настоящий военный лагерь. Ночью войска Керенского, разбитые наголову у Царского Села,—бежали. В городе спокойно. Позавчерашняя попытка меньшевиков и эсеров устроить восстание юнкеров—раздавлена. Здание, в котором засели юнкера, разрушено пушками. За Керенским идут части казаков и юнкеров...»

Солдаты, которых Краснов гнал в наступление, ненавидели его. Многие казаки тоже не желали больше воевать. Они требовали у Краснова арестовать Керенского и передать его в Смольный.

Матросские части, по заданию Серго, проникли в ставку Краснова—Гатчину и повели усиленную агитацию среди казаков, которые уже в категорической форме потребовали ареста Керенского. Тогда ген. Краснов помог бежать Керенскому, переодетому в женское платье. Возмущенные казаки арестовали ген. Краснова и доставили в штаб к Серго. 2 ноября Краснов был привезен в Смольный и вскоре отпущен под честное слово, что впредь он не будет принимать участия в гражданской войне. Поход Керенского—Краснова был полностью ликвидирован. Но Краснов не сдержал своего генеральского слова. Он бежал на Дон, где возглавил борьбу контрреволюционеров всех мастей с властью Советов.

В БОРЬБЕ ЗА ХЛЕБ

После победы Великой революции на Дон бежали под крылышко атамана Каледина со всех концов бывшей Российской империи изгнанные рабочими и крестьянами капиталисты, помещики и контрреволюционное офицерство. Сюда же были оттянуты наиболее враждебно настроенные к большевикам казачьи полки. Бывшие царские генералы—Алексеев, Корнилов, Деникин—начали формировать здесь белую, так называемую «добровольческую» армию для борьбы с Советской властью.

В центрах контрреволюция была разбита, но еще не добита до конца. Иностранные представители создавали заговоры против Советской власти. Контрреволюция хотела костлявой рукой голода задушить пролетарскую диктатуру.

Над Петроградом и Москвой нависла страшная угроза голода. В течение 1918 года хлебный паек для рабочих колебался от восьмушки до четверти фунта хлеба в день; очень часто эта восьмушка хлеба наполовину состояла из жмыхов.

Борьба за хлеб приобретала значение важнейшего государственного вопроса, вопроса жизни и смерти Советской страны.

— Кажется, что это борьба только за хлеб,—говорил Ленин,—на самом деле это—борьба за социализм.

Партия и Центральный Комитет, Ленин и Сталин непосредственно занимались продовольственным вопросом. Ильич подолгу простаивал то у телефонного аппарата, то у карты железных дорог, руководил продвижением продовольственных эшелонов.

В этой великой борьбе за хлеб, за социализм большая работа пала и на долю Серго. Он был назначен временным чрезвычайным комиссаром района Украины и был облечен весьма важными полномочиями по снабжению хлебом Петрограда и Москвы и других местностей Советской

России, нуждавшихся в продовольствии. Помимо этого Серго должен был объединить действия советских организаций на Украине.

Проект декрета о новом назначении Серго был написан Сталиным и утвержден 1 января 1918 года (19 декабря 1917 года) Владимиром Ильичем.

Сейчас же после этого назначения Серго выехал в Харьков.

Я приехала в Петроград на третий день после отъезда Серго на Украину. Об этом мне рассказал Григорий Иванович Петровский, в квартире которого я остановилась.

— Серго просил передать, чтобы ты немедленно ехала в Харьков к нему. Перед отъездом тебе нужно повидаться со Сталиным.

На следующий день я отправилась в Смольный. В приемной толпились матросы и солдаты с красными повязками на рукавах. Лица у всех возбужденные, серьезные.

Сталин принял меня в своем кабинете, и вместе с ним в автомобиле мы поехали на квартиру Аллилуевых. Я впервые ехала в автомобиле. Помню, наша машина застряла в глубоком снегу. Мы вылезли из автомобиля и пошли пешком.

Сталин провел меня в небольшую скромную комнату, где стояла кушетка, письменный стол и несколько стульев.

Мы сели за стол пить чай. Сталин рассказывал мне о том, что Серго был избран членом Петроградского комитета, ЦК партии не раз поручал ему проводить армейские и фронтовые съезды. Он ездил в Лугу, Минск и другие города, а сейчас направлен на Украину наладить переправу в Россию продовольственных запасов.

Ночевала я у Петровских. Утром зашла к Аллилуевым и получила от Сталина письмо к Серго. Петровский, который был народным комиссаром внутренних дел, дал мне разрешение на проезд.

До Харькова я ехала двое или трое суток. Поезд пришел в Харьков в четыре часа утра.

Мимо запотевшего на морозе окна вагона несколько раз промелькнула чья-то высокая фигура. Человек был одет в серое пальто, на голове—высокая серая барашковая шапка. Вглядевшись, я узнала Серго. Я стала стучать в окно, но он не услышал меня.

Носильщик в это время вышел из вагона и остановился, поправляя ремень, которым были стянуты мои вещи. Я помогла носильщику и вдруг почувствовала, как кто-то тронул меня за плечо. Я подняла глаза и увидала Серго.

★

Серго приехал на Украину в очень сложный, ответственный момент. Контрреволюционная украинская Центральная рада разгоняла местные Советы, разоружала советские войска и не пропускала их на Дон на борьбу с Калединым. Серго взялся за воссоздание революционных войск Украинской советской республики, столицей которой был Харьков (столица Рады находилась в то время в Киеве).

Ленин и Сталин непосредственно руководили всей работой Серго. Сталин неоднократно запрашивал Серго по прямому проводу. Он интересовался, сколько вагонов хлеба грузится для Питера, сколько могут дать пудов Екатеринославская и Херсонская губернии, сколько хлеба имеется на колесах по пути к Питеру и т. п.

Ленин очень высоко ценил продовольственную работу Серго. В телеграмме от 3 февраля (22 января) 1918 года Ленин писал:

«От души благодарю за энергичные меры по продовольствию. Продолжайте ради бога изо всех сил добывать продовольствие, организовывать спешно сбор и ссыпку хлеба, дабы успеть наладить снабжение до распутицы. Вся надежда на Вас, иначе голод к весне неизбежен».

Серго постоянно находился в разъездах. Он побывал в Полтаве, Екатеринославе, Херсоне, Николаеве, Одессе. Повсюду Серго организовывал снабжение хлебом Центральной России, укрепляя местные советские организации.

Украинская Центральная рада возглавлялась меньшевиками и эсерами. Она рабски выполняла задание своей буржуазии и пропустила с Юго-западного и Румынского фронтов на Дон белых офицеров. Она оказывала деятельную поддержку калединско-корниловской контрреволюции.

На Киев, где отсиживалась контрреволюционная Рада, двинулись революционные войска украинского советского правительства. С севера на Киев вели наступление пришедшие на помощь украинским рабочим и крестьянам войска из центра. В самом Киеве вспыхнуло восстание рабочих, с большим трудом задушенное Радой.

9 февраля 1918 года совместным ударом советских войск и рабочих Киев был взят. Контрреволюционная Рада бежала под защиту германских штыков в Житомир. На Украине была восстановлена Советская власть.

Но остался еще главный оплот контрреволюции—белый Дон. Белогвардейцы посылали отряды в Донбасс для борьбы с революционными горняками. Необходимо было изгнать контрреволюционеров из Ростова.

Из Москвы и Питера были отправлены отряды Красной гвардии для борьбы с калединщиной. Проходя через Украину и Донецкий бассейн, отряды эти пополнялись украинскими пролетариями, организованными на борьбу Серго.

В течение января—февраля 1918 года Дон был очищен от белых. Вскоре Ростов, а чуть позже и Новочеркасск стали советскими городами.

Незадачливый атаман Каледин застрелился, а остатки разбитых юнкерских войск вместе с генералами Алексеевым, Корниловым и другими поспешно бежали в Кубанскую область.

События на Дону имели огромное значение. Конец буржуазно-помещичьего восстания давал возможность поправить продовольственное положение в стране.

Серго, активно помогая товарищам, боровшимся за советский Дон, продолжал оставаться на Украине. Он

упорно работал над воссозданием разрушенного войной народного хозяйства.

К Серго постоянно обращались за помощью и советами местные советские и партийные работники.

Однажды в Харькове к Серго обратился один молодой донецкий горняк, недавно выдвинутый на руководящую работу. Он рассказал, что в шахтах Александрово-Грушевска нарушена нормальная деятельность банков. Денег нет. Рабочие не получают зарплаты.

Серго внимательно выслушал товарища.

— Почему в Ростове не требовал денег?—спросил он.

— Требовал, да не дают. Нету, говорят.

После некоторых размышлений Серго приказал выдать этому товарищу 10 миллионов рублей. Он возмущался, что бюрократизм наших некоторых организаций срывает своевременную выплату зарплаты горнякам.

Припомнился и другой случай. Однажды к Серго пришел работник из Юзовского района. Он также должен был получить у чрезвычайного комиссара деньги. Этот товарищ запросил очень большую сумму. Серго предложил довольствоваться меньшей. На это товарищ сказал следующее:

— Войдите в положение рабочих...

Это было глупо. Товарищ из Юзовки не понимал, что все средства брошены на фронт, что время трудное и обстановка напряжена до крайности.

— За положение рабочих я был в тюрьмах и ссылке,— гневно ответил ему Серго,—за положение рабочих я дерусь здесь!

Товарищ из Юзовки сконфуженно умолк.

НЕМЦЫ НА УКРАИНЕ

18 февраля 1918 года австро-германские войска перешли в наступление по всему русскому фронту—от Балтийского до Черного моря. Начали наступление на Кавказ и

турецкие войска. В течение нескольких дней германские войска заняли Эстонию, Белоруссию и часть Украины. Они захватили на сотни миллионов рублей необходимого для Советской республики оружия, военного имущества, продовольствия.

Путь немецким войскам в Советскую Россию открыл предатель революции Троцкий.

Несмотря на грабительский характер требований немцев, Владимир Ильич настаивал на немедленном заключении мира. Он предвидел, что в Германии неизбежно произойдет революция. Она и упразднит этот грабительский мир. Если же мир не подписывать, это может привести к гибели самой Советской власти. Ленин доказывал, что необходимо выиграть передышку для создания новой социалистической армии.

Троцкий и «левые» коммунисты во главе с Бухариным, эти презренные предатели революции, выступили против Ленина. Они совместно с эсерами хотели арестовать и убить Ленина и его ближайших соратников—Сталина и Свердлова.

Серго всячески отстаивал позицию Ильича. Еще будучи в Петрограде, он выступал 29 (16) ноября 1917 года на заседании Петроградского комитета, где говорил:

— Наши шаги хоронят войну, это несомненно. Мы предприняли все, чтобы мир был всеобщим, но если этого не добьемся, то ответственность за сепаратный мир, как и заявил товарищ Ленин, ляжет всецело на «союзников». Мы опубликовали тайные договоры. Революционное значение этого акта—громадно. Мы делаем все возможное для развития революционного движения...

Когда немцы оккупировали Украину, Серго немедленно выехал на линию огня. Он создавал красногвардейские отряды и отряды революционных матросов, которые героически сражались с оккупантами. Иноземные захватчики пользовались прямой поддержкой контрреволюционной Центральной рады. Последняя продала Украину немцам,

обещав до конца апреля дать Германии 30 миллионов пудов хлеба, не говоря уже о «свободном вывозе руды», которой также потребовали немцы.

Но силы были неравные. Немецкие империалисты двинули на хлебородную Украину 350-тысячную армию. Советские войска насчитывали не более 35 тысяч вооруженных добровольцев.

Приближение катастрофы ясно чувствовалось и в Харькове. Мы в то время жили в «Московской» гостинице. Серго почти не бывал в городе, он все свое время отдавал фронту, организации Красной Армии.

Неделями я оставалась одна. Мне неоднократно приходилось слушать разговоры о том, что немцы и гайдамаки уже подходят к Харькову, что они расстреливают всякого, кто только подозревается в принадлежности к большевикам.

Контрреволюция в городе, раньше смиренно отсиживавшаяся по углам, выползла из своих щелей, стала распускать антисоветские слухи и наглела с каждым днем. Появились подозрительные личности, очень похожие на офицеров; они следили за советскими работниками, выкрадывали военные и партийные документы, совершали диверсионные акты.

Однажды в нашей гостинице поймали неизвестного. Это был молодой, красивый человек. Достаточно было посмотреть на его лицо и руки, чтобы определить, что это бывший гвардейский офицер. Он проследил, что партийные работники ушли из гостиницы обедать в нижний этаж, и взломал замок одного из номеров, с тем чтобы выкрасть тайные документы. Уборщица застигла его на месте преступления. Он чуть было не задушил ее, а когда она стала кричать, офицер разбил стекло и, очутившись во дворе, опрометью бросился на улицу, взывая к прохожим:

— Держи вора! Держи вора!

Здесь его поймали.

Всем было ясно, что смертельная угроза нависла над

Советской страной. Владимир Ильич категорически требовал заключения мира, и вот, 3 марта 1918 года мир был подписан, но уже на гораздо худших условиях, чем прежде. Советское правительство обязывалось увести свои войска и отряды Красной гвардии из Финляндии, Эстонии, Латвии и не занятой еще части Украины.

Перед Серго встала новая задача: спасти от немецких захватчиков имущество Советской страны. 16 марта 1918 года Серго был уполномочен Лениным принять чрезвычайные меры для эвакуации в глубь Российской республики хлебных и прочих продовольственных грузов, а также других предметов первой необходимости из местностей, которым угрожало нашествие империалистических войск. Серго получил право вводить в любых местностях и на любой срок обязательную трудовую повинность, гужевую повинность, распоряжаться всеми перевозочными средствами, производить реквизиции и конфискации.

Среди местных украинских работников было не мало неустойчивых, колеблющихся людей; были и прямые предатели, которых впоследствии разоблачили как презренных врагов народа. Зачастую в Цике, в который входили, помимо большевиков, меньшевики и эсеры, возникали споры по совершенно беспринципным вопросам; страсти разгорались, на первый план выступало мелкое самолюбие, и недальновидные товарищи тратили все силы на доказательство своих, далеко не первоочередной важности, положений, в то время как важнейшие вопросы оставались вне поля их зрения. Конечно, враги пользовались этим и ловили рыбку в мутной воде. Серго решительно пресек беспринципные прения местных работников и мобилизовал всех деятельных, способных советских товарищей на борьбу за выполнение директивы Ленина.

19 марта происходило заседание Совета рабочих и солдатских депутатов Харькова. Говорил Серго. Он сильно волновался.

— Товарищи из Николаева расскажут нам, как там

расстреливали рабочих, как насильничали над ними. Я спрашиваю у вас, меньшевики: гарантируете ли вы нам, что белогвардейцы здесь не будут тоже расстреливать рабочих? Пока идет гражданская война, пока немцы и гайдамаки наступают, мы не оставим тыл незащищенным от местных белогвардейцев. Пусть граждане, не имеющие разрешений, сдадут в трехдневный срок оружие, тогда никто не будет расстрелян.

Какой-то меньшевик с места ехидно спросил:

— А кому и кем дается оружие?

— Оружие дается рабочими организациями,—резко ответил Серго,—оно дается тем из рабочих, кто заслуживает политического доверия. Момент теперь тяжелый. Другого выхода нет. Кто не хочет отдать оружия, тот, следовательно, будет помогать белогвардейцам и потому должен быть расстрелян.

Натиск германо-гайдамаков был очень силен. Они взяли Киев, затем—Харьков. Пришлось отступать. Серго эвакуировал ценности Украинского совнаркома и в начале апреля выехал в Ростов.

СОВЕТСКИЙ ДОН

Советская республика Дона была островком, вокруг которого бушевали волны контрреволюции. Ген. Краснов, отпущенный из Петрограда на честное слово, давно обосновался на Дону, где нашел приют среди контрреволюционных слоев казачества. Он пользовался «высоким» покровительством германских империалистов и стал их наймитом. Он готовил контрреволюционное восстание.

В Ростове было очень неспокойно. Буржуазная интеллигенция и офицерьё создали тайное террористическое общество, которое выносило смертные приговоры советским работникам; по городу распускались всякие злостные контрреволюционные слухи.

Еще в поезде мы узнали о том, каким иезуитски-утонченным пыткам подвергают белогвардейцы каждого коммуниста, который попадает в их руки. Нам рассказывали, что недалеко от Ростова найдены тела красногвардейцев. Они были взяты в плен белыми; их гнали, рубили им уши и руки. Это продолжалось до тех пор, пока замученные герои не падали на землю. Тогда им разрубали головы.

Мы узнали также и о том, как отступала «добровольческая» армия из Ростова. Белогвардейцы провели предварительную мобилизацию всех, вплоть до юнцов-гимназистов.

Белые отступали из Ростова ночью. Под страшной тайной они целую ночь возили что-то на подводах. Утром в город вошли красные. Они нашли 17 трупов изувеченных возчиков. Оказывается, эти возчики перевозили для белогвардейцев золото из банков. Когда они закончили работу, белые убили их, чтобы сохранить тайну своего грабежа.

Теперь Корнилов был под Екатеринодаром. Он соединился с белыми кубанскими отрядами и совместно с ними двинулся на Екатеринодар.

6 апреля, когда мы приехали в Ростов, был воскресный день. Проезжая по центральным улицам, мы видели безобразную картину шествия анархистов. Бандиты несли в руках черные знамена, на которых было написано: «Срывайте замки!», «Дух разрушающий—есть дух созидающий» и т. д. и т. п.

Серго был до предела возмущен этим.

— Анархисты помогают Корнилову,—гневно говорил он.—Это неприкрытое контрреволюционное выступление!

Темные личности—офицерьё, жулики, деклассированные элементы, под «идейным» руководством анархистов, громили магазины, склады и частные квартиры. Они захватили в свои руки Новочеркасск и переправляли все, что им удалось награбить в Ростове, в свою новую «ставку».

Серго сейчас же по приезде в Ростов взялся за ликвидацию анархистского бунта. Из Новочеркасска доносили,

что отряды матросов-анархистов, вооруженные броневиками и пулеметами, хотят дать вооруженный отпор красным частям. Он помчался на заводы, в депо, в пролетарские районы Темерника и Нахичевани, и в тот же день вновь организованные отряды Красной Армии принялись очищать город от анархистов.

9 апреля открылся Первый съезд Донской советской социалистической республики. Он проходил под руководством Серго.

Выбрали президиум; с приветственной речью выступил Серго. Он говорил от имени Совета народных комиссаров и Центрального исполнительного комитета РСФСР. В своем выступлении он наметил программу работы съезда, пути разгрома контрреволюции и линию дальнейшего развития революции на Дону.

— Я думаю,—говорил Серго,—что не будет преувеличением сказать, что сегодняшний день есть день торжества Советской власти. Здесь собралось трудовое казачество, а известно, что, когда на севере буржуазия была разбита, она бежала на Дон, здесь воздвигнуть свой трон. И Совет народных комиссаров верил, что трудовое казачество не пойдет против власти Советов, и в этом Совет народных комиссаров и вся трудовая Россия не обманулись. Подтверждением этого—настоящий съезд, на котором почетным членом избран товарищ Ленин.

Первые ночи, проведенные нами в Ростове, были неспокойны. На улицах дебоширили анархисты; они били окна, избивали случайных прохожих и грабили всех и все, что попадалось им на пути.

Мы обосновались в гостинице «Палас-отель», которая находилась в самом центре города—на Таганрогском проспекте (ныне Буденновский).

Серго ежедневно очень рано уезжал в пролетарские части города. Он отдал категорическое распоряжение начальнику караула железной дороги никуда не отправлять и не нагружать без его ведома поезда.

Серго направил отряды Красной Армии на взятие анархистского Новочеркасска. Он потребовал ареста всех главарей мятежа.

Съезд продолжал работу. На повестке дня стоял вопрос о Брест-Литовском мире.

Против ленинских установок о мире выступили «левые» эсеры, «левые коммунисты», троцкисты и меньшевики.

— Власть должна принадлежать Учредительному собранию!—кричал один из меньшевиков, пытаясь прочесть декларацию.

—Долой! —раздались возмущенные голоса.

Выступил Серго. Он предложил ленинскую резолюцию о мире.

Борьба с противниками Ленина была упорной и жестокой. Делегаты с мест—Сальского, Ростовского, Усть-Медведицкого, Первого Донского и других округов требовали прекращения войны и признания Брест-Литовского мира. По текущему моменту были внесены три резолюции: «левых» эсеров, «левых коммунистов» (эти резолюции были похожи друг на друга, как близнецы) и резолюция большевиков-ленинцев.

Серго говорил: «Мы даем генеральное сражение».

— Товарищи!—убеждал он с трибуны.—«Левые» эсеры своим призывом к войне хотят нас погубить. Их предложение есть предложение погибающего человека, который в отчаянии хочет с честью умереть. Предложение это есть плод отчаяния. Мы же призываем вас готовиться к грядущим битвам!

Вечером Серго был вызван к прямому проводу. С ним говорил Сталин.

Вот что сообщил ему Серго:

— Отряд, посланный в Новочеркасск, вошел в город без сопротивления казаков и занял все правительственные учреждения. Производится арест контрреволюционных офицеров... Положение в городе ничего, хотя банда анархистов бушует. Вчера открылся съезд. Присутствует

750 делегатов. Председателем единогласно избран казак-большевик. Я приветствовал съезд от имени Совнаркома и ЦИК... Съезд объявил себя верховной Советской властью на Дону. Съезд протекает при необыкновенном подъеме.

Все последующие дни Серго был занят то на съезде, то в Совете, в профсоюзных и других организациях, где он проводил чистку аппарата от меньшевиков, эсеров и прочих белогвардейцев. По его инициативе были закрыты меньшевистские и эсеровские газеты, вскрыты и уничтожены разнообразные контрреволюционные организации. Изменники, поднявшие мятеж против Советской власти, были арестованы и преданы военно-революционному суду.

В Ростове почти ежедневно появлялись какие-нибудь новые контрреволюционные группы. Я редко видела Серго в нашем маленьком номере «Палас-отеля». Даже ночью не было покоя: его будили в 5—6 часов утра, и он уходил работать в штаб, который находился в нашей же гостинице. Боевые тревоги были так часты, что мы к ним привыкли: они стали обыденностью.

Однажды Серго приказал разоружить анархистский отряд матросов, а их главаря арестовать. Товарищ, которому это было поручено, не сумел разоружить отряд, но главаря арестовал.

Вскоре в «Палас-отель» пришли матросы-анархисты. Они хотели добиться освобождения своего вожака. Положив в вестибюле бомбу, матросы послали к Серго своего представителя—здоровенного детину в форменке и бескозырке. Матрос был увешан бомбами и гранатами. Крест-накрест через грудь шли пулеметные ленты. Мне хорошо запомнилось его тупое краснощекое лицо с маленькими заплывшими глазками. Наглым тоном он потребовал, чтобы Серго освободил их вожака. В ответ Серго вызвал двух красноармейцев и приказал им:

— Разоружите этого молодчика.

Красноармейцы замялись. Грозный вид матроса внушил им страх. Видя нерешительность красноармейцев, Серго крикнул:

— Немедленно разоружайся!

Он выхватил у матроса гранату.

Со страхом поглядывая на Серго, матрос стал покорно снимать с себя оружие.

Серго втолкнул его в штабной кабинет, а сам пошел вниз по широкой мраморной лестнице. Там он увидел лежавшую на ступеньках бомбу. Полукругом стояли пьяные матросы.

До меня донесся резкий гортанный разговор Серго. Не знаю, что он им говорил, но только через несколько минут красноармейцы внесли ко мне в комнату ворох всякого оружия.

Работа Первого донского съезда подходила к концу. По каждому вопросу Серго приходилось выдерживать упорные бои с контрреволюционерами. Несмотря на это, решения съезда были большевистскими. Главной задачей донского правительства, по решению съезда, должно было явиться создание революционно-советской армии и привлечение всех сил на борьбу с хозяйственной разрухой.

В момент страшной угрозы, когда международная и внутренняя контрреволюция нагло захватывала наши территории, съезд под руководством Серго вынес резолюцию: «Необходимо в данный момент напряжение всех сил и всей энергии, необходима самая энергичная работа по налаживанию народного хозяйства и созданию на развалинах капиталистического строя новой, социалистической России».

Серго был избран съездом в Исполнительный комитет донского правительства.

Одновременно с донским съездом в Екатеринодаре заседал Второй съезд Советов Кубани. Серго не имел возможности выехать в это время из Ростова и послал в Екатеринодар своего уполномоченного, через которого и осуществлял руководство съездом.

В Кубанской области главной опорой Советской власти явилось иногороднее крестьянское население и трудовое казачество. Они были крайне враждебно настроены против белогвардейцев. Еще в марте 1918 года, когда корниловцы шли по Кубани, они грабили население, мобилизовали крестьян и казаков. Вскоре Корнилов подошел к Екатеринодару и начал громить артиллерией революционный город. На помощь Советам со всей Кубани стали стекаться казаки и иногородние.

Второй съезд Советов Кубани происходил как раз в те дни, когда корниловцы интенсивно бомбардировали Екатеринодар. Работы съезда проходили под гром пушек, и съезд походил на военный лагерь. Делегаты объявили себя мобилизованными и в первых рядах Красной армии сражались на баррикадах. Войска ген. Корнилова были разбиты, сам генерал убит, а остатки его банд под командой Деникина бежали в Сальские степи.

Прошло три дня после окончания Донского съезда, и Ростов был объявлен на военном положении. Это было вызвано тем, что немцы, нарушив условия Брестского договора, стали занимать территорию Дона. Вся власть в республике перешла в руки Чрезвычайного революционного штаба Донской советской республики. Этот штаб возглавил Серго, членами его были руководители революционных казаков Подтелков и Кривошлыков.

Чрезвычайный штаб был создан «для подавления контрреволюции, восстановления революционного порядка и укрепления советской власти».

Он должен был организовать защиту Донской республики и Ростова от вторжения оккупантов и от надвигавшихся из Сальских степей белых отрядов ген. Попова, с Кубани — деникинских войск и с Украины—отряда Дроздовского.

Город резко изменил свое лицо. Ночью на улицах перекликались патрули. Было очень тревожно. Не прекращались грабежи и убийства из-за угла. Был убит продоволь-

ственный комиссар, организовывались покушения на других советских работников.

Как-то вечером я вместе с Серго ехала на вокзал. Улица была пустынна. Света не было.

Вдруг слышим какой-то шум во дворе ближайшего дома.

Серго сказал мне:

— Подожди. Я узнаю в чем дело.

Я удерживала его, боясь, что в стычке с неизвестными он может быть убит. Но Серго направился во двор. Минут через двадцать он возвращается обратно и рассказывает:

— Понимаешь, на мирное население нападают!.. Я их разоружил.

Серго бросил в пролетку несколько револьверов и винтовок. Мы поехали дальше.

В эти дни Серго получил декрет Совнаркома РСФСР за подписями Ленина и Сталина (издан декрет был 11 апреля 1918 года) об образовании Чрезвычайного комиссариата юга России. Руководить Комиссариатом был назначен Серго.

Задачей Комиссариата было неуклонное проведение директив Центральной советской власти на юге России, борьба с контрреволюцией, упрочение Советской власти в районе своей деятельности, поддерживание прямой связи областей с Советом народных комиссаров...

Серго особое внимание уделял укреплению Красной Армии. Задача—нелегкая, потому что многие войсковые части были разложены анархистскими влияниями.

Однажды нарком железных дорог донского советского правительства получил известие, что из Таганрога на товарную станцию, лежащую в полутора километрах от Ростова, прибыл большой бандитско-анархистский эшелон. Матросы вооружены пулеметами и скорострельной пушкой. Они требуют немедленно пропустить их на пассажирскую станцию, где стоит другой бандитский эшелон, подлежащий разоружению. Было ясно, что анархисты хотят объединиться, чтобы совместными усилиями орга-

низовать в Ростове новое контрреволюционное выступление.

Нарком не знал, как ему нужно поступить, и передал по телефону Серго, что считает положение безвыходным.

— Нужно сделать так, чтобы два эшелона были возможно дальше друг от друга,—приказал Серго и добавил:— Только, пожалуйста, без паники. Я сейчас приеду к тебе.

Не дождавшись Серго, нарком решил действовать на свой страх и риск. Он загнал эшелон с бандитами к северным пакгаузам Юго-восточной железной дороги.

Бандиты со страшной руганью стали разыскивать наркома, и вскоре двое из них, с головы до ног увешанные оружием и бомбами, ворвались в его салон-вагон, угрожая пристрелить на месте наркома, если он сейчас же не отправит их на соединение с друзьями-анархистами.

Положение у наркома было нелегкое, и неизвестно, выпутался ли бы он из этой истории, если бы в эту минуту в коридоре вагона не появился Серго. Он был одет в кожаную куртку и фуражку, с маузером в деревянном футляре на ремне.

Бандиты не заметили Серго. С озверевшими лицами они размахивали оружием.

Серго схватил одного из головорезов за руки; тот попытался вырваться, но это ему не удалось.

— Не горячись,—посоветовал ему Серго.—Надо спокойнее разговаривать.

Нарком бросился на второго анархиста, но тот успел вырваться и выстрелил в Серго. Пуля пролетела мимо виска, немного задев волосы, и пробила зеркальное стекло салон-вагона.

Все же бандита удалось схватить и обезоружить.

Постепенно Ростов и Новочеркасск со всех сторон были окружены белыми бандами. Созданные по инициативе Серго революционные войска с успехом отбивались от наседающих белогвардейцев, и эта героическая борьба на Дону безусловно окончилась бы полным разгромом противника,

если бы белогвардейцы не получили поддержки германской армии. Немцы нагло нарушили Брестский договор, ворвались в Донскую республику и к 1 мая подступили к Ростову. Фронт еще не был прорван: революционные отряды шахтеров из Александрово-Грушевска и казака Подтелкова еще сдерживали противника, героически сражаясь за каждую пядь земли.

Серго вызвал в штаб Подтелкова. Это был рослый, широкоплечий донской казак-фронтовик с открытым, добродушным русским лицом. Подтелков явился к Серго в полном вооружении, прямо из отряда, который только что отбил наступление белых.

Серго выяснил, как идут дела в его отряде. Подтелков хвалил самоотверженность бойцов, но жаловался, что сил нехватает.

— Что же ты думаешь делать?—спросил его Серго. Он развернул на столе карту Донской области и указал на ее северную часть.—Тут казаки беднее, правда? А фронтовиков туда много ушло...

Серго замолчал, но Подтелкову уже все стало ясным.

— Есть, товарищ комиссар,—поднимаясь, проговорил он.—Проберусь, соберу отряд. В Ростов белых ни за что не пустим.

Подтелков сам был родом из северной части Донской области. Усть-Медведицкий и Хоперский округа хорошо были ему знакомы. Эти районы были наиболее революционными, здесь все еще крепко держалась Советская власть,в то время как юг Донской области был охвачен мятежом белоказаков.

Штаб обороны выделил чрезвычайную мобилизационную комиссию. В ее состав вошли Федор Подтелков и Михаил Кривошлыков. Комиссия эта, возглавляемая Подтелковым, была направлена, по распоряжению Серго, в Усть-Медведицкий и Хоперский округа.

Комиссия выехала из Ростова 1 мая 1918 г. В этот день пролетарии Ростова впервые свободно праздновали великий праздник труда. Серго был на демонстрации.

Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ—ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ КОМИССАР ЮГА РОССИИ

Неожиданно белогвардейцы открыли орудийную стрельбу по городу. Снаряды стали разрываться в центре. В голубом ясном небе появился самолет. Началась паника. Обыватели с криками спешили укрыться в подвалы.

Рабочие, участники первомайской демонстрации, взялись за винтовки и пулеметы. Они начали обстрел самолета, а тот покружил над городом и повернул к Таганрогу.

— Значит, немцы близко,—проговорил Серго.

Мобилизационная комиссия в тот же день выехала на север. Сперва Серго получал от Подтелкова скудные известия, после—молчание, как будто люди в воду канули.

В эти дни Серго получил телеграмму от Ленина и Сталина. Ввиду заключения мира Ленин и Сталин предписывали ему приостановить военные действия на германо-гайдамакском фронте. Телеграмма сообщала о том, что для заключения перемирия и определения демаркационной линии между германо-гайдамаками и Российской советской территорией в Курск приехала мирная советская делегация во главе со Сталиным и предлагала сделать то же самое на других фронтах.

Серго во главе мирной делегации выехал 2 мая в Таганрог вести переговоры с немцами о прекращении военных действий. Делегация должна была выразить протест против незаконного занятия Таганрога, который являлся частью РСФСР. Возле станицы Армянской немецкий патруль арестовал Серго и его товарищей. Под конвоем их отправили в Таганрог.

Серго заявил немцам резкий протест против нарушения ими условий Брестского мира и ареста делегации. Делегатам было возвращено их оружие и обеспечено беспрепятственное возвращение в Ростов.

После занятия Таганрога немцы начали подготовлять новое наступление белогвардейских частей. Бои под Ростовом и Новочеркасском 5 и 6 мая окончились пораже-

нцем белых, но в этот момент были брошены в бой регулярные части германской оккупационной армии. Власть русских белогвардейцев, помещиков и фабрикантов завоевывалась германскими штыками.

7 мая австро-германские войска, гайдамаки и белые казаки с боем вошли в Ростов.

Мы не покидали города до последнего дня. В день отступления Серго вернулся с передовых позиций. Он весь был в грязи. Я просила его умыться, достала ему чистое белье. В это время кто-то вызвал Серго в штаб, он вышел из комнаты и вскоре вернулся взволнованный. Он сказал мне:

— Тебе нужно немедленно уезжать. Поезжай на станцию, там стоит наш вагон.

Начали искать автомобиль. Оказывается, воспользовавшись общей паникой, шофер угнал его и продал в одной из ближайших казачьих станиц.

Я отправилась на вокзал пешком. Вместе со мной шли казак и красноармеец-калмык. Казак (он был казначеем) нес чемодан с казенными деньгами.

Поезда в день отступления шли без расписания. Почти каждые пять-десять минут с вокзала уходили длинные составы товарных вагонов, битком набитые красноармейцами и мирными жителями Ростова, которые не хотели оставаться в городе.

Белые были уже совсем близко и обстреливали вокзал. В воздухе, словно шмели, жужжали пули. Отступающие лезли на вагоны, цеплялись на крышах и на буферах.

Я обратилась к своему спутнику—казаку:

— Где же наш вагон?

Он пожал плечами:

— Небось угнали...

Мы пошли по шпалам. То тут, то там натыкались мы на брошенные винтовки и патронташи.

Я хотела вернуться в город к Серго. Мне казалось, что одна я все равно не смогу выехать из Ростова.

Только я подумала об этом, как вдалеке вижу Серго. Он шел вместе с товарищами. Лицо его было очень озабоченное. Я кинулась к нему.

Серго подвел меня к товарному поезду, который только что тронулся. Из раскрытых вагонов виднелись серые солдатские шинели. Сесть в поезд не было никакой возможности.

Серго на ходу подсадил меня на незанятую железную лесенку, ведущую на крышу вагона. Вместе со мной на этой лесенке поместились казак и калмык.

— А как же ты?—крикнула я Серго.

Он махнул рукой и ответил:

— В Батайске встретимся.

Серго остался на вокзале руководить отступлением. К нему подъехал верхом на лошади какой-то матрос из анархистского отряда:

— Это ты нас разоружил? Давай ответ!

Он наставил на Серго винтовку. Серго не растерялся. Выхватив ружье из рук матроса, он крикнул:

— Не время счеты сводить: на нас немцы наступают!

В тот же день Серго на паровозе приехал в Батайск.

ЗОЛОТОЙ ЭШЕЛОН

В те времена железнодорожный транспорт Республики был совершенно разрушен. Если теперь путь от Ростова до Сталинграда занимает менее суток, то в годы гражданской войны на такую поездку требовалось около недели.

До Царицына мы ехали пять дней. Железная дорога была загружена бесконечными воинскими эшелонами, один за другим шедшими из-под Ростова и с Украины.

Помню, наш поезд долго стоял в Батайске. Шум, крики и ругань не прекращались на станции. Особенно дебоширили какие-то анархистствующие части, идущие с Украины. Они на всех полустанках устраивали базары,

продавая и покупая краденые вещи. Они грозили убить Серго, требуя от него усиленный «пасхальный» паек.

Еще перед отступлением из Ростова Серго получил известие, что отряд «левого» эсера Петренко ведет себя в высшей степени странно и подозрительно. Обнаглевшие эсеры все время с независимым видом крутились возле эшелона с ценностями. В этом эшелоне было на несколько десятков миллионов рублей золота. Деньги были зашиты в небольшие холщевые мешочки.

Серго потребовал усилить охрану эшелона; в Батайске в наш вагон вбежал один из военных работников и сообщил, что бандиты срывают с вагонов пломбы.

Серго бросился к эшелону, но было уже поздно: бандиты прицепили к своим составам три вагона с ценностями и удрали в сторону Тихорецкой. Об этом Серго узнал от какого-то стрелочника или смазчика.

Серго дал приказ немедленно нагнать грабителей, а сам остался в Батайске—здесь он переформировывал отряды Красной Армии и направлял их частично на Кубань против Алексеева и Деникина, частично на север—против Краснова.

Положение советских войск ухудшалось с каждым днем. Белые банды жестоко расправлялись с рабочими Донской республики, а немецкие войска, захватив не только города, но и ряд станиц Дона, с боями двигались на юго-восток. Зажиточные казачьи станицы восставали против Советской власти. В Дону мы видели трупы сельских коммунистов, которых убивали и топили в реке озверевшие белобандиты.

Казалось, что положение безвыходное, но Серго был твердо уверен, что отступление временное и что скоро части Красной Армии снова погонят белых с берегов Дона.

Серго видел, что решающим центром, где Советская власть может оказать крепкий отпор и белым, и казакам, и войскам германского империализма, в данное время является только Царицын. Стратегическое и экономиче-

ское положение этого приволжского города было особенно удобным.

Во главе донского правительства он направился на Царицын. По дороге на станции Тихорецкая мы узнали, что один из командиров—Сорокин (впоследствии командующий Северокавказской армией и изменивший Советской власти) арестовал нашего командира, который был послан в погоню за грабителями из банды Петренко.

Серго был страшно возмущен и немедленно освободил арестованного.

Командир рассказал, что, прибыв в Тихорецкую, он потребовал у дежурного по станции, чтобы тот вне очереди пропустил его эшелон. Он объяснил, что бандиты разграбили ценности Совнаркома и их необходимо во что бы то ни стало задержать.

— Никаких эшелонов я отправлять не буду,—лениво ответил дежурный.

— Почему?—с возмущением спросил командир.

— Таков приказ Сорокина.

Командир направился в штаб к Сорокину. Тот выслушал его и потребовал... разоружиться. Командир, конечно, отказался. Тогда Сорокин отдал приказ расстрелять командира, и только своевременное вмешательство Серго спасло ему жизнь.

Из Тихорецкой наш бронированный поезд помчался вдогонку за бандитами Петренко, которые уходили от нас в направлении Царицына.

«У них есть пушки, пулеметы»,—предупреждали Серго, но он решительно отвечал:

— Ничего, мы сильнее их.

На каком-то маленьком полустанке в наш вагон вошел бледный и перепуганный человек в изорванной форме железнодорожного служащего, с кровоподтеками на лице и руках.

— Я был арестован,—с трудом начал он свой рассказ,—нас обезоружили и хотели убить.

— Кто? Где?—тревожно стали задавать мы вопросы.

Служащий, сбиваясь и путаясь, рассказал, что бандиты, похитившие три вагона с ценностями, обезоружили охрану, заперли всех в одном вагоне и громко обсуждали вопрос, каким способом лучше разделаться с коммунистами. Одни, наиболее «гуманные», предлагали расстрелять, другие советовали патронов не тратить, а утопить в озере, которое находится неподалеку от Царицына.

Наш бронепоезд на всех парах мчался за грабителями. Мы то и дело обгоняли бесконечные вереницы воинских эшелонов, из открытых дверей теплушек зачастую долетали до нашего слуха разухабистые песни анархистов. Но вот показался дымок от паровоза. Сейчас же забегали по нашему бронепоезду красноармейцы, с деловитой суетливостью приготовляясь к бою. Винтовки и пулеметы были наготове, жерла пушек смотрели на эшелон Петренко.

Бандиты сперва пытались удрать от нас, но, видя, что сила на нашей стороне, остановились. Наш бронепоезд остановился около семафора, и Серго приказал сопровождавшей нас команде рассыпаться цепью по близлежащему бугру. Серго дал грабителям полчаса для того, чтобы обдумать вопрос о сдаче, а в противном случае грозил открыть по ним беспощадный огонь. Вскоре весь штаб бандитского эшелона был доставлен к Серго. Арестованные с вызывающим видом поглядывали на красноармейцев.

Серго приказал разоружить их и обыскать. Они стали сопротивляться. Среди эсеров была одна женщина, руки ее были завязаны бинтом. Когда красноармейцы разбинтовали ее, то обнаружили несколько холщевых мешочков с десятирублевыми золотыми.

Серго отдал распоряжение расстрелять вожаков банды. Когда эсеры поняли, что Серго не шутит, лица их исказились, они стали унижаться и клеветать друг на друга.

— Это не я, не я,—визгливо кричал один из них, здоровый парень с ухарским чубом; он сразу потерял свой воинственный задор и жалко и слезливо кривил лицо.

Бандитов вывели на улицу. Двое из них упали в ноги Серго.

— Мы не виноваты,—кричали они.—Прости, комиссар, прости!

Раздался залп —и все было кончено.

Мы отправились по эшелону с обыском. Сколько у эсеров было наворовано разного добра! Мы находили бесчисленные столовые приборы, самовары, белье и прочее. И среди этих вещей всюду было запрятано золото. Даже в теплушках, где стояли лошади бандитов, мы находили холщевые мешочки: они были зарыты в навоз, спрятаны в яслях с овсом.

Охрана, сопровождавшая эшелон с ценностями, была заперта в крайнем вагоне. Там мы встретили несколько комиссаров с женами. Они были жестоко избиты, одежда на них висела клочьями.

Трудно описать, как были обрадованы арестованные нашему появлению. Их ждала страшная смерть. Они называли нас спасителями, женщины плакали от счастья.

Я заметила, что под вагоном сидит какой-то мальчик, лет тринадцати.

Красноармеец крикнул ему:

— А ну, вылезай!

Мальчик нехотя вылез из-под вагона.

— У тебя золото есть?—обратилась я к нему.

— Есть,—вызывающе ответил мальчик.

— Много?

— Все при мне. Я не считал.

Его обыскали и тоже обнаружили золото. Вообще деньги мы находили повсюду: в карманах, в шапках, в сапогах.

По требованию Серго весь эшелон Петренко был обезоружен. Когда в наш вагон снесли все оружие, отобранное

у бандитов, то оказалось, что эсеры были значительно лучше вооружены, чем мы.

После разоружения эсеров мы двинулись по направлению к Царицыну: нужно было догнать еще два эшелона Петренко, в которых тоже не мало было награбленного золота.

Рано утром наш бронепоезд прибыл в Царицын. Чуть брезжил рассвет. Вдруг неподалеку началась канонада. Это восстали банды Петренко, прибывшие на первых двух эшелонах, которые мы не сумели догнать в пути и обезоружить.

Серго сел в автомобиль и поехал к месту столкновения. Озверевшие бандиты категорически отказались сложить оружие и объявили войну Советской власти. Они объединились с анархистами из банды Маруси, которую раньше я видела еще в Ростове: она в сопровождении пьяных грабителей разъезжала верхом по городу в белой черкеске и белой лохматой папахе.

Действия анархистов и эсеров отличались крайним зверством. Они убивали мирных жителей, грабили и насильничали.

Красноармейские отряды заняли позиции на кладбище. Началась настоящая война, в которой Серго принимал самое деятельное участие.

Эта война продолжалась трое суток. Банды засели на ст. Царицын Владикавказской ж. д. и оттуда стреляли по городу из орудий.

Руководимые Серго красные части под проливным дождем повели энергичное наступление на бандитов. 13 мая мятеж в Царицыне был полностью ликвидирован, а похищенное «левыми» эсерами золото сдано в Государственный банк.

На другой день Серго уже заседал с работниками донского советского правительства. Он поручил товарищам заняться строжайшим расследованием дела о хищении «левыми» эсерами—бывшими членами донского правительства—

государственных ценностей. В результате этого расследования было установлено, что Изварин (бывший государственный контролер донского правительства) и один из сотрудников—офицер Сударкин—украли много золотых вещей и донских бумажных денег. Серго распорядился немедленно арестовать воров и поставил вопрос об их расстреле. Местные царицынские власти—в первую очередь троцкист Минин, что есть силы старавшийся как-либо напакостить Советской власти, воспротивились этому и отправили расхитителей в концентрационный лагерь. Вскоре эти мошенники и враги народа перебежали к белым.

В этот тяжелый момент Серго получил трагическое известие о гибели общепризнанных руководителей трудового донского казачества — Подтелкова и Кривошлыкова. Они были предательски обезоружены белыми в донских степях и казнены. Нам передавали страшные подробности гибели этих народных героев.

Вот стоят Подтелков и Кривошлыков у виселицы. Палачи-урядники намыливают веревки. Лица у них спрятаны под башлыками.

— Одно лишь скажу, казаки,—говорит перед смертью Подтелков,—к старому не возвертайтесь...

Подъесаул ногой выбил из-под Подтелкова табуретку. Повис казак, прогнулась под могучим телом перекладина, и достал Подтелков ногами до земли. Жадно глотнул он воздух и с ненавистью прохрипел палачу:

— Эх, не научились!..

Палачи лопатой подрыли землю и петля насмерть сдавила здоровую жилистую шею.

Кривошлыкова повесили рядом. Перед казнью он успел написать письмо родным:

«Я пошел бороться за правду до конца. Бери в плен, нас обманули и теперь убивают обезоруженных. Но вы не горюйте, не плачьте. Я умираю и верю, что правду не убьют, и наши страдания искупятся кровью...

Прощайте навсегда. Любящий вас Миша.

P. S. Папаша! Когда все утихнится, то напишите письмо моей невесте: село Волки, Полтавской губернии, Степаниде Степановне Самойленко. Напишите, что я не мог выполнить обещания встретиться с ней».

Трагическая судьба этих героев глубоко потрясла Серго. Она еще раз доказывала, что контрреволюция готова на все, лишь бы уничтожить Советы, лишь бы захватить в свои руки власть над трудовым народом.

Прошло несколько дней и Серго организовал наступление красных частей на ст. Арчеда, где засели мятежные белоказаки. Белоказаки, воспользовавшись эсеровско-анархистским мятежом в Царицыне, перерезали железнодорожный путь, остановив тем самым продвижение красных эшелонов, отступавших из-под Ростова.

Белоказаки стояли в 6 километрах от станции Арчеда. Серго создал из железнодорожников и трудовых казаков партизанский отряд, и белые были выбиты из своих позиций. Движение на железной дороге было восстановлено; Серго, не удовлетворившись этим, приказал гнать мятежных казаков вплоть до Усть-Медведицкой.

СЕРГО В ЦАРИЦЫНЕ

Тяжелые дни переживал Царицын в мае 1918 года. Восстание банды Петренко едва не осуществило заветную мечту окопавшихся в Царицыне подпольных белогвардейских организаций, спекулянтов, помещиков и разных бывших людей.

В городе не было твердого большевистского руководства. Предатель—троцкист С. Минин, чинивший всяческие препятствия в работе Серго, был в те времена главой города; военным руководителем сидел ставленник Троцкого полковник Носович, которого впоследствии Сталин разоблачил как шпиона белых и организатора контрреволюционного заговора.

В Царицын стекались контрреволюционные офицеры, мечтающие пробраться в белые армии Деникина и Краснова; здесь сосредоточивались спекулянты всех видов и мастей. Меньшевики и эсеры открыто вели антисоветскую агитацию.

В садах города гремела музыка, буржуазия и офицерство безбоязненно разгуливали по улицам.

Кольцо белых сжималось вокруг Царицына. Одна за другой восставали казачьи станицы. Была не только угроза срыва планомерной заготовки хлеба для голодающих пролетарских центров, но и возможность близкой гибели самого Царицына.

Серго встал во главе военной работы города; одновременно он занимался налаживанием продовольственного дела. Дни и ночи он занят большой, кипучей работой. Он делает все, что от него зависит, чтобы правильно организовать работу всех советских организаций и не дать белым взять Царицын. Вот он упорядочивает эвакуацию и размещение в городе донских учреждений, вот он ликвидирует «пробки» на железной дороге, забитой эшелонами. А вот он в штабе обороны предлагает свой план разгрома белоказачьих банд, или в Совете улаживает конфликты с новыми работниками.

18 мая в газете «Борьба» был опубликован приказ чрезвычайного комиссара, обращенный ко всем советским и продовольственным органам Северного Кавказа и Дона и всем железнодорожным организациям Владикавказской, Ейской, Кубано-Черноморской и Армавиро-Туапсинской дорог. Этот приказ должен был положить предел бесконтрольной скупке хлеба в пределах Северного Кавказа и Дона для бесчисленных спекулянтов, мешочников и ходоков. Приказ этот предусматривал немедленную реквизицию хлеба в случае самовольной закупки. Все хлебные грузы Северного Кавказа и Дона должны были с сего дня сосредоточиваться в Царицыне, в Чрезвычайном комитете, который имел право по своему усмо-

трению направлять хлеб по водным и железнодорожным путям в пролетарские центры.

В то время недостаток хлеба остро чувствовался не только в Москве и Петрограде, но и в других крупных городах, например в Баку.

Сталин, находившийся в то время, как председатель мирной делегации Советского правительства, на юге, послал Степану Шаумяну следующую радиограмму:

«...в помощь для Баку отправлено и будет отправляться регулярно все. Сегодня выезжает нарочный из Царицына с письмом к Шаумяну. Хлеб пришлем во что бы то ни стало...»

В эти дни по всему Батайскому фронту шли напряженные бои с немцами. Инициатива была в руках красных войск. Серго находился на фронте.

Троцкий всячески мешал планомерной обороне Царицына. Он присылал из Москвы своих бесчисленных комиссаров, которые только расстраивали все дело.

Серго рассказывал, что в Царицын прибыли однажды два комиссара узла. У каждого длинные мандаты, каждый хочет главенствовать. Мелкие страстишки разгорелись. комиссары затеяли между собой нелепую и беспринципную ссору, угрожая друг другу вооруженными людьми и броневиками. Все это разлагало дисциплину, и Серго, устроив совещание, сперва попытался примирить этих склочников, а убедившись, что это невозможно, обоих выставил из Царицына.

Серго знал, что склоки и взаимная грызня явились результатом предательской политики Троцкого. Он обращался к Ильичу с телеграммами, в которых писал: «Ради всего не нагромождайте комиссарами».

Был и другой случай—он произошел уже незадолго до приезда в Царицын Сталина. Из Донбасса приехал старый партийный работник Котов, погибший впоследствии в годы гражданской войны. Его хорошо знал Серго. Это был дельный и вдумчивый революционер, ненавидев-

ший красивые фразы и умевший глубоко и серьезно вникать в порученную работу. Котов вывел из Донбасса 80 мощных паровозов. Серго назначил его руководить передвижением в Царицынском узле.

Неожиданно из Москвы приехал какой-то новоявленный комиссар и накинулся на Котова, потребовав, чтобы тот сложил свои полномочия. Скандал грозил перейти в вооруженное столкновение.

В это время сюда приехал Серго. Он резко спросил приехавшего «комиссара»:

— Какое вы имели право ругать Котова? Зачем вы налетели на него, как Чингиз-хан? Котов наш, советский работник, его на этот пост рабоче-крестьянская власть поставила!

В тот же день Серго телеграфно сообщил об этом Владимиру Ильичу с просьбой отозвать приехавшего комиссара и утвердить комиссаром Котова.

Серго отдавал все силы, стараясь наладить советский и военный аппарат, стремясь ликвидировать хаос в военном управлении, отсутствие революционной бдительности.

25 мая он делал доклад о мерах по организации вооруженных сил. Серго выдвинул стройный план военного строительства. Он говорил, что оборона в Царицыне построена из рук вон плохо, указывал на занятие белыми Чира и Калача, особо подчеркивал, что белоказаки организованы несравненно лучше красных отрядов. Выход, по мнению Серго, заключался в слиянии всех советских войск в одну армию и создании общего плана организации обороны.

23 мая Серго послал Ленину и Сталину полную тревоги за судьбу Царицына телеграмму:

«... Положение здесь неважное, нужны решительные меры, а местные товарищи слишком дряблы, всякое желание помочь рассматривается как вмешательство в местные дела, на станции стоят шесть маршрутных поездов хлеба

в Москву, Питер и не отправляются. Еще раз повторяю, что нужны самые решительные меры—вокруг Царицына бушует контрреволюция. Орджоникидзе».

Фронт был растянут на многие десятки километров. Сотни отдельных автономных отрядов действовали на свой риск и совесть. Это требовало от Серго крайней гибкости и подвижности. Поэтому-то он все время находился в разъездах, объезжая различные участки фронта.

Выступив 25 мая в Царицыне на заседании штаба обороны, он уже 26-го спешит на Кубань, а 28-го выступает с большой речью на Третьем чрезвычайном съезде Советов Кубано-Черноморской республики.

Серго успешно ликвидировал конфликт между главкомом войск Северного Кавказа Автономовым и Цикомом Кубанской республики, чуть не доведший до вооруженного столкновения.

Автономов был снят с командования, отозван в Москву, а затем прибыл в распоряжение Серго и под его руководством честно сражался с белыми и погиб в дни отступления в горах Ингушетии.

По предложению Серго, Третий съезд Кубани и Черноморья создал единую Кубано-Черноморскую республику и высказался за объединение всех советских республик юга России в одну социалистическую республику. Съезд признал, что «для достижения окончательной победы над буржуазией и окончательного укрепления завоеваний социалистической революции и Советской власти и для организации успешной совместной борьбы с контрреволюционными бандами, надвигающимися из Германии, Австрии и Турции, необходимо самое тесное объединение всех советских республик между собою и самая тесная связь их с центром».

Принятие этого решения было сопряжено с большими боями, которые Серго пришлось выдержать с Цикомом Кубано-Черноморской республики. «Левые» коммунисты и троцкисты—Турецкий, Островский, Вардо и др. вы-

несли контрреволюционное решение об отделении Кубано-Черноморской республики от РСФСР, о продолжении войны с Германией и об отказе подчиниться директиве В. И. Ленина о потоплении Черноморского флота.

Только в результате упорной борьбы с предателями из Кубанского Цика Серго добился от съезда следующей резолюции:

«ЦИК Кубано-Черноморской республики, как орган власти части РСФСР, считает для себя обязательным подчиниться всем директивам Центрального Всероссийского правительства. Исходя из этих соображений, ЦИК не считает возможным принимать те или другие решения, независимо от центральной власти»[1].

Вернувшись в Царицын, Серго вновь взялся за налаживание военной и хозяйственной работы.

На каждом шагу Серго сталкивается с изменой, двурушничеством и предательством. Многие партийцы либерально мирились с троцкистской политикой Минина, который пытался установить «классовый мир» и допускал «мирное» сожительство городской думы, управы и других типично-буржуазных органов с Советом. Серго решительно обрушивался против такого предательства. Прибывший вскоре в Царицын Сталин вышвырнул вон всю антисоветскую нечисть, присосавшуюся к партийному, советскому и военному аппаратам.

Сталин приехал в Царицын 6 июня. Один за другим стали отходить эшелоны, груженые хлебом. Хлеб шел в Москву, в Питер; много было послано и в Баку. В те дни Баку находился в очень тяжелом положении. Наступали интервенты, Баку был отрезан от Северного Кавказа ввиду захвата железной дороги.

Серго по радио сообщил 10 июня Степану Шаумяну: «Завтра отправляем десять тысяч пудов хлеба водой.

[1] 18 июня 1918 года директива Ленина была выполнена. Черноморский флот, который стоял в Новороссийске и мог достаться немцам, был потоплен. (*Примечание автора.*)

Сделано распоряжение о немедленной отправке маршрутных поездов из Ставропольской губернии и Терской области.

Привет бакинским товарищам, ведущим героическую борьбу против насильников и изменников пролетариата».

По поручению Сталина Серго продолжал свои поездки на фронт.

Однажды Серго вернулся с фронта радостный и возбужденный. Он рассказал мне, что ему удалось в этот день остановить отступление красноармейцев. Бой был очень жаркий. Красные бойцы не выдержали натиска белых и стали отступать. Отступление было настолько поспешным, что красноармейцы побросали пушки, не сняв с них даже замки.

В это время к месту боя подъехал Серго.

— Куда бежите?—закричал он бойцам и первый бросился на белых.

— В атаку, вперед!—воодушевленно кричал он.

Бойцы с криками «ура» побежали за ним. Белые дрогнули, и через минуту началось их паническое бегство.

По предложению Сталина были приняты меры к объединению всех революционных казачьих станиц и округов Дона для борьбы с белыми бандами.

17 июня Серго вместе со мной выехал из Царицына в Тихорецкую. По поручению Сталина он должен был установить демаркационную линию с германскими войсками на Батайском фронте...

НА КУБАНИ

Во второй половине июня Серго прибыл в Тихорецкую и начал мирные переговоры с германцами. Положение Советской власти на Северном Кавказе ухудшалось с каждым днем. После смерти Корнилова «добровольческая» армия во главе с ген. Деникиным отступила к степной

станице Мечетинской. Восстание кулацких верхов донского казачества укрепило положение «добровольческой» армии. Вооружившись с помощью немцев, ген. Деникин начал наступление на Кубань. Он отрезал нам у Великокняжеской путь на Царицын, а значит, и в Россию. После захвата Великокняжеской он направил все свои силы на Екатеринодар. Вскоре на Тереке началось восстание Бичерахова, к Кисловодску подходил Шкуро, прервавшие сообщение с Владикавказом, Грозным и Баку у ст. Прохладной.

Серго дал распоряжение снять с немецкого фронта все войска и прежде всего двинуться на выручку Екатеринодара. Ближайшей задачей Советской власти на Северном Кавказе он считал объединение всех республик (Кубанской, Черноморской, Ставропольской и Терской) в единую Северокавказскую республику, создание боеспособной дисциплинированной Красной Армии, которая смогла бы решительно покончить с обнаглевшей контрреволюцией.

2 июля под руководством Серго открылся Первый партийный съезд Ставропольской и Кубано-Черноморской республик, который вошел в историю как Северокавказский краевой съезд РКП(б). Этот съезд постановил объединить Ставропольскую, Кубанскую и Черноморскую большевистские организации в одну Северокавказскую организацию и избрал Краевой комитет партии.

Через три дня, 5 июля, был уже созван съезд Советов Кубано-Черноморской и Ставропольской республик. Делегаты Терека не могли присутствовать на съезде из-за перерыва сообщения с Владикавказом на ст. Прохладной.

Съезд проходил под руководством Серго. Было решено создать сильную рабоче-крестьянскую классовую, строго дисциплинированную Красную Армию, способную быстро уничтожить контрреволюционные полчища белых генералов.

Серго в упорной борьбе с «левыми» эсерами и троцкистами отстоял ленинско-сталинскую линию и в вопросе о создании единой республики Северного Кавказа.

«Первый Северокавказский съезд Советов народных депутатов постановляет,—было записано в решениях съезда:—Кубано-Черноморская, Терская и Ставропольская республики отныне объединяются в единую Северокавказскую советскую республику—часть единой Российской советской социалистической федеративной республики».

Это объединение всех советских сил имело очень большое значение, потому что Северному Кавказу предстояла длительная и кровопролитная борьба с бандами разнообразных контрреволюционеров.

Серго выехал через ст. Тихорецкую в Медвеженский уезд Ставропольской губернии, часть которого была захвачена войсками ген. Деникина.

Серго выступил на съезде крестьян Медвеженского уезда. Он говорил, что победа белых—это прежде всего возвращение помещиков и отобрание у трудового крестьянства полученной ими земли, это зверская расправа со всеми товарищами, боровшимися за Советскую власть. Победа Деникина и Краснова — это грабеж и насилие.

Трудовое крестьянство приняло по докладу Серго большевистскую резолюцию, в которой поклялось не складывать оружия до тех пор, пока враги трудового народа не будут разбиты наголову.

С этого съезда Серго возвращался через ст. Тихорецкую. Случайно перехваченное радио принесло тяжелое известие. Шестого июля в Москве восстали «левые» эсеры. Эти взбесившиеся «истеричные», как называл их Владимир Ильич, приспешники буржуазии убили немецкого посла графа Мирбаха, чтобы спровоцировать войну Советской страны с Германией.

В тот день была сильная гроза, и электрические разряды то и дело прерывали прием радиограммы. Все же нам удалось установить, что против восставших были открыты военные действия, помещение эсеров разрушено, арестованы Александрович и Спиридонова. Эсеры отступили к Курскому вокзалу и дальше, на Владимирское шоссе. Отряд Попова был окружен красными частями в каком-то лесочке.

Положение усложнялось еще и потому, что на Тереке меньшевик Г. Бичерахов захватил Моздок и начал сосредоточивать все контрреволюционные силы против красного Владикавказа.

Серго решил немедленно выехать на Терек. По дороге во Владикавказ мы остановились в Пятигорске.

Здесь Серго выступил с большой речью о контрреволюционном мятеже «левых» эсеров.

Мы недолго пробыли в Пятигорске: воспользовавшись тем, что наши войска очистили ст. Прохладную от белоказаков, выехали во Владикавказ. Но только мы успели проскочить через бичераховский фронт, как Прохладная вновь перешла в руки белогвардейцев и мы, на этот раз, оказались отрезанными уже не только от Москвы и Царицына, но и от всей Кубанской области.

ТЕРСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА

Терская республика играла большую роль в деле укрепления Советской власти на юге России. Она была организована Сергеем Мироновичем Кировым и объединяла народы Северного Кавказа (ингушей, чеченцев, осетин, кабардинцев, балкарцев и др.).

Но Терская республика была еще очень слаба. Распри горцев с казаками, межнациональная война осетин и ингушей, осетин и кабардинцев давали богатую почву для различных контрреволюционеров, ведших среди народов

Терека антисоветскую агитацию. Киров получил ответственнейшее задание—пробраться в Москву и организовать большую экспедицию в помощь Северному Кавказу. Однако Киров, который вез транспорт оружия, не смог пробиться через кольцо белых.

Во Владикавказ мы прибыли 11 июля 1918 года; через несколько дней я выехала в Грузию.

Серго остался во Владикавказе. Он детально ознакомился с положением Терской республики и потребовал решительно изменить тактику блока с половинчатыми друзьями—«левыми» эсерами и меньшевиками-интернационалистами. Серго требовал организации такой власти, которая всецело находилась бы в руках партии большевиков.

С первого же дня Серго занялся объединением партийных сил. На станции Георгиевск он проводит партийное совещание, где резко ставит вопрос о необходимости немедленной организации работы среди трудового казачества и горцев. Во Владикавказе он участвует в съездах народов Терека, где также неуклонно проводит в жизнь ленинско-сталинскую национальную политику. Он ездит в селения, добиваясь отделения трудовой части народа от кулачества и офицерства. Он неутомимо разъясняет классовую сущность развертывающихся боев.

Белоказачий мятеж, организованный по прямому заданию ген. Деникина, разрастался. Город Моздок стал контрреволюционной ставкой мятежников. Во главе мятежа стоял подлый изменник меньшевик Г. Бичерахов, брат известного наймита английской разведки полковника Л. Бичерахова, впоследствии орудовавшего в Дагестане.

В то время, когда под Прохладной шли бои, во Владикавказе происходило заседание Четвертого съезда трудовых народов Терека. Это заседание скорее походило на военный лагерь. Делегаты прибыли с оружием и резко разделились на две группы: вместе с большевиками были беднейшие слои горцев, трудовое казачество и иногород-

нее крестьянство; с эсерами и меньшевиками—зажиточные казаки, которые в любую минуту готовы были с оружием в руках наброситься на представителей Советской власти.

Обстановка была накалена до предела. Вся Терская республика напоминала в те дни пороховой погреб, который мог взорваться в любую минуту.

Серго стоял у трибуны и, страстно полемизируя с эсером-бичераховцем Фальчиковым, бросал полные гнева слова:

— Я с этой трибуны заявляю, что Бичерахов—контрреволюционер, провокатор и все те, кто его поддерживают,—негодяи!..

С правой стороны, где сидели делегаты зажиточного казачества, послышались негодующие выкрики. Длиннобородый казак поднялся со скамьи и громко заявил:

— Мы присутствуем при небывалом случае. Представитель центральной власти и чрезвычайный комиссар юга России Орджоникидзе допустил сейчас непристойную брань по адресу казачества, чем оскорбил съезд. Мы требуем от гражданина Орджоникидзе извинения перед съездом!

— Я говорю открыто,—ответил ему Серго.—У меня всегда хватит мужества подтвердить то, что я сказал. Я заявляю, что не оскорблял трудового казачества. Если вы хотите сорвать съезд, то для этого не надо искать причины в Орджоникидзе. Я сказал, что Бичерахов—провокатор, негодяй и все, кто с ним,—негодяи. Вот мои слова! А трудовое казачество я не оскорблял и оскорблять не буду... Если трудовое казачество скажет, чтобы я извинился, ибо они поняли мои слова как оскорбление, нанесенное лично им, то я извинюсь. Если вы требуете, чтобы я извинился перед вашей фракцией, то я ее не оскорблял. Но перед Бичераховым и другими его приспешниками Орджоникидзе, если бы ему даже пришлось болтаться на веревке, все-таки извиняться не будет!

С этими словами Серго сошел с трибуны. Заседание съезда происходило на окраине Владикавказа, у начала

Военно-Грузинской дороги, в здании бывшего кадетского корпуса.

Ночью (это было с 5 на 6 августа 1918 года) белоказачьи отряды меньшевика Бичерахова ворвались во Владикавказ. Ими командовали полковники Беликов и Соколов.

Вот как описывал Серго в письме ко мне это событие:

«... Положение наше сразу стало довольно неважное. Во-первых, нападение все-таки оказалось неожиданным, и потому они сразу очутились в центре города; во-вторых, вся офицерская сволочь—в центре и на Осетинской слободке. Из окон домов начали жарить по нас. Четыре дня мы оставались в городе. Ночью на четвертые сутки дело стало в высшей степени критическое—нас выбили из города, в наших руках остался только вокзал. После некоторых колебаний мы принуждены были прибегнуть к «варварскому» средству—обстрелу центра города из пушек, что и было выполнено Автономовым. Было пущено за ночь 120 снарядов. На второй день (пятые сутки) не стало воды, и нам пришлось отойти. Город почти целиком остался в руках казаков, они заняли вокзал.

Защищались только две слободки—Курская и Молоканская.

На шестые сутки к нам подошло подкрепление, и мы вновь начали наступать. Ингуши все время помогали нам. Отбили у казаков бронированный автомобиль с двумя пулеметами и начали их лупить их же пулеметами.

Борьба стала принимать жестокий характер. Не останавливались перед взрывом тех домов, из которых стреляли. Так продолжалось одиннадцать дней, после чего казаки и осетины принуждены были бежать. Грабежи в городе были очень часты—грабили осетины, грабили все те, кто просто хотел нагреть руки.

После этого при помощи ингушей мы обложили четыре станицы и разоружили их, отобрав четыре пушки, несколько пулеметов, бомбометов и около четырех тысяч винтовок.

Упорная борьба продолжается. Завтра утром еду в Кабарду на съезд (3.IX). Там тоже придется разгромить несколько казачьих станиц. На-днях там в станице Змейской расстреляли Пашковского, его жену и несколько товарищей. Кабардинцы возмущены этим поступком казаков и готовятся нагрянуть на них. На Кубани дела значительно поправились. Алексеевские банды разбиты (к позору грузинского правительства, они нашли приют у них в Сухуме).

Сильно надеюсь, что в ближайшее время удастся покончить здесь.

Убийственно действует на меня то, что в этой борьбе с казачьей контрреволюцией страдают довольно сильно и ни в чем неповинные люди».

В этом же письме Серго писал:

«...Наш дорогой Ильич ранен двумя пулями. Его ранили, когда он выходил после митинга. Ранила женщина—эсерка. Пока трудно сказать, останется жив или нет,—раны очень серьезны. На меня это подействовало очень сильно, ибо без дорогого Ильича мы будем сиротами. Будем надеяться, что на зло всевозможным негодяям наш Ильич останется жив...»

Одновременно с нападением на Владикавказ завязалась упорная борьба в городе Грозном. Город этот представляет собой наполовину пролетарский центр, наполовину казачью станицу.

В Грозненской станице засело контрреволюционное казачество, в пролетарском центре—рабочие-коммунисты.

Бои шли прямо на улицах. Они вошли в историю гражданской войны на Северном Кавказе как «стодневные бои».

Вот как описывал эти события Серго:

«Одновременно с нападением на Владикавказ завязалась борьба между станицей Грозненской и нашими товарищами из Грозного. Станица от города отделяется просто улицей... Несмотря на уверенность наших това-

рищей, что станица будет взята, станица не только не была взята, а, напротив, казаки сосредоточили свои силы вокруг Грозного и решили взять город. Грозный отрезан от Владикавказа. Владикавказ отрезан от России. Владикавказ отрезан от XI армии. Грозный окружен с трех сторон и только с четвертой стороны имеет выход в Чечню. Чеченцы ближайших аулов настроены были контрреволюционно. Это те аулы, заправилы которых имеют нефтяные промыслы. Осада Грозного продолжалась три месяца».

Серго несколько раз бывал в осажденном Грозном. Он проводил там совещания командиров, беседовал с бойцами, рассказывал о международных событиях, основываясь на сведениях, которые ему удалось почерпнуть из единственной брошюрки, которая попала из Астрахани на Северный Кавказ; это была «Присяга красноармейца». Войну с восставшими белоказаками приходилось вести в крайне затрудненных условиях, потому что связи с центром у Терской республики не было. Патроны покупали у чеченских спекулянтов по 5 рублей за штуку, снаряды делали сами на заводе «Алагирь» или платили чеченцам по 500—600 рублей на николаевские деньги за каждый.

Помощи не было.

Работа огромной тяжести легла на плечи терских большевиков. На Тереке было несколько фронтов: против Г. Бичерахова—на севере и северо-западе, против Л. Бичерахова—под Кизляром и против белоказаков—в Грозном. Серго руководил борьбой Красной Армии на всех этих фронтах.

10 сентября он писал мне в Тифлис:

«Положение здесь у нас прочное. Горцы почти все поднялись на ноги, среди казаков сильное брожение. Организуем первый советский казачий полк из тех казаков, которые не хотят итти за контрреволюционерами. Осложнение может получиться только в том случае, если немцы полезут к нам вместе с грузинскими меньшевиками...»

Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Вскоре я вернулась из Грузии во Владикавказ. Серго был в Грозном. «Стодневные бои» уже подходили к концу. 10 ноября Серго писал мне:

«Доехали благополучно. Вернемся скоро. Дела идут здесь довольно недурно. Сегодня утром на нашу сторону перешел бронированный казачий автомобиль. У казаков полное разложение. Думаю, покончим со станицей...»

Из Грозного Серго неоднократно пересылал мне оперативные сводки, которые нужно было через владикавказскую радиостанцию посылать в Москву Ленину.

Впоследствии Серго описал более подробно, как окончились «стодневные» грозненские бои.

«В конце третьего месяца осады Грозного сила и терпение наших товарищей истощились, тем более, что им приходилось в продолжение трех месяцев воевать с превосходными силами противника. Без всякого преувеличения указываю, что порой казаки сосредоточивали до двенадцати-тринадцати тысяч человек. Но осажденный островок держался с невероятным упорством. Пути отступления от города не было. Рабочие и крестьяне решили или умереть, или победить. И вот в конце третьего месяца осады мы через горы пробрались в Грозный. Рано утром по данному сигналу красные бойцы атаковали станицу. К полудню обозначился отход казаков. Вечером повторные атаки прорвали казачий фронт, и станица перешла в наши руки. В то же время Сунженская линия, населенная казаками по линии железной дороги Владикавказ—Грозный, раскололась на две части. Станицы Кара-Булак, Троицкая, Михайловская, Нестеровская, Ассиновская все время были с нами и дрались с соседними станицами. Они тоже одержали крупную победу по линии, и одновременно со взятием Грозненской станицы были взяты станицы Самашкинская, Ермоловская и Романовская. Рано утром прибыл в Грозный первый бронированный поезд из Владикавказа. Ликованию товарищей не было границ. Заброшенные в продолжение трех месяцев, поте-

рявшие надежду встретиться друг с другом, наши товарищи вновь встретились победителями».

Серго возвратил горцам их родные земли, отнятые царским правительством и заселенные казаками. Этим Серго окончательно привлек на сторону Советской власти наиболее угнетенный при царизме народ—ингушей и чеченцев.

Внутренняя контрреволюция на Тереке была ликвидирована. Республика наконец могла вздохнуть свободно. Окончилась вековечная вражда национальностей, трудящийся казак протянул дружественную руку чеченцу и ингушу. Радость победы над контрреволюцией и торжество ленинско-сталинской дружбы народов—вот что отразил Пятый съезд народов Терека. Но этот же съезд отразил и тревогу за дальнейшие судьбы Северного Кавказа: с Кубани и Ставрополья на Терек надвигались полчища вооруженных на средства международных империалистов деникинских банд...

ГИБЕЛЬ XI АРМИИ

В конце ноября 1918 года мятежники терпят полное поражение. Красные части стремительно движутся на станицу Червленную.

Население повсюду восторженно встречало наши войска. Шли последние бои с остатками бичераховцев.

Серго телеграфировал 1 декабря Ленину:

«Наши славные красноармейцы каждый день наносят мощные удары бичераховским бандам. Надеемся через несколько дней совершенно очистить Терскую область от контрреволюционных банд».

13 декабря Серго сообщил Ленину о том, что контрреволюция на Тереке окончательно подавлена. Жалкие остатки приспешников Бичерахова бежали в Петровск-порт.

После взятия Прохладной мы узнали о положении на Кубани и в Ставрополье. Северокавказской XI армией командовал Сорокин. Это был тот самый командир, бывший казачий есаул, который несколько месяцев тому назад пытался сорвать операции Серго под Царицыном по разоружению грабителей из банды Петренко. Серго еще тогда считал его авантюристом. Теперь мы узнали, что Сорокин предательски расстрелял командующего Таманской армией Матвеева и членов Северокавказского Цика—Крайнего, Рубина и др.,—сделал все, чтобы погубить героическую XI армию, и, в конце концов, сам за свое предательство поплатился жизнью в Ставрополе.

Еще недавно XI армия была грозной и мощной силой. 1 ноября, выступая на заседании Кубанской рады, Деникин заявил, что он потерял в борьбе с XI армией только убитыми 30 тысяч человек. Лучшие офицерские полки имени Корнилова и Маркова, имевшие по 5 тысяч человек, вышли из боя, имея в строю только от 200 до 500 человек.

Огромна заслуга XI армии перед Советской Россией. Серго писал: «Следует помнить, что в самый критический период Советской России, когда наседали на нее германцы, Краснов, чехословаки и др. и когда еще не было регулярной Красной Армии, самая сильная контрреволюционная армия, спаянная железной дисциплиной, наполовину состоявшая из офицеров, была прикована Северокавказской армией, и Деникин не смел итти на помощь своему брату—Краснову».

К декабрю XI армия насчитывала около 150 тысяч человек.

Сыпной тиф начал косить бойцов, а медикаментов не было; вооружение, снаряжение и обмундирование—ниже всякой критики. Серго через Кизляр связался с Астраханью по радио. Штаб обещал помочь, но это были пустые и лживые слова.

Штаб Каспийско-Кавказского фронта находился в Астрахани. 400 километров отделяло героических бойцов от...

«руководства». Военспецов не было. «Всего-навсего на Кубань и Северо-Кавказ прибыли три военспеца,—писал Серго:—один—в июне 1918 г. и сейчас же был назначен военруком при военном комиссариате в Екатеринодаре, в июле на Тихорецкой был расстрелян белыми вместе с тов. Силачевым. Второй—Пересвет—прибыл в Пятигорск в декабре 1918 г., причем заявил, что Реввоенсовет Кавказско-Каспийского фронта командировал его на две недели на Северо-Кавказ для ознакомления с положением фронта. Через 2 или 3 недели он выехал обратно с подробным докладом. Третий—военспец—командарм Крузе. Его действительно пришлось заменить другим.

Правда, был еще один «штаб армии»—Северокавказский. Место пребывания ему было указано в Ставрополе, но штаб в июне обосновался в Царицыне и только один раз выезжал в ... Тихорецкую, да и то на несколько часов!

Никакого руководства, конечно, от таких, с позволения сказать, «штабов» Северокавказская армия не получала».

Мобилизуются на фронт все коммунисты и рабочие. Отдельные отряды проявляют чудеса храбрости. Пятигорские коммунистические полки отбивают противника от Ессентуков к Бургустану; они даже делают попытку продвижения на Баталпашинск.

Пятигорск напоминает огромный лазарет: не только были переполнены больницы, но и школы, кинотеатры, клубы и магазины превращены в помещения для тифозных. Начинаются холода. Тиф все сильнее и сильнее косит людей.

Уже давно направлены на фронт все врачи, давно мобилизованы все медикаменты. Но врачи заражаются тифом, персонала нехватает; помещения не в силах вместить всех больных и раненых. И ко всему этому прибавляется страшный мороз. В лазаретах замерзают последние остатки лекарств. Дров нет—топить нечем.

Еще недавно ликующий Терек праздновал победу над Бичераховым. Теперь все силы брошены против Деникина. Серго создает в тылу две дивизии и бросает их на фронт. Но с позиций бегут деморализованные, тифозные бойцы.

— Нужна железная дисциплина,—говорит Серго. Под его председательством в конце декабря создается в Пятигорске Совет обороны Северного Кавказа. Его задача—«защита рабоче-крестьянских завоеваний народов Северного Кавказа и объединение действий всех органов Советской власти в связи с угрозой наступления деникинской армии».

Серго создает во Владикавказе первую школу красных курсантов: необходимо срочно подготовить новые кадры командного состава. После этого он едет в Георгиевск и дает директиву организовать в станице Незлобной отряд из военнопленных казаков. Он едет к чеченцам, ингушам, кабардинцам; он мобилизует все боеспособные силы, чтобы достойно встретить непрошенных «гостей».

Но патронов все нет и нет. Нет снарядов, нет медикаментов. Серго вновь запрашивает Астрахань, и РВС Каспийско-Кавказского фронта вновь успокаивает, что все «на-днях» будет выслано.

Несмотря на крайне тяжелое положение, Серго удалось сформировать боеспособные части. Он объединил их с остатками XI армии и надеялся по получении патронов и снарядов из Астрахани начать наступление по всему фронту.

Но в Реввоенсовете Каспийско-Кавказского фронта сидели самые подлые, самые коварные враги народа—троцкисты, во главе с матерым предателем Шляпниковым. Они решили погубить героическую Северокавказскую Красную Армию.

Серго впоследствии писал:

«Я заявляю,—на это у меня есть документальные данные,—что из того обмундирования и снаряжения, кото-

рое из Астрахани должно было быть послано XI армии, часть прямо с вокзала или с пароходов служащими Реввоенсовета Кавказско-Каспийского фронта направлялась на частные квартиры, а другая часть расхищалась со складов. Многие служащие интендантства этого Реввоенсовета понесли уже должную кару и Особым отделом Астрахани расстреляны. У Астраханского Особого отдела имеется не мало документов, уличающих многих очень видных деятелей этого Реввоенсовета в прямом предательстве».

Преданные троцкистами, выданные с головой на растерзание деникинских палачей, бойцы героической XI армии вынуждены были 19 января оставить Пятигорск. Трудно описать все ужасы, все кошмары этого отступления. Город напоминал поднявшийся табор переселенцев. На улицах жгли бумаги, эвакуировали раненых и инвалидов. Неубранными валялись трупы умерших бойцов и обывателей. Начались грабежи. Кто сумел—достал подводу, большинство же шло пешком, увязая по пояс в снегу. Мороз и метель были невообразимые. По дороге слышались стоны и хрипы умирающих. Раненые кричали: «Пристрелите нас, товарищи!» Многие в ту ночь замерзли в снегу; их трупы устилали весь скорбный путь от Пятигорска на Зольскую, Марьинскую и Прохладную. Казачья беднота сердечно принимала отступающих, давала обогреться у огня, кормила. Не так встречали красных кулаки и зажиточные казаки. Вот как встретили их белоказаки станицы Марьинской. Был праздник Ивана-крестителя. Богатые станичники сидели на завалинках, грызли семечки. Они на чем свет стоит ругали отступающих и категорически отказались продать им какие-нибудь продукты. В это время на площади появился известный белый бандит полковник Серебряков. Среди отступающих послышались крики: «Нас отрезали! Спасайся, кто может!» Беспорядочная лавина бросилась в сторону Солдатской и Прохладной...

20 января белые вошли в опустевший Пятигорск. В этот же день на ст. Прохладной Серго проводил заседание штаба обороны.

— Обороняться во что бы то ни стало,—требовал он.— Мы должны сохранить нефть для России: Грозный и Владикавказ должны быть в наших руках.

Остатки армии были переформированы. Серго назначил командиров и потребовал немедленно начать энергичное наступление.

Утром 21 января наши части в районе города Георгиевска пропустили деникинскую кавалерийскую дивизию далеко к себе в тыл, а затем окружили ее и разбили. Было захвачено более девятисот пленных, четыре орудия, четыре пулемета. Противник был объят паникой, он никак не надеялся, что еще вчера столь панически отступавшая армия способна дать такое героическое сражение.

Героическое наступление красных происходило в неимоверно трудных условиях.

«Полкам, имеющим патроны, отдавались приказы итти в бой, и они не смели отказываться,—писал Серго,—и шли при наличности 5—10 патронов на бойца. Не отказываясь выполнять боевой приказ, они выражали свой протест довольно оригинально. Выстроенный полк, получив приказ итти в бой, в продолжение нескольких минут кричал: патроны, патроны, патроны!»

На совещании в Прохладной ряд штабистов требовал немедленно отступать на Астрахань. Серго ответил, что он считает это политическим дезертирством.

Отход на Астрахань недопустим,—говорил он,—ибо тогда мы целую Терскую область бросим на произвол судьбы, даже не предприняв боя с противником... Горским населением подобный отход будет квалифицирован как предательство, и мы политически умрем навсегда для Северного Кавказа... При отсутствии железной дороги отступление едва ли будет возможно. Едва ли мы спасем

кого-либо, и все равно и солдаты и технические средства погибнут в Астраханских степях от холода и голода.

Прохладненское совещание вынесло решение отойти на правый берег Терека и вместе с горцами защищаться до того момента, пока из Москвы не придет помощь.

В это время в Прохладную приехал гонец. Он сообщил, что в тылу, в Осетинском селении Ног-Кау деникинский агент полковник Цаликов поднял контрреволюционный мятеж. Серго выехал в Осетию и в три дня полностью ликвидировал этот мятеж. После этого он вернулся во Владикавказ, и тут его ждало страшное известие: изменники из штаба XI армии, нарушив решение прохладненского совещания, отступили на Астрахань. Больная, деморализованная армия катилась по безлюдным снежным степям.

Серго послал Ленину телеграмму, где сообщил о полном разложении XI армии. Он писал о своем решении драться, но не уходить из Владикавказа: «Мы все погибнем в неравном бою, но честь своей партии не опозорим бегством».

Телеграмму свою Серго закончил так:

«Дорогой Владимир Ильич, в момент смертельной опасности шлем Вам привет и ждем вашей помощи».

Москва послала для Владикавказа через Астрахань военное снаряжение, обмундирование на сорок тысяч бойцов, пятнадцать мотоциклов с пулеметными площадками, двадцать пять автомобилей. Но презренные троцкисты задержали весь транспорт в Астрахани. Негодяи хотели утопить в крови героических защитников Владикавказа.

ОБОРОНА ВЛАДИКАВКАЗА

Остатки Северокавказской XI армии стекались во Владикавказ. Изможденные, больные, раненые бойцы размещались военным лагерем во всех углах города. Все крупные здания были превращены в лазареты для сыпнотифозных.

Город представлял необычайный вид. Сюда съехались самые разнообразные воинские части, коммунисты всего Северного Кавказа, решившие или победить, или с честью умереть в последнем советском городе Терека. Было много мирных жителей, прибывших из разных городов, которые были так или иначе связаны с Советской властью и боялись репрессий со стороны «кадетов». Наконец, здесь остались члены профсоюзов и многочисленные советские служащие.

Тяжелое впечатление производил Владикавказ, наполненный тысячами беженцев. Голодные и полураздетые люди целыми днями слонялись по улицам в поисках крова и пищи. Рынки были пусты: беженцы съели последние запасы. Не дремали и спекулянты-контрреволюционеры: если на рынках и появлялись какие-либо продукты, то они приберегались для «своих» или продавались по бешеной цене, и только на «царские».

Здоровые были вынуждены спать в одних помещениях с сыпнотифозными. Больше половины города болело тифом. На эпидемию мобилизовали женщин-работниц, но они валились с ног от усталости, зачастую заражаясь сами. Каждый день хоронили несколько сот людей.

А Деникин все наседал. Подняла голову и местная контрреволюция. Белоказаки заняли станицу Ардон и начали собирать все контрреволюционные силы Терека для облегчения победы добровольческой армии. Критическое положение создалось у станицы Архонки. Нужно было во что бы то ни стало разоружить контрреволюционную банду. Серго вызвал командира грузинского отряда, отличившегося в августовских боях, Сашу Гегечкори и предложил ему выехать в Архонку. В бою под Архонкой Саша был ранен. Пришлось ему ампутировать ногу.

25 января подошли к Владикавказу волчьи сотни Шкуро. Жаркий бой произошел в Ардоне, и наш коммунистический отряд, несмотря на героизм бойцов, вынужден был

отступить. Шкуро начал усиленную мобилизацию казаков и осетин Владикавказского округа.

Деникинцы наступали широким фронтом. Правый фланг к 25 февраля находился у Владикавказа, в то время как левый фланг, прервав железнодорожное сообщение со ст. Беслан, открыл фронт против ингушских селений Кантышево и Долаково, которые лежат в десятке километров на северо-восток от Владикавказа.

Штаб обороны во главе с Серго обосновался во Владикавказе.

Был создан Революционный комитет обороны Терской области, в который вошел Серго как председатель Совета обороны Северного Кавказа. Крайком РКП(б), сообщая населению об организации Революционного комитета обороны Терской области, требовал выдержки и дисциплины для дружного напора на врага. Были мобилизованы все члены профсоюзов, все советские работники.

Серго выехал в Ингушетию. В это время деникинское командование вело переговоры с ингушами о том, чтобы последние пропустили через свою территорию белых, которые хотели окружить Владикавказ со всех сторон.

Деникинцы дали ингушам час срока, после чего угрожали открыть стрельбу.

— Стреляйте сейчас же,—ответили им ингуши.

Деникинская армия, осаждавшая героический Владикавказ, насчитывала более ста тысяч штыков и сабель. У красных же было не более двух тысяч бойцов.

2 февраля было решено перенести штаб обороны в ингушское селение Базоркино, находящееся в восьми километрах от Владикавказа, ибо была опасность, что белогвардейцы отрежут город от Ингушетии. Неприятель наступал от Беслана. Он встретил столь ожесточенное сопротивление красных бойцов, что вынужден был отступить и окопаться.

Утром следующего дня Серго отправил на помощь сражающимся железнодорожный и коммунистический отряды.

Главным местом боя был район от новой тюрьмы до Молоканской слободки.

Бо́льшую часть времени Серго проводил в Ингушетии. 4 февраля в Базоркино, на съезде вооруженного ингушского народа, Серго говорил:

— Положение наше очень серьезное. На нас наступает сильный враг—Деникин. Этот царский генерал хочет снова отнять у вас землю и свободу, которую дала вам Советская власть...

С ответной речью выступил почетный старик по имени Сепд:

— Сын мой, Эрджикинез,—говорил он,—князь бедных, вождь обездоленных! Говорю сегодня от народа я, говорю потому, что все знают, как знаешь и ты, что я раньше был недоволен Советской властью, не верил ей. Тем дороже, тем вернее мое слово сегодня, когда надвигается на нас плохое время,—вот почему сегодня говорю я. Много прошло перед нашими глазами разных людей—и своих и приезжих. Все они говорили, что желают нам добра. Но правды в их словах и делах не было... Пришла Советская власть. Пришел ты, Эрджикинез. Пришел от Ленина со своей правдой. Правда твоя, как суровая мать. Ты ничего не сулишь. Ты ничем не балуешь. Ты говоришь: берите с боем! Берите в борьбе!.. Не всякому твоя правда может быть матерью. Кто слаб духом, кто ждет милости, тот не примет этой правды. Она сурова, правда твоя, но она—и только она—несет народу счастье. Ингушский народ был сиротой. Знай это, сын мой, Эрджикинез! Но в тебе он обрел вождя. Ты несешь нашему народу счастье. Ты—орел с могучими крыльями. Сейчас твои крылья связаны. Но придет время—мы это знаем,—ты расправишь их снова и будешь парить над горами и степью. Мы пойдем за тобой, Эрджикинез! И когда ты снова расправишь свои орлиные крылья, не забудь маленький ингушский народ, всем своим горячим сердцем полюбивший тебя, нашедший в тебе вождя и друга.

Серго предложил провозгласить Горскую автономную советскую республику. С бурными приветствиями приняли ингуши предложение Серго.

Деникин усилил наступление. Красные отряды заняли позиции в селениях Кантышево и Долаково.

Серго все время был на линии огня. Он давал приказания, требовал, убеждал и вдохновлял. Много раз ему приходилось перевязывать раны бойцам. Уже одно его присутствие в окопах, где свистали белогвардейские пули, вселяло в бойцов бодрость и уверенность в победе.

7 февраля 1919 года Серго послал телеграмму Ленину.

«Бои вокруг города Владикавказа и Ингушетии продолжаются седьмой день. Все ингуши, как один человек, восстали на защиту Советской власти. Красная Армия, Курская и Молоканская слободки героически отражают натиск контрреволюционных казачьих банд.

На съезде вооруженного ингушского народа 4 февраля, по моему предложению, провозглашена независимая Горская советская республика.

Чечня совместно с красноармейцами отражает банды вокруг города Грозного. Казаки Сунженской линии, под командой т. Дьякова, твердо держатся за Советскую власть, громя артиллерией контрреволюционные станицы. Среди ингушей небывалый подъем духа.

Ждем Вашей помощи для окончательного сокрушения контрреволюции на Северном Кавказе».

Патроны, снаряды, медикаменты—все подходило к концу. Пришлось эвакуировать Владикавказ. Штаб обороны вторично обосновался в селении Базоркино.

Десять дней атака сменялась атакой. День и ночь слышались залпы пехоты, пулеметная трескотня, буханье орудий и бомбометов. В городе шрапнелью срывало крыши с домов, сносило дымовые трубы, вдребезги било стекла.

Борьба шла решительная, смертельная. Каждый знал, что если враг победит—пощады не будет.

— Дайте патроны!—кричали бойцы и выворачивали перед Серго пустые патронташи.

Серго направился в селение Назрань,—железнодорожный полустанок на пути между Владикавказом и Грозным. Через эту станцию, в случае отступления, можно было проехать на Грозный.

Серго в Назрани стал терпеливо доказывать ингушам, что они должны отдать все запасы патронов, которые они берегли для обороны своих аулов, на борьбу с Деникиным.

Серго говорил:

— Каждый из вас хочет защищать только свой аул. Если вы сегодня не переломите это настроение, то Деникин перебьет вас поодиночке. Сила ваша в объединении.

Серго сформировал в Назрани конные сотни, купил у какого-то старика несколько тяжелых цинковых ящиков патрон. Он тут же поехал в Кантышево.

Вместе с шофером Серго благополучно добрался до окопов, неся цинковые ящики. Он начал обход бойцов, каждому раздавая патроны.

Серго прекрасно понимал, что у бойцов нехватит силы для обороны города, если сейчас, сегодня, немедленно не придет помощь. Серго верил, верил до последней минуты, что помощь должна притти. Он надеялся, что Астрахань, изгнав предателей-троцкистов, даст патроны; он знал, что Грозный перебросит на Владикавказский фронт своих лучших сынов—пролетариев-нефтяников.

В дни героической обороны Владикавказа из Грозного пришел рабочий полк. Серго решил отправить полк в обход осетинского селения Ольгинское, с тем чтобы встретить врага в Беслане. Темной ночью вышли в путь грозненские пролетарии.

На утро в штаб явился израненный боец. Он рассказал, что грозненский полк целиком уничтожен.

Контрреволюционеры, засевшие в селении Ольгинское, открыли из окон домов предательский огонь и перебили всех красных бойцов.

Это решило исход борьбы. На собрании окончательно стало ясно, что патронов достать больше неоткуда, что дни Владикавказа сочтены и красным героям очень скоро придется отступать.

В тяжелом состоянии выехал Серго во Владикавказ. Город был уже отрезан от Ингушетии, и Серго пришлось прорваться на своем автомобиле под градом пуль.

Он приехал во Владикавказ, где еще шли бои, и приказал отступать.

Деникинцы обстреливали измученный город из орудий. Было разрушено много домов и разгромлен военный госпиталь. Негодяи перебили находившихся там на излечении раненых красноармейцев.

11 февраля белые получили новое подкрепление и оттеснили красных в селение Кантышево. С 11—12 часов они повели энергичное наступление на Владикавказ, нажимая на район мастерских по линии железной дороги и на Курскую слободку. Конные части белоказаков бросились со стороны старых скачек на сады Шалдона.

Измученные герои без патрон и даже без продовольствия начали отходить в центр города. Был густой туман, и это очень помогало белогвардейцам. Красные отступали по Военно-Грузинской дороге. Вместе с бойцами уходили больные и тифозные; сестры милосердия и сиделки поддерживали раненых; тифозные бредили и кричали. Контрреволюционеры, пользуясь общей неразберихой, из окон стреляли по отступавшим.

Из Владикавказа Серго прорвался в Ингушетию. Здесь он тоже приказал снять фронт и приступил к эвакуации красноармейских частей со ст. Назрань.

За несколько дней до отступления я вместе с Арусяк Петросян (сестра известного большевика Камо) уехала в селение Барсуки, находящееся в одной версте от ст. Назрань.

В ГОРАХ ИНГУШЕТИИ

В день отступления Серго в автомобиле поехал по замерзшей дороге в сторону селения Базоркино. Он хотел проверить работу штаба. Приехав в Базоркино, Серго не встретил никого, кроме глухого старика-сторожа, который сообщил, что все штабные эвакупровались в Назрань.

Серго поехал обратно. По дороге он был обстрелян белогвардейским разъездом, который уже ворвался в селение.

На ст. Назрань шла спешная эвакуация красноармейских частей на город Грозный. Туда же, еще несколько дней назад, были отправлены все ценности Терского совнаркома. Серго руководил отправкой эшелонов. Он дал указание отступать в горы.

Неожиданно пришло трагическое известие: надежда владикавказских большевиков — Грозный пал. Деникинцы одновременно вели наступление и на Владикавказ и на Грозный, и пролетарская твердыня не выдержала натиска белогвардейцев.

Красноармейские части спешно отступали из Грозного в горную Чечню; туда же на сорока подводах были отправлены ценности. По обледеневшим горным тропкам двигался обоз. Контрреволюционные чеченцы из аула Ачхой-Мартан нападали, грабили ценности, а красноармейцев убивали. Стужа и снег слепили глаза красноармейцам. Подводы скользили и скатывались в пропасти.

Ночью Серго совместно с группой товарищей прибыл в аул Барсуки, где жили мы с Арусяк. Серго рассказал, что Красная Армия временно уходит в горы, но что она соберет новые силы и вновь обрушится на Деникина.

Ночью на двух автомобилях мы тронулись в горы.

У нас были с собой деньги Терского совнаркома. Эти деньги Серго держал для покупки патронов. Мы их сложили в мешок. Серго предложил часть денег разложить по карманам. Наш проводник Зязиков, который это видел,

сказал, что никто нас не тронет. У ингушей обычай— не трогать тех, кто едет с ингушом.

Серго, Арусяк и я ехали на первой машине. Вслед за нами шел второй автомобиль, в котором находились другие товарищи, а также Зязиков со своими двумя женами (в то время в Ингушетии существовало еще многоженство). Ехали мы лесом. Дорога сбегала с холма на холм. Была темная ночь. На околице крупного селения (должно быть, Экажево) из леса выскочил отряд вооруженных всадников и помчался навстречу нам.

Всадники оказались ингушами. Они окружили наши машины. Зязиков начал с ними говорить по-ингушски. Никто из нас не знал этого языка, и поэтому наш проводник мог говорить свободно. Всадники забрали из нашей машины мешок с деньгами, который лежал под передним сиденьем. Когда они скрылись, старик Зязиков, разводя руками, сокрушенно сказал, что это небывалый случай. Но мы поняли, что ограбление произошло не без его участия.

Доехали до аула Сурхохи. Это—большое предгорное селение, со всех сторон окруженное лесистыми горами. Посредине селения в глубокой балке протекает кристально чистый ручей; ингушки с кувшинами на плечах спускались по тропинкам и набирали воду. В центре селения была большая и ровная площадь, где обычно устраивались сходки; рядом находилась и мечеть с высоким минаретом, откуда по несколько раз в день истошным голосом кричал мулла.

В Сурхохи некоторое время мы отдыхали; окрестные жители быстро узнали о том, что в их ауле остановился Серго. Скоро в «кунацкой» комнате (у ингушей есть чистые комнаты, специально для гостей, убранные самыми дорогими вещами) собрались почетные старики, которых особенно уважают в Ингушетии.

Старики спрашивали Серго:

Когда будем Деникина гнать?

— Придет ли нам на помощь Красная Армия?

Серго отвечал, что красные придут обязательно и тогда, объединившись с горцами, они общими силами уничтожат Деникина.

— А пока,—говорил Серго ингушам,—вам нужно организовывать партизанские сотни и не пускать белогвардейцев в горы.

Почетные старики очень уважали Серго и вполне доверялись ему. Они с уверенностью говорили:

— Мы знаем, что победим, потому что ты не оставил нас.

*

...С полудня начал сильно итти снег, и Серго решил временно оставить меня и Арусяк в Сурхохи, а сам, вместе с товарищами, уехал верхом в горы. Он хотел узнать, безопасен ли путь, и уже после этого встретиться с нами в ауле Мужичий.

На следующий день я получила от Серго записку.

Вот что писал Серго:

«9 часов 50 минут. Прибыли куда следовало. Добрый хозяин принял и накормил нас. Теплая комната. Мы изрядно устали. Зиночка моя, вас всех вывезет податель сего, высокий ингуш. Ради всего, не хандри. Скоро увидимся».

В постскриптуме Серго давал мне хозяйственные советы, как нужно распорядиться с нашими двумя чемоданами, и закончил свою записку приветом «Арусяке и маленькой славной Гогона» (Гогона—девочка; так Серго звал дочь Арусяк).

Зязиков, который не оставил нас после ограбления, желая всячески показать, что он никакого отношения к разбойникам не имел, стал уговаривать меня и Арусяк не ехать в Мужичий. Он рисовал нам страшные картины невероятно трудного горного пути, говорил, что чуть ли не за каждым выступом скалы прячется бандит, и пр.

Мы не послушались Зязикова и ночью благополучно присоединились к своим.

Аул Мужичий—последнее большое селение предгорной Ингушетии. Он стоит на берегу бурной реки Асса, которая берет свое начало в вечных снегах Хевсурских гор, пересекает всю Ингушетию и впадает на территории Чечни в Сунжу, которая в свою очередь является притоком Терека. Асса—типично-горная река. Она образует десятки отвесно падающих водопадов, шумит и пенится, и ее быстрые воды не замерзают в самые лютые морозы.

В Мужичьем Серго начал завязывать связи с Чечней; отступившие на ее территорию красноармейцы объединялись по заданию Серго в отряды чеченской Красной армии. Эту работу возглавлял талантливый руководитель революционной Чечни, ученик Серго и Кирова, молодой чеченец Асланбек Шерипов.

Однажды ночью в Мужичьем поднялась тревога: ждали деникинцев. За голову Серго белогвардейцы назначили несколько миллионов рублей. В горах рыскали, переодетые горцами, белоказаки.

Была сильная метель. Ветер слепил глаза.

Торопливо покинули мы саклю гостеприимного хозяина. Мужчины сели на коней. Серго взял на руки девочку, закутанную в шкурку барашка. Мы с Арусяк поместились в арбе.

— Поехали, товарищи!—крикнул Серго.

Путь шел кустарниками; налево от нас бурлила Асса. Темно, колючий снег обжигал лицо. Мы кутаемся в башлыки и платки.

Вплотную доехали до Столовой горы. Асса прорезает эту огромную гору и в узком каменном ложе несется особенно быстро и бурливо. Дорога пошла ущельем. Это была самая трудная часть пути.

Мы остановились. Я и Арусяк пересели на верховых лошадей. Ингуши развели костер, покрепче привязали

к лошадям наши скудные пожитки. Затем они взяли в руки горящие головни, и мы тронулись. Самодельные факелы дымили и зловещим красным светом освещали мрачное ущелье. Продвигаться вперед было исключительно трудно: тропинка обледенела, лошади скользили и падали. Время от времени факелы начинали затухать; тогда ингуши размахивали ими над головами, и они снова разгорались.

Неожиданно послышались крики и шум. Серго быстро спрыгнул с коня и побежал вперед. Оказалось, что один из наших товарищей упал с лошади и повис над пропастью, цепляясь руками за чахлый кустарник. Серго подал ему руку и помог взобраться на тропинку.

Незадолго до рассвета мы добрались до маленького хутора, где и переночевали. Дорога делалась все более трудной и дикой. Тропинка круто подымалась вверх, петляла из стороны в сторону, а после так же круто опускалась вниз. Я несколько раз падала с лошади. В одном месте тропинка резко обрывалась, и нужно было сделать крутой поворот влево. Арусяк не рассчитала этого, и ее лошадь, почувствовав, что под ее передними ногами нет твердой опоры, взвилась на дыбы. Арусяк неминуемо погибла бы, если бы наш проводник-ингуш не успел схватить лошадь за передние ноги и поставить на тропку.

Узкое ущелье окончилось, и мы выехали в огромную котловину Хамхинского общества, расположенного между Столовой горой и главным Кавказским хребтом. Котловина эта была пересечена холмами и горами; сильный, порывистый ветер дул здесь особенно стремительно.

На каждом холме виднелись занесенные снегом селения. Их было много. Архитектура селений была причудливой и очень интересной: древние высокие сторожевые башни, бойницы. Глубокой древностью веяло от каждого аула.

Мы свернули к аулу Цори, который лежит влево от Ассы в сторону Чечни.

Неожиданно со скал раздались выстрелы. Это ингуши увидели длинную ленту всадников и, не зная, кто идет,

открыли стрельбу. Серго был впереди и в ответ на выстрелы попросил переводчика крикнуть горцам, чтобы те прекратили свое развлечение: когда приедем в аул, тогда и посмотрим, кто метче стреляет.

Переночевали в Цори, а после через Гул добрались до Чечни. В чеченском ауле Кяй встретились с Филиппом Махарадзе[1]. Он был одним из руководящих партийных работников Терека и незадолго до отступления из Владикавказа уехал, по поручению Серго, в Чечню. В горах Махарадзе заболел. Был болен также и председатель Терского совета Яков Петрович Бутырин.

У Бутырина был тиф. Его пришлось отправить из Кяя в Ингушетию, где он ожидал исхода нашей экспедиции. По плану Серго, мы должны были пробраться в Тифлис, чтобы через подпольный Краевой комитет большевиков организовать переправу оружия для партизан Северного Кавказа. Путь на Тифлис шел через ингушское селение Мелхесты и Хевсуретию.

Ингуши рассказывали Серго, что хевсуры—их кровные враги. Давно началась эта вражда, и горцы не могли объяснить, с чего она началась. Нам, конечно, было ясно, что эта межнациональная рознь есть результат отвратительной самодержавной политики русского царизма.

Ингуши предупредили нас, что хевсуры убивают всякого, кто посмеет перейти их границы со стороны ненавистных им ингушей. Но у нас иного выхода не было, и мы в середине февраля тронулись в путь.

Перевал, отделяющий ингушей от хевсуров, исключительно труден. Даже летом мало кто отваживался переходить его, а сейчас в горах бушевали бураны, ветер сбивал с ног, сугробы достигали величины целого дома.

Через Хевсурский перевал отправились Серго, я, Арусяк с ребенком и ряд партийных терских работников.

---

[1] Ф. Е. Махарадзе—старый большевик, председатель Верховного совета Грузинской ССР.

Тропинка была покрыта толстым слоем льда. Я боялась смотреть назад: у меня начиналось головокружение. В одном месте Серго уронил винтовку, моя лошадь чуть было не сорвалась в пропасть. Наконец поднялись на первый перевал. Здесь находится хевсурское селение Шатиль.

Мы заночевали в сакле рослого хевсура. Его звали Габиз.

Подъемы и спуски были так трудны, что мы не могли итти дальше. Поэтому Серго решил временно оставить нас и с группой товарищей отправился в следующее селение.

Хевсуры приняли гостей радостно. Серго на грузинском языке рассказал им о причинах прихода и событиях, какие разыгрывались на севере. Чтобы послушать Серго, стекались хевсуры из соседних аулов. Они готовы были всячески помочь гостям. Но когда отряд Серго собрался в дальнейший путь, пришло известие, что жители хевсурского селения Гудани поссорились с проезжавшей впереди группой большевиков, напали на нее и перебили. Люди, пришедшие с этими известиями, уверяли гостей, что хевсуры из селения Гудани дали клятву никого не пропускать через свои земли.

У хевсуров существовал обычай кровной мести. Если хевсуры хотели кому-либо мстить, они бросали на могилу своих врагов дохлую кошку.

— На могиле убитых,—рассказывали пришедшие,—лежала дохлая кошка.

Во что бы то ни стало нужно было связаться с Тифлисом и дать знать о себе. Выполнить эту задачу вызвалось несколько товарищей во главе с Дьяковым. Серго нанял для них проводников и рано утром проводил их.

— Идите, дорогие, будущее за нами. Будете в Тифлисе, выполняйте задания, работайте.

Но этим трем смельчакам не удалось пробраться через Хевсуретию. Они вернулись в Ингушетию.

Серго отправил всех товарищей в район ингушского аула Пуй. Там же находились мы с Арусяк.

В ауле Гули лежал тяжело больной Бутырин. Серго остался вместе с ним, и ему пришлось вспомнить профессию фельдшера.

С. М. Киров писал впоследствии о товарищах, отступивших в горы Ингушетии: «Это были те, кто не хотел покидать Кавказ даже в такую трудную минуту. Они предпочли таинственные ущелья и перевалы, навеки скованные льдами, скрытые снегом.

В числе этих товарищей был и председатель Терского совета народных комиссаров Яков Петрович Бутырин».

С. М. Киров очень тепло отзывался о Бутырине:

«Тов. Бутырин—революционер, организатор, пропагандист. Тов. Бутырин—исключительно преданный рабочему делу работник, кристально чистый борец до конца», писал о нем Киров.

Яков Петрович лежал в тифу в ауле Гули. Серго ухаживал за ним, но лекарств не было, не было нужного режима питания.

24 февраля 1919 года Бутырин умер. После его смерти Серго переехал в аул Пуй. Здесь он взялся за организацию партизанских отрядов. Его план был прост: по мере возможности отвлечь Деникина от Москвы и тем самым ослабить его удар по центру революции.

Большое затруднение встретилось из-за нехватки патронов, ибо без денег их нельзя было достать.

Серго решил отправить в Тифлис Арусяк с ребенком и меня.

Мы ехали верхом. В целях конспирации я ехала в качестве няни ребенка Арусяк. Несмотря на запрещение Серго, я взяла с собой денежные документы, револьвер с патронами и фотографию Серго с товарищами. В Длинной долине мы остановились у родственников наших проводников.

Рано утром мы выехали из Длинной долины в сторону Военно-Грузинской дороги. Нас усадили в арбу. Револьвер я держала под шкуркой барашка, в которую был укутан ребенок, а фотографии и документы обвязала вокруг себя.

Вскоре дорога сделалась очень трудной. Пришлось оставить арбу и по узкой горной тропе итти пешком. Стоял сильный туман. Снег подтаял, и ноги скользили. Время от времени слышалась далекая стрельба. Мужчины поочередно несли ребенка. Шли мы по берегу Терека параллельно Военно-Грузинской дороге.

Один раз я упала, выбившись из сил, но, услышав выстрелы, с трудом приподнялась и побрела дальше.

В том месте, где нужно было перейти через Терек на Военно-Грузинскую дорогу, мы спрятались под скалой. На другой стороне за поворотом стояла меньшевистская охрана. Арусяк кормила ребенка, я писала письмо Серго.

Все время по Военно-Грузинской дороге проезжали машины, в которых сидели офицеры и женщины, скакали всадники.

У нас нечего было есть. Последний кусок черного хлеба мы отдали Арусяк, потому что она кормила ребенка.

Проезжала арба с дровами, в которой сидел старик-осетин с восемнадцатилетним сыном.

Мы попросили осетина нас перевезти. Он остановился, распряг лошадь и послал к нам своего сына.

Юноша перевез сначала ребенка, потом Арусяк. Я распрощалась с проводниками и отдала им письмо для Серго.

От Казбека мы поехали на машине, но так как была грязь, пришлось снова пересесть в арбу. Затем ехали на санях.

В Тифлис добрались ночью. Мы были очень утомлены, однако отдохнуть не пришлось: утром в нашей квартире меньшевики устроили обыск. Они узнали, что из гор Ингушетии приехали жены комиссаров.

Серго оставался в горах.

Он руководил революционными осетинами, кабардинцами, казаками, ингушами, чеченцами. Он выезжал в Чечню и принимал участие в боях с деникинскими генералами, пытавшимися огнем и мечом уничтожить в горах «большевизм».

Неоднократно Серго проводил подпольные митинги, где предлагал вооружаться и продолжать борьбу—скоро из Москвы должна притти помощь.

Созданные им отряды причиняли не мало неприятностей Деникину: то разберут железнодорожный путь, то вступят в бой с незначительным отрядом белоказаков, то лихим налетом возьмут контрреволюционную станицу.

Деникин объявил мобилизацию ингушей. Старики обратились к Серго за советом.

— Силы у вас мало,—ответил им Серго;—если вы сразу скажете, что не дадите полков, Деникин перебьет вас и ваши аулы уничтожит. Поэтому вам нужно быть тонкими дипломатами, вам нужно обещать, но не давать полки.

Серго пробыл в Ингушетии до середины апреля. Он постоянно объезжал аулы. Одно время скрывался от карательного отряда в пещере под аулом Датых. Получив из Тифлиса оружие и средства, он с новой энергией взялся за организацию партизанских отрядов.

Долго не имел от меня Серго никаких известий, потому что связь Тифлиса, где я находилась в подполье, с Ингушетией как-то не налаживалась. Положение осложнялось еще и тем, что перед моим отъездом Серго предупредил проводников: когда проводите женщин до Терека, возьмите записку, что все обошлось благополучно. Я дала требуемое письмо своим проводникам, но они при встрече с казачьим пограничным разъездом испугались и бросили его в Терек. Естественно, Серго потребовал от проводников записку и не поверил, что они ее выбросили.

16 марта из аула Мужичий он написал мне письмо:

«Я до сих пор не знаю, доехала ли ты или нет. Мне передали, что письмо твое потеряли проводники, которые вас провожали дальше, что вещи бросили и т. д. Я был чорт знает на что готов...»

Вскоре нам в Тифлисе удалось через подпольный Краевой комитет и лично через Камо наладить регулярную связь с Ингушетией по Военно-Грузинской дороге. Мы

подкупили меньшевистских офицеров и постепенно начали переправлять из гор в Тифлис больных и раненых наших товарищей.

Особенно трудно было вести работу в двух важнейших станциях Военно-Грузинской дороги—Ларсе и Казбеке. В Ларсе стояли деникинцы во главе с полк. Максимовым, который звериной злобой ненавидел большевиков. Он лично расстреливал наших товарищей, попавших ему в руки, а комиссаров отправлял на виселицу, которая была воздвигнута неподалеку от комендантского управления.

В Казбеке стояли грузинские меньшевики. Имп командовал другой лютый враг—полк. Церетели. Этот негодяй был более «гуманен» и поэтому сам не убивал большевиков, а отправлял их к Максимову.

Серго переправил из Ингушетии в Тифлис группу товарищей, среди которых были Ф. Махарадзе, Дьяков, семья Бутырина и жена Саши Гегечкори—Вера Эрнестовна.

Махарадзе благополучно миновал Ларс и Казбек, но остальная группа была арестована меньшевиками и подверглась жестоким издевательствам, после чего женщин под конвоем отправили в Тифлис, а всех мужчин повели через Чортов мост в Ларс—к деникинцам.

Трое наших товарищей, среди которых был Дьяков, решили бежать. Они прыгнули с Чортова моста в Терек и, борясь с бурным течением, скрылись за скалами. По ним стреляли, но напрасно: они успели уйти. Остальные же товарищи были переданы деникинцу Максимову.

До Серго дошли слухи о трагедии на Казбеке. Он написал одному из ингушей-коммунистов взволнованное письмо.

«С нашими товарищами, отправившимися в Тифлис через горы, вышло несчастье. Церетели всех выдал казакам. Среди них были: семья Бутырина, жена Гегечкори и др. Всех этих женщин, говорят, угнали во Владикавказ. Прошу тебя узнать и сообщить все, что можно узнать о них.

Твой Серго.

P. S. Пришли газеты».

Наши товарищи, работающие по связи на Военно-Грузинской дороге, сумели спасти несчастных, попавших в руки полк. Максимова: он согласился, за хорошую взятку, их отпустить.

Наступала весна. Работа Серго подходила к концу. Были созданы крепкие краснопартизанские сотни, население готово было к борьбе, и все чаще и чаще задавали старшки вопрос Серго:

— Скоро ли придут большевики?

Серго отвечал, что большевики придут скоро, что Красная Армия все ближе и ближе продвигается к Северному Кавказу, и радости горцев не было границ.

Еще недавно в Ингушетии свирепствовал тиф. Много выздоравливающих и раненых в стычках с деникинцами красноармейцев жило у ингушей, исполняя посильные домашние работы. Серго решил не уезжать в Тифлис до тех пор, пока не отправит всех больных и слабых товарищей в Грузию. Аул Пуй (на границе с хевсурами) сделался главным местом его пребывания. Сюда стекались больные и раненые красноармейцы. Серго снабжал их продуктами и переправлял в Тифлис.

Он мечтал, он страстно хотел попасть в Россию, в Москву, чтобы увидеть Ленина и Сталина, чтобы под их руководством принять участие в освобождении Советской страны от деникинских банд.

В конце апреля 1919 года Серго покинул аул Пуй и через Хевсуретию (аул Амги) нелегально пробрался в Тифлис.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОСКВУ

Однажды вечером, когда я собиралась ложиться спать, ко мне пришел Камо и сообщил, что его сестра Арусяк тяжело заболела.

— Надо итти,—говорил он.

Я спросила его, спускаясь по лестнице:

— Может быть, Серго приехал?

Камо ничего не ответил.

Во дворе меня ждал Серго. Он был в черном пальто, с бородкой, неузнаваемый. Вместе с ним мы отправились на квартиру Камо. По дороге Серго рассказал, как он проходил через Хевсуретию в Тифлис.

Когда Серго и его спутники поднялись на перевал Хевсуретии, началась сильная метель. Проводник сказал, что дальше итти нельзя. Решили возвращаться обратно. У Серго было тяжелое состояние. С ними был больной Автономов. Он умер в пути. Три дня они пробыли в ауле, похоронили Автономова и двинулись дальше.

На границе с Грузией всегда стоял хевсур с оружием. Когда подошел Серго со своими спутниками, их арестовали и провели к священнику. Поп грубо спросил его:

— Ты большевик?

Серго ответил:

— Да, я большевик, представитель Советской власти, и поэтому вы должны со мной иначе разговаривать.

Священник ответил грубостью. Серго гневно сказал ему:

— Вы—священнослужитель. Какое вы имеете право с нами так разговаривать? Если вы нас арестовали, то передайте нас как арестованных грузинскому правительству.

Серго был тогда в черкеске. Из оружия он взял с собой только маленький браунинг. Кроме того у него был перочинный ножик. Все это у него отобрали и посадили в сарай. Незадолго до этого здесь были убиты пятнадцать отступающих красноармейцев.

Утром священник неожиданно стал приглашать Серго к себе обедать. Серго отказался. Очевидно, проводник Серго дал священнику взятку, и священник их отпустил.

В Тифлисе был намечен дальнейший путь борьбы против контрреволюционного меньшевистского правительства. Приехав в Баку к Микояну, Серго провел широкое совещание закавказских коммунистических организаций.

В Тифлисе мы пробыли около месяца, скрываясь у товарищей из Краевого подпольного комитета. Некоторое время мы жили у Камо, затем на Авлабаре, у одного парикмахера-большевика, а также в ряде других мест.

Тифлис в те времена, как и вся Грузия, стонал под игом меньшевиков. Боясь народных восстаний, грузинские меньшевики во главе с Жордания и Рамишвили продали свою родину английским интервентам. Нам пришлось скрываться одно время в том доме, где находилось военное министерство меньшевиков и где на часах стоял здоровенный индус в чалме.

Неоднократно собирал Серго членов Кавказского крайкома партии и давал указания по дальнейшей борьбе с меньшевиками. Он говорил, что грузинский народ, через голову своих правителей, видит свое спасение только в тесном, нерушимом союзе с Советской Россией. Грузинский народ в любую минуту готов восстать против своих поработителей. Серго призывал закавказских большевиков возглавить эту борьбу.

Много раз обсуждался вопрос о том, каким путем лучше всего перебраться в Москву. Путь через Терек, Кубань и Дон был отрезан Деникиным. Железная дорога была в руках меньшевиков, муссаватистов, а также «добровольцев».

Камо предложил ехать в Москву через Астрахань, где героической обороной руководил Сергей Миронович Киров. Но как добраться до Астрахани? Единственно возможным путем было Каспийское море. Нам предстояло доехать поездом до Баку, а там найти рыбачью лодку и на ней добраться до Астрахани.

План был рискованным и смелым. Серго принял его. Стали обсуждать вопрос—кто же поедет.

В Тифлисе скрывалась Варо—жена Алеши Джапаридзе, трагически погибшего в числе 26 бакинских комиссаров.

Серго хорошо знал Алешу, он еще в 1907 году познакомился с ним в Баку и очень его любил. Вместе они рабо-

тали под руководством Сталина на Балаханских нефтепромыслах.

Глубоко потрясло Серго известие о гибели «26-ти». Он проявил особую чуткость и внимание к жене Алеши—Варо.

Было решено, что в Астрахань из Баку поедут тринадцать человек. В числе их были Серго, Камо, Варо Джапаридзе и я.

В Баку в подполье работал Анастас Иванович Микоян. Вместе с ним Серго провел широкое совещание коммунистических организаций, где наметил дальнейшие пути работы.

Организацию переезда через Каспий взял на себя Микоян. Незадолго до этого из Астрахани от Сергея Мироновича прибыл баркас. Он привез оружие для бакинских рабочих и должен был тайно вывезти из Баку бензин. В те времена Россия была отрезана и от донецкого угля и от кавказской нефти (Баку, Грозный, Майкоп). Паровозы работали на дровах, автомобили же, аэропланы и мотоциклы, лишенные горючего, стояли. Ленин просил Кирова добыть нефть любыми средствами. И вот Сергей Миронович прислал группу большевиков-матросов. Ими командовал Михаил Рогов. Впоследствии он был пойман деникинцами во время переправы горючего и казнен. Команда, организованная Кировым, должна была переправить нас в Астрахань.

Труден был путь. По морю шныряли сторожевые суда белых, и, попадись мы в их руки,—нас бы наверняка ждала участь «26-ти».

Микоян заказал для нас продукты: путь был длинен, и мы могли остаться без еды. Но лавочник-большевик, у которого на квартире была конспиративная явка, был арестован в день нашего отъезда. Нам пришлось довольствоваться очень ограниченным запасом сухарей, риса и хлеба. Кроме того Камо сумел достать немного черной икры.

Когда шли на пристань, июньское солнце палило так жарко, что на размякшем асфальте тротуаров оставались следы каблуков.

Надо было что-то придумать, чтобы суметь сесть на лодку и отплыть в море, не вызвав подозрений шнырявших по берегу полицейских и таможенных чиновников.

В то время трамвая в Баку не было, конка не работала. Переезды из одного конца города в другой совершались на редких извозчиках, в отдельных же случаях люди пользовались лодками.

Веселой и шумной компанией мы подошли к пристани. Все громко разговаривали о том, что надо найти лодку и скорее поехать домой на далекую окраину Баку—Баилов, мыс, находящийся на северном краю Бакинской бухты.

Парусный баркас (заранее подготовленный Бакинским комитетом партии для переброски Серго и его спутников) стоял у пристани. Рогов и другие большевики-матросы находились на борту и деятельно готовились к отплытию. По официальным документам они направлялись в Энзели с грузом бензина. У причала стоял таможенный чиновник в форме, с важным видом наблюдавший за отходом баркаса.

Инициативу взял на себя Камо. Как бы находясь в большом затруднении, Камо обратился к таможенному с просьбой:

— Как быть, уважаемый господин, что делать? Как нам найти лодку? Как попасть домой? Помогите ради бога!

Чиновник оглядел всю компанию, женщин, свертки и корзины, сокрушенно покачал головой и ответил:

— Не знаю, как вам помочь. Попробуйте, попросите людей с этого баркаса—может быть они согласятся вас подвезти. Да только навряд ли, они уезжают далеко.

Все зашумели, заговорили. В разговор втянулись матросы, а потом и Рогов. После длительных пререканий и торговли при участии чиновника, Рогов заявил:

— Ну, ладно, уж так и быть. Давайте 25 рублей, садитесь все, подброшу!

ТОВАРИЩИ СТАЛИН, ОРДЖОНИКИДЗЕ И МИКОЯН В ТИФЛИСЕ (1926 г.)

С шутками и смехом вошли на баркас. Чиновник приветливо махал рукой.

— Если бы он знал..—шепнул Серго мне.

Вскоре поднялся шторм, и нам пришлось стать на якорь. Наша пятисаженная лодка с трюмом сильно качалась. Многие заболели морской болезнью.

Два раза мы пересекали Каспийское море, чтобы не встретиться с белогвардейскими кораблями. Лодка оказалась ненадежной, мачта трещала, скрипела. В одном месте мы попали в мертвую зыбь, но моряки быстро спасли лодку.

Первые два дня почти ничего не ели. Я и Камо готовили обед: варили рис на воде. Пресную воду везли в бочке. Если вблизи не было пароходов, мы выходили наверх и пели песни.

Вероятно около форт-Александровска нас прибило к берегу. Мы увидели рыбаков. На маленькой шлюпке, которая была у нас, наши моряки подъехали к рыбакам, купили у них рыбы и банку икры.

Выехали мы 13 июня, было всего нас тринадцать человек, и на тринадцатый день мы добрались до Астрахани.

Под Астраханью мы увидели пароход и очень встревожились, но кто-то заметил на пароходе красный флаг. Нас приняли на пароход, но везли как арестованных. Только когда кто-то узнал Серго, нас отправили в гостиницу.

Здесь Серго, впервые встретившись с Сергеем Мироновичем Кировым, рассказал ему о положении на Северном Кавказе и о закавказских делах.

В Астрахани мы пробыли недолго. Серго, при помощи Сергея Мироновича, с которым очень подружился с первого дня, сумел в Особом отделе Астрахани получить материалы, прямо указывающие на предательство троцкиста Шляпникова и всего Реввоенсовета Каспийско-Кавказского фронта, злодейски погубивших бойцов славной XI армии.

В Астрахани Серго встретил остатки этой армии. Они были переформированы Сергеем Мироновичем и героически защищали революционные завоевания Октября.

27 июня Сергей Миронович дал Серго длинный мандат, из которого явствовало, что чрезвычайный комиссар Совета Народных Комиссаров тов. Сергей Орджоникидзе едет в теплушке под номером таким-то в Москву для доклада Совнаркому о положении дел на Северном Кавказе и в Закавказье.

Дорога была трудная. На каждой станции наш поезд осаждали бесчисленные мешочники; они забирались на крыши, под колеса и на буфера, и мне запомнился случай, когда одна женщина упала с крыши вагона и острый край рельсы буквально отрезал ей пятку.

В дороге только и разговоров, что о голоде, о ценах на хлеб и о новой угрозе пролетарской столице—о пресловутом «походе на Москву» ген. Деникина. К тому времени Деникин укрепился на Северном Кавказе и начал продвигаться к северу. Он взял Харьков, Екатеринослав (ныне Днепропетровск) и послал одного из самых ярых врагов Советской власти ген. Врангеля на Царицын.

Из окна теплушки мы повсюду видели следы страшного опустошения, которое производили белые войска. На станциях стояли обгоревшие составы, пути кое-где были разобраны, паровозы выведены из строя и часто спущены под откос.

Серго знал это; видя, что положение в высшей степени сложное, он на одной из станций попрощался с нами. Под его руководством части 33-й дивизии спасли положение на этом участке фронта. Бойцы разбили врага, захватили у него Лиски и Бобров.

Я одна приехала в Москву и, как было условлено, зашла к Сталину. Как раз в это время раздался звонок по телефону. Говорили из квартиры Ленина. К аппарату подошла Надежда Сергеевна Аллилуева. У нее спросили:

— Нет ли вестей от Серго?

В Москве наши товарищи думали, что Серго давно погиб—около полугода он не давал о себе никаких вестей. Надежда Сергеевна сказала, что Серго жив и здоров.

— Но где он сейчас? Почему не в Москве?

Я ответила через Надежду Сергеевну, что Серго остался на фронте.

БЕЛОРУССИЯ

В первой половине июля 1919 года Серго вернулся в Москву. 10 июля он написал пространный доклад Совету народных комиссаров о положении дел на Северном Кавказе. В этом докладе, который назывался «Год гражданской войны», Серго подробно остановился на деятельности большевиков Дона, Царицына, Кубани, Ставрополья и Терека. Особое внимание Серго уделил подлой двурушнической «работе» изменников-троцкистов из Реввоенсовета Каспийско-Кавказского фронта, которые в своей лютой злобе к рабочему классу и крестьянству совершили страшное преступление, злодейски погубили XI армию, лишив ее в период жесточайших боев с Деникиным патронов и снарядов, медикаментов и обмундирования.

В те дни на Советское государство двигался новый враг—белополяки. Тревогой гудели телеграфные провода, противник все ближе и ближе подступал к сердцу молодой Белорусской советской республики.

На выручку Белоруссии двинулись части XVI армии. Железные дороги были почти полностью разгружены от пассажирского движения, и по рельсам мчались длинные составы теплушек, платформы с продырявленными дисками. Двери теплушек были распахнуты и внутри были видны бесконечные нары, на которых, свесив ноги, сидели бойцы. Одеты они были кто во что горазд: у одного гимназическая фуражка, у другого зимняя папаха.

Воинские эшелоны направлялись в Могилев. Серго был назначен членом Реввоенсовета XVI армии.

Серго прибыл в Белоруссию в середине июля. XVI армия начала бои с противником еще задолго до приезда в Могилев Серго, но предательское руководство штаба XVI армии, разоблаченное впоследствии как троцкистское гнездо, успело и здесь не мало навредить. Армия действовала без строгого тактического плана; росли дезертирство, расхлябанность, и, пользуясь этим, троцкисты и их ставленники «военспецы» сдавали без боя целые уезды.

Я в это время оставалась еще в Москве. Серго прислал мне 21 июля большое письмо. Он писал:

«Телеграммы не доходят, письма тоже. К тому же до последнего времени я был в разъезде. Теперь обосновался в Могилеве, вернее обосновали здесь. Я член Ревсовета XVI армии. Городишко паршивый, но зато природа великолепная».

Серго просил меня немедленно по получении этого письма выехать в Могилев. Он подробно указывал, как должна я проехать до ст. Орша, сделать пересадку, найти штабной вагон и уже в нем добраться до места назначения. Серго, занятый самыми большими, самыми важными делами, всегда умел найти минуту для малого, всегда проявлял поразительную заботливость, чуткость, и это особенно располагало к нему всех, кому приходилось встречаться и работать с ним.

До ст. Орша я добралась благополучно; здесь предстояла пересадка. Народу на вокзале было много, большинство—военные. Я зашла в третий класс и стала ждать поезда на Могилев.

Подошел мальчик. Он неумело, очень скромно попросил у меня на хлеб. Я обратила внимание на его чистый костюмчик, короткие штанишки. В руках он держал узелок.

— Как тебя зовут?—спросила я.

Мальчик ответил. Мы разговорились с ним, и он рассказал, что вместе со своей матерью бежал из районов, занятых белополяками. По пути мать заболела тифом, ее на ст. Орша высадили из вагона, и она умерла в какой-то

больнице. Мальчик остался круглой сиротой и вынужден был просить на хлеб.

В наш разговор вмешался сидевший рядом военный работник. Он предложил мальчику поехать с ним в Могилев.

— Я устрою тебя в детский дом. Хочешь?—спрашивал он.

Я обратилась к военному:

— Вы из Могилева?

Он рассказал, что служит в штабе XVI армии и знаком с Серго. Подали поезд. Военный помог мне устроиться в штабном вагоне, захватив с собой сироту.

В Могилеве мы жили в Маковицком переулке, в семье советских служащих. Их уплотнили еще до нас, и три комнаты находились в распоряжении Реввоенсовета. В одной комнате жили мы с Серго, во второй—продовольственный работник, а в третьей была столовая.

Около недели мальчик жил у нас. Серго неоднократно беседовал с ним, поражался его исключительной памяти. Он вообще очень любил детей и мог проводить с ними целые часы.

Положение в Белоруссии было тяжелым, но Серго, как и всегда, был полон веры в победу. Он редко бывал в Могилеве, то и дело объезжая фронт. Серго не любил составлять впечатление о боях по сводкам и телеграммам. Он должен был видеть фронт сам, должен был сам проверить и сам поговорить. Вооруженный винтовкой, он на автомобиле, а то и пешком проникал на самые передовые линии, чтобы лично установить обстановку, потолковать с командирами и бойцами.

Я в это время оставалась в Могилеве. Вместе с штабистом, который помог мне доехать от Орши, устроила я мальчика в детский дом. Он несколько раз заходил ко мне в гости.

Жили мы в высшей степени скромно. Помню, у нас не было даже кастрюли, чтобы сварить обед, не было раз-

ливательной ложки. Хозяева были патриархальные евреи, и хотя относились к нам очень недурно, все же не разрешали пользоваться их посудой. На этой почве происходили у нас курьезы; сперва мы просили хозяйку продать нам кастрюлю, но она не соглашалась; тогда ее работница Нюра дала нам ее потихоньку, чтобы сварить обед. Несколько раз все сходило гладко. Но однажды хозяйка пришла с работы раньше обычного и увидала, что я в ее посуде варю суп. Нюре, конечно, попало. Жившая рядом со мной жена продовольственного комиссара шутливо сказала хозяйке:

— Мы осквернили вашу посуду, так продайте же нам ее.

Хозяйка невозмутимо ответила:

— Нет. Я ее выжгу хорошенько и вновь буду ею пользоваться.

На фронте обстановка осложнялась. Белополяки все ближе и ближе подходили к Минску. Тревожные вести шли с юга, откуда Деникин развивал стремительное наступление на Москву.

Серго почти не возвращался с фронта. Передовая линия шла по полям и рекам Белоруссии. Польские паны захватывали деревни, местечки, города. Серго постоянно бывал в деревнях; он часто заходил в избы, подолгу беседовал с крестьянами и всеми силами спрачивал тыл.

Но вот настал час, когда пришлось спешно эвакуировать Могилев. Как раз незадолго до этого в последний раз зашел ко мне из детдома опекаемый мной мальчик. Он гостил у нас целый день. Я просила его остаться.

— Нет, тетя, у нас сегодня спектакль...

Я дала ему денег на дорогу, и он уехал.

После этого я не видела его больше недели и вспомнила о нем, когда встал вопрос об эвакуации из Могилева.

Я позвонила в детский дом. Мне ответили, что неделю тому назад мальчик ушел «к той тете, что привела его сюда», и больше не возвращался. Я принялась за поиски

своего первого воспитанника. Искала всюду. В Наробразе встретилась со штабистом. Он, оказывается, тоже узнал, что наш мальчик пропал, и принял все меры к его розыску.

Но найти мальчика нам не удалось. Помню, когда мы проезжали Оршу, я все выглядывала из окна, но нигде его не было. Так мы и потеряли своего воспитанника. Где он теперь? Жив ли?..

★

Штаб XVI армии переехал в Смоленск. Пал Минск. Красные части укрепились за рекой Березиной. На этой реке стоит маленький городок Борисов. Здесь решалась судьба Белоруссии.

Вагон Серго прибыл на станцию Приямино. Было жаркое, засушливое лето, но неожиданно пошел сильный дождь. Дороги разбухли, повсюду стояла непролазная грязь.

Станция Приямино — последний железнодорожный пункт, принадлежавший советским войскам. Дальнейшая территория занята была панами. Серго отдал приказ поставить поезд на запасный путь, а сам пошел осматривать линию фронта.

Бойцы укрепляли станцию. Были вырыты окопы, густой сетью колючей проволоки опутаны окрестные холмы.

Серго решил дать здесь решительный бой противнику. Он через полевой, а затем и через железнодорожный телефоны попытался установить связь с передовой линией и парторганизацией Борисова.

«Взят ли город белополяками? Укрепились ли они в нем?»—вот вопросы, волновавшие Серго.

Телефон молчал: видно, паны перерезали провода.

К вагону Серго подходили окрестные крестьяне, рабочие. Они просили зачислить их в красноармейские части. Серго расспрашивал их о положении Борисова, но никто толком не мог дать ему ответа. Тогда Серго послал

разведку. Она вскоре вернулась, тоже не дав ожидаемых результатов.

Положение осложнялось; под вечер в вагон Серго пришли члены Борисовского ревкома. Они подтвердили, что Борисов уже занят белополяками.

— Какие части вошли в город? Их численность? Вооружение?—забросал Серго вопросами ревкомовцев.

Но и они не смогли дать точный и исчерпывающий ответ.

Тогда Серго решил сам отправиться в боевую разведку. Это было ночью. Бушевала непогода, шел проливной дождь.

— Пошли, товарищи!—скомандовал Серго и во главе отряда в двадцать человек тронулся в путь. Он шел с винтовкой в руках. Рядом шли красноармейцы и ревкомовцы. Дорога была вязкая. Пробирались лесом по узким заболоченным тропинкам.

Вражеская разведка могла встретить их за любым кустом; поэтому шли осторожно, не разговаривали и не курили. Несколько раз останавливались, отдыхали. За ночь под сильным дождем прошли больше двадцати километров. Но вот, сквозь лесную чащу показались огоньки. Это город Борисов. На окраинах находятся кожевенные заводы, ютятся в жалких лачугах рабочие-обувщики.

Разведчики остановились. Красноармейцы думали, что Серго осмотрит издали город и этим удовлетворится. Но нет,—он все шел и шел вперед. Вот и пригород. Накрапывает дождь, барабаня по деревянным крышам. Улицы были пустынны, но в условленном месте Серго ждали борисовские рабочие, наперебой спешившие рассказать об ужасах, пережитых городом после захвата его белополяками: город был разрушен артиллерией противника, сгорели окраины. Каменные дома хоронили под своими сводами десятки людей.

Мимо еще дымящегося пожарища прошел Серго в подпольный комитет большевиков. Он точно узнал силы противника, договорился с местными товарищами о плане

совместных действий и только после этого покинул Борисов.

На станции Прямино бойцы с нетерпением ждали Серго. Велика же была радость, когда Серго вернулся и отдал приказ о немедленном наступлении на белополяков. Борисов вновь стал советским городом. Позиции на реке Березине были закреплены.

В Смоленске мы пробыли до октября. Серго работал здесь под руководством Сталина, который был членом Реввоенсовета Западного фронта. Он неоднократно вместе с ним выезжал на фронт.

Однажды Серго еще раз возглавил разведку, с небольшим отрядом напал на белополяков и разгромил их. Он лично руководил захватом железнодорожного моста в направлении Ново-Борисова.

Большое внимание уделял Серго быту бойцов Красной Армии. В середине сентября он осматривал Быховские казармы и остался крайне недоволен антисанитарным состоянием двора и полным отсутствием освещения. Тут же Серго отдал распоряжение очистить двор от нечистот и провести в казармы электрическое или временно, на худой конец, керосиновое освещение. Приказ Серго не был своевременно выполнен. Тогда он отдал вторичное распоряжение, а виновников срыва его первого приказа приказал отстранить от занимаемых должностей и арестовать.

ПЛАН СТАЛИНА

Деникин подходил к Москве. Он захватил левобережную Украину, включая Харьков и Крым. Это был второй поход Антанты против Советской России—поход 14 государств. Деникин сосредоточил половину всех своих сил на главном направлении против Курска. Красные части вынуждены были отойти. Белые заняли Чернигов и Орел.

Наступил момент смертельной опасности для Советской России. В Москве и в других наших городах подняла голову контрреволюция. Поползли злобные слухи, что бороться бессмысленно, что враг силен и непобедим. Маловеры и замаскировавшиеся враги требовали сложить оружие.

В это время Ленин и Центральный Комитет РКП(б) посылают Сталина руководить разгромом белых армий на главном, Южном, фронте.

Сталин категорически отверг старый план разгрома Деникина, выработанный главным командованием во главе с Троцким. План этот предусматривал наступление левым флангом с Царицына на Новороссийск через донские степи и казачьи станицы.

«Нечего и доказывать, что этот сумасбродный (предполагаемый) поход в среде вражеской нам, в условиях абсолютного бездорожья, грозит нам полным крахом», писал Сталин в записке Ленину.

Взамен плана, уже отмененного жизнью, Сталин выработал план наступления красных через пролетарский Харьков—Донецкий бассейн на Ростов.

Стратегический план великого Сталина обеспечил победу революции.

На Южный фронт партия послала самых сильных, непоколебимых и мужественных бойцов. Под руководством Сталина здесь сражались Молотов, Ворошилов, Каганович и Киров.

Серго был назначен членом Реввоенсовета XIV армии. Это было в конце сентября 1919 года. Сталин прислал в Смоленск на имя Серго телеграмму с приказом сдать дела одному из членов РВС XVI армии и немедленно начать переброску латышской дивизии на Южный фронт.

Во главе латышской дивизии Серго выехал из Белоруссии. Он быстро стал входить в существо порученного ему дела. Еще 9 октября он отдал приказ о наступательных действиях в направлении села Михайловского и города

Дмитриева. 10 октября он подписал новый приказ о наступлении по линиям Кромы—Орел и Фатеж—Мало-Архангельск.

Всю первую половину октября штаб Серго находился в селе Сергиевском. Сюда приезжал Сталин. Здесь под его руководством Серго разрабатывал план наступления на Деникина.

С первых же дней Серго заметил, что в армии не все благополучно. Он видел расхлябанность, анархию, полное отсутствие дисциплины. 15 октября из села Сергиевского Серго написал письмо Ленину:

«Дорогой Владимир Ильич! Сегодня я думал заехать в Москву на несколько часов, но решил, что лучше скорее в армию. Я теперь назначен в Реввоенсовет 14-й армии. Тем не менее решил поделиться с вами теми в высшей степени неважными впечатлениями, которые я вынес из наблюдений за эти два дня в штабах здешних армий. Что-то невероятное, что-то граничащее с предательством. Какое-то легкомысленное отношение к делу, абсолютное непонимание серьезности момента. В штабах никакого намека на порядок, штаб фронта—это балаган. Сталин только приступает к наведению порядка. Среди частей создали настроение, что дело советской власти пропрано, все равно ничего не сделаешь. В 14-й армии какой-нибудь прохвост Шуба, именующий себя анархистом, нападает на наши штабы, арестовывает их, забирает обозы, а комбрига посылает на фронт под своим надзором для восстановления положения. В 13-й армии дела не лучше. Вообще то, что здесь слышишь и видишь—нечто анекдотическое. Где же эти порядки, дисциплина и регулярная армия Троцкого? Как же он допустил дело до такого развала? Это прямо непостижимо. И, наконец, Владимир Ильич, откуда это взяли, что Сокольников годится в командармы? Неужели до чего-нибудь более умного наши военные руководители не в состоянии додуматься? Обидно и за армию и за страну. Неужели, чтобы не обидеть самолюбие Соколь-

ников, ему надо поиграться с целой армией. Но довольно, не буду дальше беспокоить вас. Может быть, и этого не надо было, но не в состоянии заставить себя молчать. Момент в высшей степени ответственный и грозный. Кончаю, дорогой Владимир Ильич.

Крепко, крепко жму ваши руки

Ваш Серго».

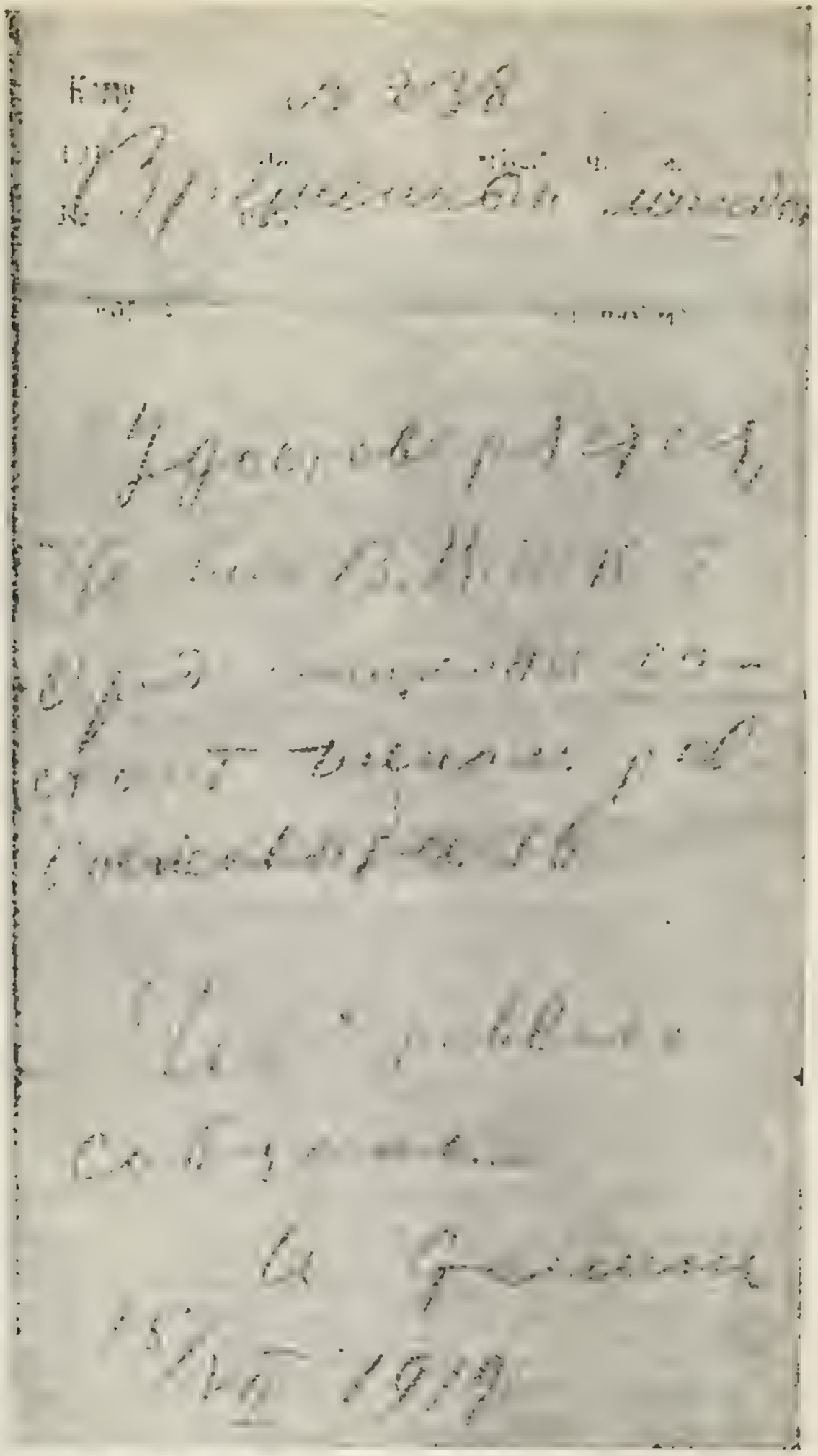
Силы Красной Армии были безобразно сгруппированы и поэтому не могли нанести решающего удара. Отдельные бойцы проявляли чудеса героизма, но предательское «руководство» Троцкого срывало все планы. Поэтому-то Сталин и потребовал, чтобы этот обер-бандит не смел вмешиваться в дела Южного фронта.

Штаб XIV армии переехал в Брянск. Серго письмом сообщил мне об этом, и вскоре я приехала к нему из Москвы. На вокзале я нашла комендатуру и позвонила в штаб. Мне сказали, что Серго недавно уехал на фронт. Вечером или на следующий день Серго вернулся. Он рассказал, что красные части развивают успешное наступление.

Ближайшей задачей Красной Армии было разбить Мамонтова и Шкуро под Воронежем и овладеть Орлом, который находился в руках Деникина. Белогвардейцы продолжали теснить наши части. Деникин подошел к Туле и взял город Новосиль. Это был момент наибольшего продвижения деникинской армии к Москве.

19 октября созданный по инициативе и под руководством Сталина Конный корпус Буденного и Ворошилова (впоследствии переформированный в Первую Конную армию) внезапно ударил по конной группе Мамонтова и Шкуро. Белые были разбиты под Воронежем.

В тылу Деникина начались крестьянские восстания. Подняли знамя революционной борьбы украинцы, мужественно выступили против деникинских палачей организованные Серго ингушские партизанские сотни, осетинские отряды, партизаны Дагестана, Карачая и Кабарды.



МАНДАТ ЧЛЕНА РЕВВОЕНСОВЕТА XVI АРМИИ ТОВАРИЩА ОРДЖОНИКИДЗЕ, НАПИСАННЫЙ ТОВАРИЩЕМ СТАЛИНЫМ

Деникин решил дать последний смертельный бой пролетарской диктатуре. Он стянул лучшие свои силы под Орел и Кромы. Здесь шли жестокие бои. Была зима, стужа. Снег и ветер били бойцам в лицо, стремена примерзали к кованым железом сапогам.

Армия была одета скверно: и здесь успели навредить заклятые враги—троцкисты. Они не обеспечили армию, одетую в легкое летнее обмундирование, зимней экипировкой.

Скоро красные войска вошли в освобожденный Воронеж. На фронте же Кромы—Орел обстановка осложнялась.

В ночь с 24 на 25 октября Сталин вызвал Серго к прямому проводу. В то время Серго находился при Ударной группе XIV армии, которая должна была решить исход исторического сражения.

Серго рассказал, что бои принимают ожесточенный характер. Ночью красные оставили Кромы. Сегодня шла перегруппировка, которая закончится ночью. Дмитриев нами обстреливается с севера, «надеемся, что завтра сумеем сообщить о занятии Кромы»,—говорил Серго.

Сталин дал ему четкие директивы:

«Обстановка последние дни сложилась на фронте так, что противнику удалось искусным маневром растолкать ударную группу в отдельные полки и бить их поодиночке. Смысл нашей последней директивы в том, чтобы дать вам возможность вновь собрать эти полки в одну группу и истребить лучшие полки Деникина. Повторяю, истребить, ибо речь идет об истреблении. Взятие Кром противником—эпизод, который всегда можно исправить. Основная же задача—не пускать полков ударной группы поодиночке, а бить противника единой и массивной группой в одном направлении; остальные части, идущие с юга, окажут вам посильную помощь».

Серго приступил к выполнению директивы Сталина. Днем и ночью не затихали бои, и наконец в ночь на 27 октября Ударная группа взяла Кромы.

Фронт под Кромами был прорван, и лихие красные конники ринулись через эту брешь на врага. Они сняли красные звезды со своих папах, свернули знамена и глубоко зашли в тыл противника, выдавая себя за дивизии Шкуро. В тылу они навели большую панику, разрушили железную дорогу в тринадцати местах, взяли шесть орудий, шесть бронетракторов и арестовали штаб Корниловского полка.

Два месяца—ноябрь и декабрь—продолжалось решительное сражение. Два месяца Серго находился на фронте. Полевой штаб с боями продвигался из Брянска в Дмитриев, затем в Курск и Белгород, держа направление на Харьков. Я находилась в Брянске и жила на квартире у директора какого-то училища.

Вскоре в Брянск приехал новый начальник военных сообщений. Это был наш старый знакомый Котов, с которым Серго работал еще в Царицыне.

Котов остановился у нас. Он был очень бледен, жаловался на головную боль и общее недомогание.

Серго сказал мне:

— Если окажется тиф—положи в больницу.

Сам Серго уехал на фронт под Дмитриев.

Я вызвала врача:

— Тиф,—констатировал доктор.

Пришлось отправить Котова в больницу. Я почти ежедневно навещала его. Помню, как соседка по квартире со страхом наблюдала за мной: не заразилась ли я сыпняком и не занесла ли заразу в дом.

Обстановка в больнице была страшная: тифозных было очень много, и каждый раз, когда я носила Котову еду, мне приходилось проходить через несколько палат, где метались и кричали в бреду больные.

Серго редко приезжал в Брянск. Он руководил боевыми действиями.

В день второй годовщины Великой революции Серго послал приветственную телеграмму Сталину. Он поздрав-

лял его с великой наградой—орденом Красного Знамени и выражал твердую уверенность сокрушить под его руководством деникинские банды.

Серго приказывал всем комиссарам и коммунистам быть все время впереди.

Под ударами красных войск противник панически отступал к Курску. 15 ноября корпус Буденного взял Касторную, а 17-го красные войска, руководимые Серго, освободили Курск.

18 ноября Серго был в Брянске. Он рассказал, что нами взяты города Глухов, Дмитриев, Фатеж и Курск. С этого дня полевой штаб был переведен из Брянска в Дмитриев.

Он считал, что дальнейшее продвижение будет все более и более стремительным. Со всех сторон стекались в XIV армию добровольцы. В Дмитриевском районе крестьяне вступали в Красную Армию. Представители от четырехсот дезертиров просили также вернуть их обратно в ряды Красной Армии.

Серго внимательно следил за настроением крестьянства и подолгу беседовал с хлеборобами; они делились с ним всеми своими бедами и радостями.

Однажды под Кромами один крестьянин сказал Серго: «Большевики скот из экономии роздали крестьянам, а вот пришел Деникин, отобрал и зарезал, а скот был племенной, видно, он не думает здесь заводить хозяйства».

Прифронтовая и фронтовая полоса были разорены и разграблены. Не было соли, мануфактуры, орудий производства.

Крестьянство видело свое единственное спасение в скорейшем утверждении Советской власти.

Серго писал Ленину 19 ноября:

«При отступлении имели место случаи нападения на наши обозы.—Сейчас мы видим обратное: в селах Куток и Шулевка нашими частями под натиском противника были брошены два пулемета, крестьяне подобрали их

и после выбытия оттуда белогвардейцев пулеметы доставили нам. В другом селе у белых украли 3 пулемета и притащили к нам. Около самого Дмитриева нам пришлось бросить два орудия, крестьяне немедленно сняли замки и притащили их к нам. Один подводчик умудрился отстать от них и подводу с винтовками (подвода была взята белыми) около 120 штук привезти к нам. Крестьяне просят принять все меры, чтобы не пустить деникинцев».

Под Дмитриевым крестьяне говорили Серго о деникинцах:

— Что же, привезли по четверти фунта соли, а угнали восемьсот голов скота.

Серго хотел возможно внимательнее и полнее изучить настроения крестьян. Он знал, что Советская власть должна разрешить еще очень большой вопрос—должна помочь деревне восстановить разоренное хозяйство, дать продукты, промышленные товары и пр. Он предпринимает объезд фронта и пятьсот километров едет на обывательских подводах. Это дало возможность продолжительно беседовать с крестьянами. Вскоре Серго сообщил Ленину по прямому проводу:

«Настроение, благодаря деникинскому режиму, безусловно за нас, но ужасная темнота,—у крестьян отсутствует элементарное представление о советской власти. Самое превратное понятие о коммунистах. Необходимо произвести в широком масштабе мобилизацию коммунистов-рабочих со средним уровнем и бросить их в деревню. Это надо сделать немедленно».

Стремительное наступление на Деникина продолжалось. Белые отступали. В погоню за ними ринулась героическая Первая Конная армия, возглавляемая Буденным и Ворошиловым. Армия Серго в это время подошла к Харькову. 11 декабря город был освобожден от деникинцев.

В это время я все еще находилась в Брянске, ухаживая за больным Котовым. Он медленно поправлялся, и вскоре после взятия Харькова я достала отдельный вагон и вместе с медсестрой пустилась в путь.

Сестра была родом из Полтавской губернии. Очень симпатичная женщина. Она с удовольствием согласилась сопровождать Котова: она хотела поскорее попасть на родину.

Транспорт попрежнему хромал на обе ноги. Часто наш вагон отцепляли от поезда, и мы часами простаивали на запасных путях. В таких случаях Котов очень нервничал.

Ехали мы долго. В пути медсестра заболела: она на каком-то полустанке поела конфет «петушков» и моченых яблок, и у нее начался брюшной тиф.

С трудом добрались до Харькова. Прямо с поезда отправили медсестру в больницу. Ей не пришлось увидеть родную Полтавщину: на четвертый день она умерла.

Вокруг Харькова, как и вообще на всей Украине, бушевало море повстанцев-партизан. Здесь приходилось держаться особо гибкой политики: партизанские массы нужно было влить в армию и растворить в ней, а бандитствующих «батек» и «атаманов» изолировать.

Среди всех «батек» самым опасным был батька Махно. В то время многие центральные газеты, не раскусив кулацко-бандитской сущности этого выродка, называли его вождем крестьянства, борющегося с Деникиным.

Серго еще в ноябре телеграфировал в Москву об опасностях такой популяризации Махно, после же занятия Харькова он просил экстренно выслать не менее пятидесяти опытных политработников для работы в полках и среди крестьян. Серго подчеркивал, что это необходимо сделать немедленно, потому что армия вступила в районы партизанщины и махновщины.

ВНОВЬ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В январе Донецкий бассейн был освобожден от деникинцев. Белые армии—донская, остатки кубанской и добровольческий корпус отступали на Северный Кавказ.

Группа ген. Слащева ушла в Крым, и туда начали стягиваться недобитые силы контрреволюции.

Был образован Кавказский фронт. Сюда были переброшены VIII армия и Первая Конная.

Серго назначили членом Реввоенсовета Кавказского фронта. Мы вместе выехали в Саратов. Наш поезд продвигался очень медленно, останавливаясь на всех полустанках. Серго много раз вызывал коменданта и резко спрашивал:

— Почему опять стоим?

— Сифонит,—неизменно отвечал наш комендант.

Много раз нам—пассажирам приходилось где-нибудь в лесу или степи выходить из вагонов и лопатами разгребать с пути сугробы снега. Бывали и такие случаи, что паровоз останавливался из-за нехватки топлива, и тогда мужчины принимались рубить деревья.

Мы с Серго ехали на верхней полке купэ. Внизу бредил тифозный красный командир. Его можно было бы перевести и в другой вагон, но Серго боялся, что там он будет лежать без присмотра. Командир был ему давно знаком: когда-то вместе отбывали каторгу в Шлиссельбурге.

Из Саратова штаб фронта был переведен в Миллерово. Здесь мы жили около двух недель. 8 января был взят Ростов-на-Дону. Ближайшая задача Кавказского фронта заключалась теперь в ликвидации противника, остановившегося за Ростовом на левом берегу Дона.

Белогвардейцы особенно надеялись на укрепленный район Батайска. Здесь расположились лучшие силы белых.

Мы приехали в Ростов сейчас же после его освобождения. Несмотря на холода, Дон все еще не замерз. Еще под Новочеркасском мы видели неубранные трупы людей и лошадей. Слышалась стрельба на Батайском фронте. Деникин еще продолжал обстрел Ростова артиллерией.

Штаб, как и в 1918 году, находился в гостинице «Палас-отель», что на Таганрогском проспекте. Жили мы в вагоне

на станции. За несколько лет жизни на колесах я так привыкла к купэ, что впоследствии долго еще называла этим именем самую обыкновенную комнату.

Бои за Батайск были очень жаркими. Местность, занятая деникинцами, представляла открытую низменную равнину, пересеченную болотами, озерами и ручьями. Это очень затрудняло действия красных, и особенно конницы. Но среди командования нашлись презренные предатели, которые потребовали лобовой атаки конницы на Батайск. И вот в ночь с 16 на 17 января конница и пехота переправились через только что замерзший Дон (он замерз 15 января) и начали по болотам и топи атаку на укрепленные позиции белых. Первый день не дал никаких результатов; многие бойцы были убиты и ранены. На следующий день повторилась та же картина, но предатели и тут не отказались от своего чудовищного плана истребления Красной конницы. Много дней подряд повторялись неудачные атаки. Противник поливал свинцовым дождем бойцов Первой Конной, потерявших в болотах свое основное свойство—подвижность.

Началась оттепель. Болота совсем раскисли, и продолжать атаки дальше—означало погубить всех до одного бойцов героической Первой Конной.

Трудно сказать, чем закончились бы бои под Батайском, если бы Серго своевременно не потребовал отказаться от лобовых атак конницы и не приказал Первой Конной броситься в рейд на стык кубанской и донской армий, в районе станций Торговая и Тихорецкая. 1 марта крепость деникинцев — Батайск — была освобождена от белых полчищ.

В конце февраля на Дону и Кубани были очень сильные морозы. Войска без крова проводили дни и ночи в безлюдной снежной степи. Но вот не успел наступить март, как началась оттепель, а с нею и распутица. Вскрылись многочисленные реки и речки, ручьи и ручейки, оттаяли болота и топи. Армии Кавказского фронта с трудом продвигались

вперед, зачастую оставляя в тылу из-за труднопроходимого пути не только артиллерию, но и пулеметы.

Противник, используя вскрытие рек, привел свои части в порядок, пополнил их за счет запасных частей и мобилизации. И несмотря на это, красные армии Кавказского фронта в марте взяли Анапу, Новороссийск, Майкоп, Кизляр. Деникин на кораблях Антанты бежал вон с советских берегов. Красные захватили огромное количество пленных.

Еще до окончательного разгрома Деникина у Новороссийска на полях Северного Кавказа встретились мы с героической XI армией и ее руководителем, лучшим другом Серго—Кировым.

Однажды в штабе фронта обсуждался вопрос об окончательной ликвидации белых. Было решено, что XI армия двинется на Баку, а Первая Конная—на Черноморское побережье.

Слово взял Сергей Миронович. Он просил пополнить XI армию пехотой—его бойцы истомились, переходя через Астраханские степи. Серго горячо поддержал просьбу Кирова, и XI армия получила нужные подкрепления.

Вместе с Кировым Серго направился на Северный Кавказ. Повсюду их встречали партизаны, с гор спускались революционные ингуши, осетины и чеченцы,—они еще до прихода к ним частей Красной Армии взяли в свои руки Грозный и Владикавказ.

Серго и Киров написали письмо владикавказским товарищам:

«Примите наш сердечный привет и передайте владикавказцам, всем горцам, всему населению. Сами будем на-днях

Орджоникидзе. Киров».

31 марта мы приехали во Владикавказ. Здесь после двухлетней разлуки встретился Сергей Миронович со своей женой—Марией Львовной, которая скрывалась в подполье и пережила все ужасы деникинского режима.

Был издан приказ по Кавказскому фронту о создании Северокавказского ревкома во главе с Серго. Его заместителем был назначен Сергей Миронович.

На следующий день мы выехали в Грозный. Там был чеченский съезд.

Горцы бурными приветствиями встречали своих освободителей.

Но особенно памятной осталась у меня встреча с ингушами. Она произошла на ст. Назрань, откуда еще совсем недавно отступали мы в мрачные и темные ущелья.

Ингуши встречали нас на перроне. Почетные белобородые старики обнимали Серго и Кирова, называли их спасителями, и радостные слезы текли по их смуглым щекам.

Партизанские отряды выехали с гор нам навстречу. Впереди развевались красные знамена. Лица у всех ингушей были взволнованные и счастливые.

Старики рассказали о том, как подняли они в тылу у Деникина борьбу с белогвардейцами, как несколько дней подряд не могли «добровольцы» сломить упорство свободолюбивых красных партизан. Но на помощь белым пришли свежие войска; их было много, они сомкнутой стеной шли в атаку на ингушские селения. В воздухе парили деникинские аэропланы, броневик поливал партизан свинцовым дождем.

— Враг громил наши селения,—рассказывали старики,—враг убивал наших детей и жен, но все же он не покорил нас. Попрежнему в горах Ингушетии жила, как живет и сейчас, великая Советская власть, которую год назад, за несколько дней до отступления, провозгласил ты, Серго.

Старики просили Серго и Кирова поехать в горы.

Им подали верховых лошадей, и они отправились в сожженные деникинцами аулы Экажево и Сурхохи.

Здесь Серго провел митинг. Он обещал выделить средства на восстановление аулов, обещал достать лесоматериалы, кровельное железо и пр.

Вечером Серго послал об этом телеграмму Владимиру Ильичу. Вскоре из Москвы пришел ответ. Ленин сообщал Серго, что им уже отдано распоряжение отпустить денежные средства для оказания помощи горцам.

В БАКУ

Терек вновь стал советским. На очереди было освобождение Дагестана. Серго и Киров направили XI армию на Баку. Красные партизаны, узнав о приближении освободителей, подняли восстание и неожиданным налетом заняли город Темир-Хан-Шуру, который ныне в честь героического дагестанского революционера назван Буйнакском.

В Петровске-порте (теперь Махач-Кала) горские партизаны встретились с бойцами XI армии и вместе направились на освобождение Азербайджана. Перепугавшиеся враги азербайджанского народа—муссаватисты послали Ленину угрожающую телеграмму: если Красная Армия переступит границы Азербайджана, то они подожгут все нефтяные промысла. Ленин сообщил об этом Серго. Он просил принять все меры для предотвращения пожаров.

Серго тайно вызвал из Баку большевиков-подпольщиков. Он предложил им организовать охрану промыслов и Каспийской флотилии и немедленно начать подготовку восстания бакинского пролетариата.

Подпольщики строго выполнили требования Серго: они предотвратили пожары и в ночь с 27 на 28 апреля свергли власть муссаватистов. Ничего не подозревавшие «правители» в это время пьянствовали вместе с дипломатами из иностранных миссий. Легко представить их ужас, когда они узнали, что вся полнота власти в Баку перешла отныне в руки рабочих и крестьян, руководимых коммунистической партией!

30 апреля в освобожденный Баку вошли части XI красной армии. Во главе их были Серго, Киров и Микоян. На

вокзале их встречали бакинские пролетарии. Восторгам не было конца.

На следующий день вся страна праздновала день 1 Мая. Серго принял участие в демонстрации. Он наградил героев взятия Баку орденами Красного Знамени.

В Баку мы жили около площади Свободы, где находится братская могила 26 комиссаров. Дом наш когда-то принадлежал мукомолу Скобелеву. Сергей Миронович первое время жил у нас. Вместе с Серго он целыми днями находился в штабе, а когда приходил домой, то наша квартира превращалась в штаб: все время приходили и уходили партийные и военные работники, трещали телефоны.

Серго был занят восстановлением разрушенных нефтяных промыслов, вместе с Сергеем Мироновичем разыскивал годные для плавания транспорты, сам следил за наливом нефти. В первые же дни после советизации Баку Астрахань, а через нее и Москва получили пятьсот тысяч пудов нефти.

Из Баку успели удрать в Энзели многие белогвардейские суда. Нужно было отбить их у врага.

В жаркий, удушливый вечер 16 мая Серго принял у себя на квартире капитанов советских кораблей, отправляющихся в Энзели. Были сказаны последние напутствия и пожелания. Серго раскраснелся от волнения. Он громко и горячо попрощался с отъезжающими, обнял и поцеловал их.

Через два дня красные суда наносят удар по белому флоту, отрезают все пути отступления английских интервенционных войск из Энзели и захватывают весь белый флот. Было взято до двадцати кораблей, пятнадцать орудий, двадцать тысяч снарядов, шесть гидросамолетов, четыре истребителя, сто шестьдесят тысяч пудов хлопка, двадцать пять тысяч пудов рельс и т. д.

В это время в окрестных горах еще гремели выстрелы. Еще продолжалась напряженная борьба с остатками белых банд. То здесь, то там белогвардейцы поднимали

контрреволюционные восстания. Особенно неспокойно было в районах Ганджи, Мугани. Серго приходилось постоянно выезжать на места боев и оперативно руководить действиями Красной Армии.

Однажды Серго отправился в Шушу. В горах начался сильный ливень, реки быстро вскрылись, и автомобиль не смог переехать какую-то речку. Вода начала его заливать.

Серго сказал шоферам, чтобы они достали буйволов и переправили автомобиль, а сам сел на поданную ему местным крестьянином верховую лошадь и, не теряя времени, поехал в горы: в Шуше на-днях произошла страшная татаро-армянская резня. Нужно было немедленно расследовать причины этого преступления, с тем чтобы найти и изловить конкретных виновников.

Неспокойно было в горах. Повсюду шныряли контрреволюционные шайки, которые могли в любую минуту напасть на одинокого всадника. Но Серго даже не думал об этом: он всегда с исключительным пренебрежением относился к опасности и часто шутливо говорил:

— Нам помогает большевистский бог!

Шоферы только к ночи сумели вытащить из реки и завести свой автомобиль. Они тронулись в путь и, проехав несколько километров, увидели в долине огонь. Не зная дороги, они стали держать путь на этот огонек и вскоре заметили у костра Серго.

— Ну как, ребята, дела?—живо спросил он шоферов.

— Все в порядке,—ответили те, разглядывая толпившихся возле Серго крестьян. Они наперебой рассказывали Серго про ужасы резни и называли фамилии контрреволюционных офицеров, которые спровоцировали это страшное преступление.

В разговоре с крестьянами Серго выяснил все, что ему было нужно. Затем, оставив у них лошадь, он на автомобиле тронулся дальше.

Ночевали в Шуше. Здесь Серго отдал приказ арестовать провокаторов—зачинщиков резни. На утро его автомо-

биль тронулся в обратный путь. При ярком дневном свете Серго видел следы кровавой резни: колодцы были заполнены изуродованными трупами армян и азербайджанцев; озверевшие контрреволюционеры уничтожили не только женщин и стариков, они насаживали на вилы грудных младенцев.

Вскоре Серго вернулся в Баку. Еще гремели бои, еще лилась кровь, а Серго уже начал приводить в порядок пролетарский центр Кавказа, ремонтировать дома и даже озеленять улицы.

На одном из публичных выступлений Серго сказал:

— Всегда, везде и всюду—куда бы я ни попадал, и в Сибири, и в России—везде и всегда я чувствовал себя воспитанником бакинского пролетариата.

Серго крепко любил воспитавший его бакинский пролетариат, и тот платил ему столь же крепкой привязанностью. «Избрать т. Орджоникидзе,—записано в решениях первого заседания Бакинского совета,—навсегда почетным председателем Совета депутатов».

Вскоре Советская Россия подписала мирный договор с меньшевистской Грузией. На протяжении всей гражданской войны меньшевики были непримиримыми врагами Советов и всячески поддерживали Деникина. После разгрома «добровольческой» армии, когда красные войска подошли к границам Грузии, меньшевики вынуждены были заключить мир с Советской Россией. Они обязались легализировать деятельность компартии Грузии и выпустить из тюрем грузинских большевиков.

Сергей Миронович получил новое и очень ответственное поручение партии: выехать в меньшевистскую Грузию в качестве полномочного представителя РСФСР. Как раз в это время Серго должен был съездить на Северный Кавказ, и мы все вместе отправились в путь. Киров ехал в Грузию через Военно-Грузинскую дорогу. Вместе мы приехали во Владикавказ, а оттуда проводили Сергея Мироновича до Дарьяльского ущелья, где в те времена

кончалась советская территория. Киров, как дипломат, был в мягкой шляпе, с плащом на руке. Мы сердечно распрощались с ним и долго смотрели вслед, пока его машина не скрылась за выступами скал.

Из Владикавказа Серго направился в Ставрополь, затем в Ростов. Здесь мы встретились с Иосифом Виссарионовичем Сталиным. Его приезд в Ростов совпал с первыми блестящими победами Первой Конной на Польском фронте. Серго от имени Бакинского совета послал приветственную телеграмму Ворошилову и Буденному, в которой писал:

«Бакинский пролетариат поручил мне передать братский привет славной Конной армии и вручить тт. Ворошилову и Буденному золотые кинжалы. Не имея возможности лично выполнить поручения бакинского пролетариата, пересылаю подарок бакинских рабочих товарищам через нашего друга, вождя товарища Сталина».

ЛИКВИДАЦИЯ ДЕСАНТОВ ВРАНГЕЛЯ

С весны 1920 года на Советскую Россию нагрянули полчища белополяков. Героическая Первая Конная армия дала чванливым польским панам решительный удар.

Как раз в это самое время, согласно заранее разработанному плану, в Крыму начал активизироваться барон Врангель. Он широко использовал полученную от «союзников» авиацию, двинул против Красной Армии бронемашины и танки и нанес сильный удар нашим конным частям и XIII армии. Успех наступления Врангеля говорил о том, что в Крыму окопался сильный враг, грозящий сорвать первые успехи нашего наступления на Польском фронте. Врангель занял северную Таврию и приблизился к Запорожью. 10 июля ЦК партии провозгласил:

«В ближайшие дни внимание партии должно быть сосредоточено на Крымском фронте. Каждому рабочему,

красноармейцу должно быть разъяснено, что победа над Польшей невозможна без победы над Врангелем».

Предатель революции Троцкий выступил с провокационным заявлением. Он говорил: «Врангель есть только наемный партизан польских панов, тыловой отряд, брошенный в тыл. Стало быть, первая задача—разгромить польскую армию».

Владимир Ильич вмешался в это дело, и против Врангеля были посланы значительные подкрепления. Тысячи добровольцев—коммунистов, комсомольцев, рабочих, в ответ на обращение ЦК партии, двинулись на Крымский фронт.

В начале августа Врангель решает высадить на Черноморском побережье десант. Он надеется поднять против Советской власти Кубань, а за нею весь Северный Кавказ. Одновременно с высадкой десанта в северокавказских отделах—Майкопском, Лабинском и Баталпашинском—расширилось белоповстанческое движение. Сюда сбежались разгромленные в открытом бою офицеры и белоказаки, объединенные ген. Хвостиковым в «Армию Возрождения», или «Армию Правды». К Хвостикову примыкали более мелкие банды: генерала Крыжановского, Горно-Урупские банды полковников Белякова и Васильева и многие другие. Множество шаек и банд населило камыши и плавни, большинство же белобандитов скрывалось в районах горной Кубани.

Захват Кубани и Черноморья был очень важен для Врангеля: это расширило бы территорию его «правительства» и дало бы увеличение живой силы белых войск. Кроме того барон надеялся получить хлеб, без которого крымские войска не могли далее существовать.

14 августа на отмелях, близ станции Ахтырской-Приморской, высадился отборный десантный отряд численностью в восемь тысяч бойцов. Им командовал ген. Улагай. Ахтырка—важнейший пункт на Кубанском побережье. Здесь оканчивался железнодорожный путь, связывающий Россию с Северным Кавказом.

Ген. Хвостиков во главе со своей «Армией Правды» должен был двинуться на соединение с Улагаем. Чуть позднее незначительные десанты были высажены и в других местах побережья: у Анапы и на Таманском полуострове.

Без выстрелов врангелевцы заняли Ахтырку и по железнодорожной ветке дошли к Тимошевскому железнодорожному узлу. Они вступили в бой с частями 1-й Кавказской дивизии и Уральской пехотной бригады, разбили их и стремительно начали распространяться в северо-восточном и южном направлениях, т. е. на Тихорецкую и Екатеринодар, перерезая пути на Ростов. Белых поддерживали броневики, самолеты, около ста пятидесяти пулеметов и несколько десятков орудий.

IX красная армия начала отступать. Об этом узнал Владимир Ильич. Он сразу оценил всю сложность обстановки: с запада на Советскую Россию напали поляки, из Крыма шел Врангель, а в это время ген. Улагай пытался на Кубани объединить все черные контрреволюционные силы.

Ленин прислал в Баку телеграмму. Он просил Серго немедленно взять в свои руки руководство разгромом врангелевских десантов.

Вместе с Серго я выехала в Армавир. Здесь никто толком не знал о численности десанта; паникеры и враги распространяли самые нелепые слухи: рассказывали, будто многие станицы провели уже мобилизацию и из них уже составлена целая казачья армия имени ген. Улагая. Реальной же угрозой для Армавира была «Армия Правды» ген. Хвостикова. Серго решил прежде всего уничтожить этого бандита.

Было жаркое, засушливое лето. По степным кубанским дорогам курилась пыль; белогвардейские злоумышленники отравили все колодцы. Поэтому я настояла, чтобы и Серго и его два шофера взяли с собой и воду, и даже все продукты. Время было тяжелое, и подчас трудно было определить, где друг, а где враг.

Серго из Армавира на машине пустился в путь навстречу хвостиковским бандам. Скоро стали встречаться воинские части и подводы с ранеными.

Серго приказал остановить машину возле одного обоза. Раненые стонали и бредили. Губы пересохли: им смертельно хотелось пить.

Серго обратился к сопровождавшим обоз красноармейцам:

— Ну, как дела, товарищи?

— Да вот,—отвечают,—ранили некоторых.

Серго отстегнул свою флягу и дал раненым напиться. Выяснив, где находится штаб, он тронулся в дальнейший путь. Но вот и фронт. Хвостиковские отряды в одной станице открыли стрельбу по автомобилю Серго. Шофер завернул машину за плетень, и Серго через огороды отправился разыскивать штаб красных. Он отдал приказ командиру немедленно начать наступление. Загрохотали орудия. Цепь за цепью пошли красноармейцы на врага. Над полями поднялась такая сильная пыль, что ничего не было видно вокруг и бойцы продвигались вперед, как в дымовой завесе.

Хвостиков начал отступать. Красные стремительно гнали их до ближайшей станицы. Здесь белые окопались и решили дать бой. Их артиллерия начала меткий обстрел наших позиций.

— Нужно выяснить, где у них наблюдательный пункт,— сказал Серго.

Он в бинокль принялся изучать станицу и взор его остановился на ветряной мельнице.

— Там,—сказал он артиллеристу.

Тут добродушный молодой парень с улыбкой произнес:

— Если желаете, я ее с одного выстрела смахну.

— Давай,—приказал Серго.

Артиллерист сдержал свое слово: он с первого выстрела попал в самый центр ветряка, и мельница моментально вспыхнула. Наблюдательный пункт противника был

уничтожен, и врангелевцы еще стремительнее стали отступать.

В это время Серго донесли, что предатели-троцкисты из IX армии считают дальнейшую борьбу с десантом Врангеля невозможной и начали эвакуировать Екатеринодар. Серго немедля выехал туда.

В Екатеринодаре Серго приостановил эвакуацию города. Он собрал мощный кулак красных войск и к 20—25 августа начал широкое наступление на десант.

Белые сосредоточили свои штабы в станице Ново-Нижне-Стеблиевская (она же Гриневская) на реке Протока, которая соединяет Кубань с Азовским морем. Здесь, в камышах, окруженный с двух сторон красными частями, десант собирал новые силы и чего-то выжидал...

Есть пословица: «промедление смерти подобно». Серго учел это. Он проводил на Кубани большую хозяйственную работу: восстанавливал Майкопские нефтяные промысла и усиленно производил ссыпку хлеба для голодающей России; в это же время он бросил все воинские силы на окончательную ликвидацию десанта. В Екатеринодаре возникла мысль отправить в тыл врангелевцам на судах по реке Кубани, а затем по Протоке до Ново-Нижне-Стеблиевской красный десант. Он должен был застать врага врасплох, потому что неприятель отсюда никак не ожидал удара.

Военным комиссаром, возглавившим это смелое и рискованное предприятие, был боевой комиссар Чапаевской дивизии, автор романа «Чапаев», писатель-коммунист Дм. Фурманов. В своем донесении командование десанта писало:

«Доношу, что 28 августа я с вверенным мне десантом выгрузился под прикрытием ночной темноты в двух верстах от станицы Ново-Нижне-Стеблиевская, каковую на рассвете атаковал. После упорного уличного боя занял станицу, в которой разрушил главный штаб Улагая. Взято в плен несколько штабов, большое количество офицеров,

зарублено три генерала, взято более тысячи человек в плен, много оружия и боеприпасов, уничтожен грузовой бронированный автомобиль, захвачено техническое имущество и много других трофеев, количество которых выясняется. Наши потери убитыми и ранеными не превышают двадцати человек, противника же изрублено несколько сот».

В начале сентября Серго послал Ленину радостную телеграмму:

«Ваше поручение проверено и устроено. Десант в районе Ахтырка Черноморской (главные силы) разбит и загнан в болото и камыши на берегу моря, где в настоящее время производит погрузку на суда. Десант на Таманском полуострове уничтожен, и полуостров совершенно очищен. Банды генерала Хвостикова в районе Армавира серьезной силы не представляют, и, надеюсь, ликвидируем в ближайшие три-четыре дня. Казачество, почувствовав нашу силу, ведет себя довольно прилично. Надежды Врангеля не оправдались. Ссыпка хлеба идет недурно—выполнено 40—50 процентов. В общем чувствуем себя крепко, гораздо крепче, чем до десанта».

9 сентября Ленин прислал из Москвы на имя Серго телеграмму:

«Быстрейшая и полная ликвидация всех банд и остатков белогвардейщины на Кавказе и Кубани—дело абсолютной общегосударственной важности. Осведомляйте меня чаще и точнее о положении дела».

На другой день из полевого штаба IX армии Серго отвечал Владимиру Ильичу: «Ни одного солдата из десанта Врангеля на Кубани нет. Банды генерала Хвостикова и Крыжановского частью истреблены, частью прижаты к горам. Операция еще не закончена. У нас безусловно превосходство людских и технических сил, но сильно затрудняют операции условия горной войны. Сегодня выезжаю на Терек для проведения ряда народных съездов горцев».

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЗАКАВКАЗЬЯ

Серго находился во Владикавказе. Он перевез из гор Ингушетии прах покойного председателя Терского совнаркома Якова Бутырина, провел народные съезды ингушей, осетин и кабардинцев, особое внимание уделял окончательному разрешению сложнейшего для Терека вопроса о земле.

«Лет 50—60 тому назад, при завоевании Кавказа,—писал Серго,—многие аулы горцев были выселены, сами горцы изгнаны со своих насиженных мест, а земли их заселены казаками-завоевателями. Царские колонизаторы произвели расселение, руководствуясь стратегическими соображениями, разобщив горское население друг от друга и заняв выгодные пункты... Разрешение земельного вопроса здесь требовало поэтому восстановления старого положения: требовало переселения нескольких тысяч казаков и передачи их земель горцам... Станицы Сунженская, Тарская, Воронцовская, Хутор Тарский, Романовская, Ермоловская, Самашкинская и Михайловская—были выселены и заселены безземельными горцами ингушами и чеченцами. Таким образом, для этих народностей земельный вопрос был разрешен. В меньшей степени он был разрешен для осетин, которые получили только некоторые прирезки. Кабарда в земле не нуждалась, получив помещичьи».

В эти дни Серго получил известие, что в Дагестане началось большое контрреволюционное восстание.

Было решено провести съезд народов Дагестана. Серго выехал в Баку, а оттуда в Темир-Хан-Шуру. Поезд мчался по недавно освобожденным равнинам Азербайджана; вот промелькнули Баладжары, Хачмас, Ялама и показались величественные горы Дагестана. Железнодорожные станции были повсюду разрушены, когда-то цветущие аулы стерты с лица земли. Все это—плоды «деятельности» аван-

тюриста Гоцинского, Л. Бичерахова, турецкого генерала Нури-паши и многих других. Невольно всплывали в памяти образы обаятельно-простых народных вождей Дагестана—Махача Дахадаева, Буйнакского... На суде Буйнакский сказал деникинским палачам: «В победу Советской власти я верю твердо и готов умереть за ее торжество».

Поезд подымался по красивому ущелью; то здесь, то там виднелись аулы. Подъехали к Темир-Хан-Шуре. Это маленький городок, в котором когда-то была столица контрреволюционного «горского правительства». За кровлями высоко в небе виднеются горы. На их вершинах лежит не тающий снег.

В Темир-Хан-Шуре Серго узнал, что грузинские меньшевики перебросили в Красный Дагестан шайки Гоцинского и полковника Алиханова, снабдили их грузинскими офицерами (более шестидесяти человек), дали шестьсот лошадей. Белогвардейцы внезапно напали на наши сторожевые посты, заставили их отступить и окружили Гуниб и Хунзах.

В Темир-Хан-Шуре Серго провел совещание красных командиров Дагестана. Был выработан план борьбы с шайками Гоцинского и объявлена мобилизация коммунистов. После этого совещания Серго выехал в горы, где в селении Леваши должен был происходить съезд горской бедноты.

Автомобиль Серго подымался в горы по прекрасному шоссе.

Неожиданно на горы пал густой туман. Медленно спускается машина к аулу Верхний Джунгутай, где два года тому назад предательски был убит вождь дагестанской бедноты Махач Дахадаев. Начинается труднейшая часть пути—нужно взять знаменитые Кизиль-Ярские высоты. Здесь одиннадцать месяцев подряд дагестанская беднота с кинжалами в руках охраняла родные горы от деникинцев.

Сгущаются сумерки. Шоферы плохо различают дорогу, а налево от Серго идет головокружительная пропасть. Проводник-дагестанец командует:

— Осторожнее, сейчас будет поворот направо.

— Внимательней, сейчас обрыв...

Только через два дня достиг Серго аула Левашн. Вооруженная конница встретила его далеко за аулом. В самом селении тысячи делегатов шумно приветствовали его.

Съезд собрался под открытым небом на площади. Старики сели по-восточному, прямо на землю, сзади их— молодежь на конях.

Доклад делал Серго. Он разбил свою речь на три части, и каждая часть отдельно переводилась на дагестанский язык. Серго рассказал о положении в Советской стране, о разгроме белополяков и борьбе с Врангелем.

Во время его речи несколько десятков вооруженных людей подымаются и куда-то уходят. Оказывается, дошло известие, что на Левашн собирается напасть шайка Гоцинского, и горцы идут на околицу аула, чтобы достойно встретить «гостей».

По докладу Серго была принята резолюция, в которой горцы просили «поставить на вид грузинскому правительству недопустимость дальнейшего пребывания в Грузии руководителей и организаторов контрреволюционных шаек в лице так называемого горского правительства и других наймитов Деникина и Врангеля и потребовать от грузинского правительства немедленно же положить конец дальнейшим преступным авантюрам против Красного Дагестана и вторжения в Красный Дагестан разбойничьих банд, организующихся на территории Грузии».

Съезд переслал эту резолюцию народному комиссару по делам национальностей—Сталину и дипломатическому представителю РСФСР в Грузии—Сергею Мироновичу Кирову.

На обратном пути в Темир-Хан-Шуру Серго поджидала банда Гоцинского, но шофер развил бешеную скорость— и автомобиль благополучно прибыл в столицу Дагестана. Здесь Серго отдал распоряжение двинуть на Гунib красные броневики.

В октябре на Кавказ приехал Сталин. В день его приезда ЦК партии Азербайджана выпустил воззвание «Ко всем членам партии, пролетариям Баку и трудящимся Азербайджана».

«К нам прибыл т. Сталин,—говорилось в этом воззвании,—рабочий вождь исключительной самоотверженности, энергии и стойкости, единственный испытанный и всеми признанный знаток революционной тактики и вождь пролетарской революции на Кавказе и на Востоке»...

Вместе со Сталиным Серго вновь побывал в Темир-Хан-Шуре, где 13 ноября была объявлена декларация об автономии Дагестанской советской социалистической республики.

После этого Сталин и Серго отправились во Владикавказ; здесь на Втором съезде Советов народов Терека Сталин провозгласил новую декларацию об автономии Социалистической горской республики.

На этом съезде присутствовал Киров. Серго говорил:

«С первых же дней существования Советской власти наша коммунистическая партия ставила своей задачей раскрепощение угнетенных народов всего мира. Советская власть знала, что наша партия не выполнит своей миссии, если она не даст горцам самоуправления и не возвратит им их земли...

Красная Россия не преподносит вам, товарищи, подарок. Она считает этот акт только справедливостью. Центр считает, что красное знамя, врученное осетинам, чеченцам, кабардинцам и т. д. руками любимого комиссара товарища Сталина, будет возглавлять нашу республику навеки и вы удержите это знамя таким же незапятнанным, каким оно передается вам».

Прошло две недели после окончания работы Второго съезда Терека, как Серго послал из Баку Ленину и Сталину известие, что в Армении провозглашена Советская власть. Вся полнота власти перешла к Ревкому.

Серго писал, что «после советизации самым больным являлся вопрос снабжения Армении хлебом. Имевшийся для нее в Азербайджане хлеб, прибывший с Северного Кавказа, оказалось невозможным доставить, ибо меньшевистская Грузия не пожелала пропустить его по своим дорогам в Советскую Армению».

В конце декабря Серго был в Москве и участвовал в работах VIII Всероссийского съезда Советов. Здесь он был избран в члены ВЦИКа и в первых числах января был уже вновь в Баку.

В течение января Серго организовывал переправу хлеба в Армению и со всей силой и страстностью обрушился на троцкистов и прочих «оппозиционеров», навязавших партии профсоюзную дискуссию. Он вел переговоры по прямому проводу со Сталиным, который просил его принять все меры к тому, чтобы ленинская платформа одержала на Кавказе такую же победу, какой достигли большевики Москвы и Питера.

Большое внимание Серго уделял восстановлению хозяйства нашей страны, в особенности же тяжелой промышленности. Он отчетливо понимал, что топливо являлось важнейшим вопросом для всей России. Без топлива не будут работать заводы, окончательно остановятся поезда. Серго горячо приветствовал рабочих-нефтяников, наладивших добычу нефти. Он говорил:

— Бакинский пролетариат, при помощи которого прорван фронт экономической разрухи, может сравнить себя по заслугам своим со славной Первой Конной армией. Нефть—это та же ударная армия, наносящая смерть международной буржуазии.

Но спокойной мирной работе Советской власти все время мешали грузинские меньшевики, которые засы-

лали на нашу территорию различные контрреволюционные шайки. Меньшевистский министр Гегечкори цинично заявлял, что «меньшевики бьют в одну точку с Алексеевым», т. е. в большевиков.

В Тифлисе легально существовали всевозможные «комитеты спасения» Армении, Азербайджана, Кубани, Терека; в гостинице «Ориант» на Головинском проспекте уютно устроилось контрреволюционное «горское правительство». В феврале 1921 года, незадолго до советизации Грузии, «комитет освобождения Кубани и Терека» выпустил в Тифлисе воззвание против Советов. В это же самое время меньшевики томили в тюрьмах тысячи грузинских коммунистов, расстреливали лучших представителей рабочего класса и распускали гнусную клевету о большевиках и о положении в Советской России.

Подрывная антисоветская деятельность меньшевиков сочеталась со страшными зверствами, которые творили эти «демократы» над местным крестьянским населением.

«Горят и горят!—с восторгом писал меньшевик-каратель, уничтожавший осетинские деревни.—Зловещие огни! Какая-то страшная, жестокая феерическая красота... Один старый товарищ сказал мне: «Я начинаю понимать Нерона и великий пожар в Риме!»»

Великий грузинский народ не в силах был терпеть издевательства меньшевиков. В середине февраля восстали лорийские крестьяне. Повстанцы разоружили и взяли в плен два меньшевистских полка. Абхазцы создали Ревком и бросили клич к восстанию против поработителей. На помощь восставшему народу Серго двинул полки Красной Армии. Одновременно Киров, который находился в то время во Владикавказе, направил в Восточную Грузию через снежный Мамисонский перевал Красную конницу.

Красные части, наступавшие на Тифлис из Баку, должны были переправиться через реку Куру, но меньшевики взорвали Пойлинский мост. Помню, как нервни-

чал Серго. Он почти не бывал дома, целыми днями просиживая у прямого провода. Он в категорической форме потребовал восстановить мост в трое суток.

В Грузии уже началась весна. Стояла непролазная грязь.

Красноармейцы работали по пояс в ледяной воде. Они точно к намеченному сроку восстановили Пойлинский мост, и Красная Армия пошла на соединение с лорийскими повстанцами, чтобы совместно ударить с юга на север: на меньшевистскую столицу—Тифлис. Сильное сопротивление красные встретили на подступах к Тифлису. Здесь, в районе гор, меньшевики сосредоточили все свои лучшие силы и дали генеральное сражение.

Одновременно с началом наступления через Пойлинский мост Серго послал конную дивизию в обход через Царские Колодцы на Тифлис. Командир дивизии Курышко был предательски убит меньшевиками в Царских Колодцах (теперь это местечко называется Красными Колодцами; здесь воздвигнут памятник начдиву товарищу Курышко). Смерть героического командира еще больше укрепила боевой дух красных кавалеристов. Стремительным натиском повели они наступление и первыми подошли через Мцхет к Тифлису.

Меньшевики не ожидали удара с этой стороны. Появление Красной конницы в районе Военно-Грузинской дороги страшно перепугало их. Министр внутренних дел—известный палач рабочих и крестьян Грузии—Ной Рамишвили первый пустился наутек. Это послужило сигналом к бегству всех меньшевиков из Тифлиса в Батум. 26 февраля мы уже были в освобожденном Тифлисе.

Бывшие правители Грузии—меньшевики бежали на кораблях за границу. Они вывезли с собой огромное количество ценностей, ограбили банки, музеи, церкви и пр.

Серго сообщил Владимиру Ильичу: «Реет над Тифлисом знамя советской власти. Да здравствует Советская Грузия!»

Прошло пятнадцать лет, и в день празднования освобождения Грузии, 25 февраля 1936 года, грузинский народ прислал великому Сталину письмо. В этом письме есть такие строки:

И народ не вынес муку, униженье и позор.
И, восставши, он на север обратил надежды взор.
Красной Армии отряды на подмогу шли к друзьям,
И Серго Орджоникидзе возглавлял отряды сам.

С ним и незабвенный Киров вел к нам доблестную рать.
Ленин, Сталин их послали нам в победе помогать.
Пробил час, и в двадцать первом в долгожданном феврале
Взвился красный флаг Советов на родимой нам земле.

Fig. 2

СОДЕРЖАНИЕ

От Пражской конференции до ссылки в Якутию 5
Село Покровское 13
Якутск 23
В Питер 30
Накануне Великой пролетарской революции . . 34
Великая пролетарская революция 43
В борьбе за хлеб 47
Немцы на Украине 51
Советский Дон 55
Золотой эшелон 69
Серго в Царицыне 76
На Кубани 82
Терская народная республика 85
Гибель XI армии 94
Оборона Владикавказа 100
В горах Ингушетии 107
Возвращение в Москву 118
Белоруссия 127
План Сталина 133
Вновь на Северном Кавказе 143
В Баку 148
Ликвидация десантов Врангеля 152
Освобождение Закавказья 158

Редактор *И. Разгон*
Художественный редактор *Л. Юркевич*
Заставка художника *А. Ермолаева*
Макет переплета *Г. Писманника*
Техред *А. Потапова*
Отв. корректор *О. Руднева*

Сдано в набор 4/II 1939 г. Подписано в печать 9/II 1939 г. ИГВ/Б Политиздат № 1018. Уполн. Главлита А-4169. Тираж 100 тыс. экз. (1—50 тыс.). Формат 72×110¹/₃₂. Объем 5¹/₄ печ. л. 62 752 зн. в 1 п. л. Заказ № 301. Бумага ф-ки им. Менжинского.
Цена 3 руб. в переплете.

16-я типография треста «Полиграфкнига», Москва, Трехпрудный пер., 9.

5907

LIBRARY